

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России
№ 1 (99)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2023

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Терехов Алексей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России (по научной работе).

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Абдраязпов Ранис Ришатович – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Авдеева Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского юридического института МВД России.

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заместитель начальника Барнаульского юридического института МВД России (по научной работе).

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республи-

ки Башкортостан, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Варданян Акоп Вараздатович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, доцент, декан факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталья Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе).

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э.А. Алиева (по учебной и научной деятельности).

Дивасва Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного

права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе).

Емелин Сергей Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор РАН, действительный член Академии военных наук Российской Федерации, директор Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Заурова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каац Марина Эвальдовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Казамиров Анатолий Иванович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного права Уфимского юридического института МВД России.

Каримов Рим Римович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Латыпов Вадим Сагитьянович – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заведующий кафедрой криминологии Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мамлеева Дилара Радиковна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурин Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова (по научной работе).

Надтачаев Павел Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры

теории государства и права Ростовского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Уфимского университета науки и технологий.

Овсеян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Московского государственного областного университета.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, Отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Петрянин Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегород-

ского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Сибирского юридического института (по научной работе).

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка А. Ф. Чиняева.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 24.03.2023. Дата выхода в свет: 30.03.2023.

Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 27,5. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 23. Цена свободная.

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Terekhov Alexey Yurievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Abdrazyapov Ranis Rishatovich – Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Avdeeva Olga Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of Altai State University.

Anokhin Yury Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Deputy Head of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work).

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Barkov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bukanova Roza Gafarovna – Doctor of History, Professor, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the

Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vardanyan Akop Varazdatovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of Law Institute of Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head of the Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Natalya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for academic work).

Dzhorobekova Arzygul Mamayunusovna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Kyrgyz Republic, Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic named after Major General of Militia E.A. Aliyev (for educational and scientific activities).

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin (for scientific work).

Emelin Sergey Mikhailovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Russian Academy of Sciences, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Director of the Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Endoltseva Alla Vasilievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Alexandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kaats Marina Evaldovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kazamirov Anatoly Ivanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimov Rim Rimovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of History and Theory of State and Law of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Kovtunen Lyubov Vasilievna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of Voronezh State University.

Latypov Vadim Sagityanovich – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mamleeva Dilara Radikovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valerievna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law of Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (for scientific work).

Nadtachaev Pavel Valerievich – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the English Language and Intercultural Communication of the Faculty of Romano-Germanic Philology of Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,

Head of the Department of State (Constitutional) Law of the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant of Moscow State Regional University.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Sochi Institute (branch) of the Peoples' Friendship University of Russia.

Petrova Elena Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Petryanin Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Director of Nizhny Novgorod Branch of St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Pobedkin Alexander Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Alexander Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Siberian Law Institute (for scientific work).

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout A. F. Chinyeva.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: vestnik_uyi@mvd.ru, rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 24.03.2023. Release date: 30.03.2023.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 27,5. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 23. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

(Теория и история права и государства; история правовых учений)

<i>Авдеева О. А., Авдеев В. А.</i> Трансформация подходов к пониманию генезиса государства в условиях формирования и развития государственности	12
<i>Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю.</i> Репатриация русских военнопленных после окончания первой мировой войны: к истории вопроса.....	24
<i>Каплунов А. И., Балахонский В. В., Мухаметов П. А.</i> Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху средневековья	30
<i>Панфилец А. В., Федоров А. Б., Бредихин А. Л.</i> Зарождение политического сыска России: от опричнины до приказа тайных дел	37
<i>Ханамедова Л. В.</i> К вопросу о понятии государства	44

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(Конституционное право; муниципальное право; Административное право; административный процесс; Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности)

<i>Абазов А. Б., Файрушин Т. А.</i> Вопросы активизации гражданского участия населения в решении вопросов местного самоуправления	49
<i>Беженцев А. А.</i> Безнадзорность, беспризорность, бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: стратегические направления минимизации в административной деятельности полиции	56
<i>Зинченко Д. С.</i> Основные аспекты взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с иными государственными органами исполнительной власти в рамках предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия, на объектах транспортного комплекса	66
<i>Михайлюк В. А.</i> Киберполиция – современный правоохранительный орган в борьбе с интернет-преступностью	74
<i>Ненароков С. В.</i> Роль дисциплинарной ответственности в формировании антикоррупционного поведения сотрудников полиции	80
<i>Субботин А. М., Трусов Н. А.</i> Критический взгляд на совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности в контексте производства по делам об административных правонарушениях	86

Частно-правовые (цивилистические) науки

(Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право)

<i>Блинова Ю. В.</i> Иностранцы юридические лица в нормах ГК РСФСР 1922 года.....	91
---	----

Уголовно-правовые науки

(Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; Уголовный процесс; Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность)

<i>Бельский А. Е.</i> Общественная опасность незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения	99
<i>Григорьев В. Н., Терехов А. Ю.</i> Из опыта работы по многоэпизодным уголовным делам	108
<i>Окутина Н. Н., Забелич Л. В.</i> Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики	114
<i>Позднякова А. Р.</i> Особенности признаков объективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ)	122
<i>Титов П. М.</i> О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве	128

<i>Тучина О. А.</i> Парадигма мер пресечения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), не коррелирующих с изоляцией от общества (авторская репрезентация)	135
<i>Янина Т. Н.</i> Особенности работы специалиста с археологическими предметами в ходе расследования преступных посягательств на археологическое наследие народов Российской Федерации	142

Общие вопросы языкознания. Лингводидактика. Юрислингвистика

<i>Беглова Е. И.</i> Устаревшая лексика и фразеология с семой «делопроизводство».....	150
<i>Безземельная О. А.</i> Работа с профессионально ориентированным текстом на занятиях по иностранному языку с обучающимися в неязыковом вузе	157
<i>Внуковская А. В.</i> Функции фразеологического контекста при актуализации семантики фразеологических единиц в произведениях М. А. Шолохова.....	162
<i>Петрова Е. А.</i> Системное описание языка специальности.....	169

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т.</i> Гуманитарно-антропологические основы профессионального воспитания новых поколений в образовательных организациях МВД России.....	176
<i>Карабанов Р. М.</i> Отдельные психолого-педагогические аспекты формирования убеждений у обучающихся высшей школы	183
<i>Сердюк Н. В., Ходякова Н. В., Грищенко Л. Л.</i> Определение новизны в научно-квалификационных исследованиях по педагогике и эффект новизны в научно-педагогической деятельности.....	189
<i>Скляренко И. С., Курипченко Ю. И., Андруник А. П.</i> Педагогическая поддержка семей группы социального риска.....	196
<i>Уланов Н. Д., Мельник К. А., Черников Д. Н.</i> Метод моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности полиции как способ повышения профессиональных компетенций в области применения крайних мер государственного принуждения	205
<i>Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л.</i> Проектирование педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних на основе ситуационно-средового подхода.....	211

Памятка	219
----------------------	-----

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

(Theory and History of Law and State; History of Legal Studies)

<i>Avdeeva O. A., Avdeev V. A.</i> Transformation of approaches to understanding the genesis of the state in the conditions of formation and development of statehood.....	12
<i>Aseev I. A., Karimov R. R., Karimova G. Yu.</i> The repatriation of Russian prisoners of war after the end of the First World War: to the history of the issue	24
<i>Kaplunov A. I., Balakhonsky V. V., Mukhametov P. A.</i> Periodization of the formation of the legal systems of Scandinavia in the Middle Ages	30
<i>Panfilets A. V., Fyodorov A. B., Bredikhin A. L.</i> The origin of political investigation in Russia: from the oprichnina to the Command of Secret Affairs.....	37
<i>Khanakhmedova L. V.</i> On the question of the concept of the state	44

Public law (state law) sciences

(Constitutional Law; Municipal Law; Administrative Law; Administrative Procedure; Judiciary, prosecutorial supervision, organization of law enforcement activities)

<i>Abazov A. B., Fayrushin T. A.</i> Issues of activating civil participation of the population in solving questions of local self-government	49
<i>Bezhentsev A. A.</i> Neglect, homelessness, vagrancy and begging of minors: strategic directions for minimization in the administrative activity of the police	56
<i>Zinchenko D. S.</i> Main aspects of interaction of the territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport with other state executive authorities within the framework of prevention and suppression of offenses committed by minors on objects of transport complex.....	66
<i>Mikhailyuk V. A.</i> Cyber police is a modern law enforcement agency in the fight against internet crime	74
<i>Nenarokov S. V.</i> The role of disciplinary responsibility in the formation of anti-corruption behavior of police officers.....	80
<i>Subbotin A. M., Trusov N. A.</i> A critical look at the improvement of legislation on operational investigative activities in the context of proceedings in cases of administrative offenses	86

Private law (civil law) sciences

(Civil Law; Business Law; Family Law; International Private Law)

<i>Blinova Yu. V.</i> Foreign legal entities in the norms of the Civil Code of the RSFSR of 1922	91
--	----

Criminal law sciences

(Criminal law and criminology; penal law; Criminal process; Criminalistics; forensic activities; investigative activities)

<i>Belsky A. E.</i> Public danger of illegal drug production, sale or shipment committed by a person using his official position.....	99
<i>Grigoriyev V. N., Terekhov A. Yu.</i> From work experience on multiple criminal cases	108
<i>Okutina N. N., Zabelich L. V.</i> Juvenile delinquency in Russia: condition and preventive measures	114
<i>Pozdnyakova A. R.</i> Features of the signs of the objective side of the murder of a newborn child by a mother (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation).....	122
<i>Titov P. M.</i> On the adversarial principle in criminal proceedings.....	128
<i>Tuchina O. A.</i> Paradigm of preventive measures for juvenile suspected (accused) that do not correlate with isolation from society (author's representation).....	135

Yanina T. N. Features of the specialist's work with archaeological objects during the investigation of criminal infringements on the archaeological heritage of the peoples of the Russian Federation .. 142

General issues of linguistics. Linguodidactics. Legal linguistics

<i>Beglova E. I.</i> Obsolete vocabulary and phraseology with seme “paperwork”	150
<i>Bezzemel'naya O. A.</i> Working with a professionally oriented text in foreign language classes with students at a non-linguistic university.....	157
<i>Vnukovskaya A. V.</i> The functions of phraseological context at actualizing the semantics of phraseological units in the fiction of M. A. Sholokhov	162
<i>Petrova E. A.</i> The system description of the specialty language	169

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

<i>Ilakavicius M. R., Borodavko L. T.</i> Humanitarian and anthropological bases of professional education of new generations in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	176
<i>Karabanov R. M.</i> Some psychological and pedagogical aspects of formation of beliefs in higher school students	183
<i>Serdyuk N. V., Khodyakova N. V., Grishchenko L. L.</i> Determination of novelty in scientific and qualification studies on pedagogy and effect of novelty in scientific and pedagogical activity	189
<i>Sklyarenko I. S., Kuripchenko Yu. I., Andrunik A. P.</i> Pedagogical support for families of the social risk group	196
<i>Ulanov N. D., Melnik K. A., Chernikov D. N.</i> Method of simulation of situations of operational and service activities of the police as a way to increase professional competences in the field of application of extreme measures of state coercion	205
<i>Khodyakova N. V., Serdyuk N. V., Grishchenko L. L.</i> Design of pedagogical activities for the prevention of juvenile deviant behavior based on a situational and environmental approach	211
Instruction	219

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2312-3184-2021-4-114-122

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ГЕНЕЗИСА
ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Ольга Анатольевна Авдеева¹, Вадим Авдеевич Авдеев²

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, Avdeeva_O_A@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-5771-4237

² Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
vadim.avdeevich@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5771-4237

Аннотация. В статье рассмотрен процесс формирования и развития в философско-правовой и юридической доктрине научных представлений о генезисе государства. Исследованы особенности возникновения и последовательной трансформации теологической теории происхождения государства, господствующей в условиях перехода от первичных форм самоорганизации общества к политической организации и реализации публично-властных отношений. Отражена специфика научных представлений о генезисе государства в период развития естественных и социальных наук, исходя из соотношения политико-правовых, социально-экономических детерминант и взаимообусловленности демографического, национально-этнического, геополитического, социологического, психологического факторов. Продемонстрирована обусловленность процесса происхождения государства как политико-правовыми, социальными и экономическими реалиями, так и социокультурным уровнем развития человека и общества в целом. Показана роль сущностно-ценностного дискурса в понимании генезиса государства, определены организационно-правовые особенности оформления государственно-властных институтов, институционально-функциональные средства и методы осуществления публично-властных отношений в ходе поступательного развития государственности.

Ключевые слова: государство, генезис государства, теории происхождения государства, сущность государства, функции государства.

Для цитирования: Авдеева О. А., Авдеев В. А. Трансформация подходов к пониманию генезиса государства в условиях формирования и развития государственности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 12–23.

Original article

**TRANSFORMATION OF APPROACHES TO UNDERSTANDING
THE GENESIS OF THE STATE IN THE CONDITIONS
OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATEHOOD**

Olga A. Avdeeva¹, Vadim A. Avdeev²

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russia, Avdeeva_O_A@mail.ru

² Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, vadim.avdeevich@mail.ru

Abstract. The article considers the process of formation and development of scientific ideas about the genesis of the state in the philosophical-legal and juridical doctrine. The peculiarities of the emergence and consistent transformation of the theological theory of the origin of the state, which prevails in the conditions

© Авдеева О. А., Авдеев В. А., 2023

of transition from the primary forms of self-organization of society to political organization and the implementation of public-power relations, are investigated. Based on the correlation of political, legal, socio-economic determinants and the interdependence of demographic, national-ethnic, geopolitical, sociological, psychological factors, the specificity of scientific ideas about the genesis of the state during the development of natural and social sciences is represented. The author demonstrates the conditionality of the process of the origin of the state both by political, legal, social and economic realities, and by the socio-cultural level of human development and society as a whole. The role of the essential-value discourse in understanding the genesis of the state is shown.

Keywords: state, genesis of the state, theory of the origin of the state, essence of the state, functions of the state.

For citation: Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Transformation of approaches to understanding the genesis of the state in the conditions of formation and development of statehood // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 12–23.

Актуальность проблемы понимания процесса возникновения государства на современном этапе предопределена наметившимися во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства глобализационными процессами, повлекшими трансформацию сложившихся в науке теории государства и права доктринальных подходов к раскрытию признаков и сущности государства [1, с. 14–24]. Государство, представляя собой сложное социальное явление, характеризуется последовательной эволюцией, в ходе которой с учетом модернизации политических и социальных институтов происходит оформление различных подходов к пониманию его социального предназначения и ценности в контексте реализации им внешних и внутренних, в том числе регулятивной, охранительной и иных функций. Развитие на современном этапе науки теории государства и права актуализирует необходимость наращивания знаний в области понимания генезиса государства, осознания роли государства в обеспечении правового регулирования общественных отношений, формирования правомерного поведения, правовой культуры и нейтрализации условий возникновения правового нигилизма.

Основные направления понимания генезиса государства в доктрине российского права получили освещение в работах основателей отечественного правоведения Л. С. Белогриц-Котляревского, А. А. Герцензона, А. Д. Градовского, А. Ф. Кистяковского, Н. М. Коркунова, А. А. Пионтковского, С. В. Познышева, В. И. Сергеевича, Н. С. Та-

ганцева, Е. Н. Тарновского, И. Я. Фойницкого, Г. Ф. Шершеневича и др. Трансформация подходов к пониманию генезиса государства стала предметом активной дискуссии на страницах советской и современной российской юридической литературы. Качественно новые подходы к пониманию генезиса государства нашли отражение в трудах С. С. Алексеева, И. А. Исаева, Н. В. Исакова, М. Н. Марченко, Л. А. Морозовой, В. С. Нерсисянца, В. Д. Перевалова и др. Следует отметить, что в результате многочисленных научных изысканий накоплен значительный материал по рассматриваемой проблематике.

Вместе с тем актуальность данной темы предопределена поиском новых подходов к осознанию процесса образования государства [2, с. 44–48]. Разработка в современной науке теории государства и права новых научных направлений к пониманию генезиса государства основана на комплексном и всестороннем исследовании понятия и признаков, выявлении как закономерностей в возникновении государства, так и причинной обусловленности модернизации его форм [3, с. 62–70]. Необходимо подчеркнуть, что сложившийся в отечественной и зарубежной юридической науке плюрализм в оценке понимания генезиса государства характеризуется неоднозначностью подходов к раскрытию генезиса в условиях с учетом раскрытия его сущности [4, с. 216–233].

В этой связи научный интерес представляет рассмотрение процесса государственного-правового строительства в контексте по-

литико-правовой доктрины, оформившейся на ранних этапах организации и функционирования публично-властных отношений [5, с. 16–19]. Исследование доктринальных подходов к генезису государства направлено на углубление теоретических знаний о закономерностях его формирования и развития, социальной ценности государства как политико-правового образования, механизме воздействия государства на систему общественных отношений, организации и функционировании публичной власти, формах и методах реализации государственной власти, регламентации прав, свобод и обязанностей человека и гражданина [6, с. 15–17].

Понятие государства (*stato*) активно стало использоваться в научном обороте с изданием итальянским мыслителем, дипломатом и политиком Никколо Маккиавелли (1469–1527 гг.) работы «Государь» (1513 г.), в которой под государством предлагалось понимать аппарат, созданный для управления подданным народом, «крепкую основу» власти которого составляют «хорошее войско» и «хорошие законы». С развитием философской и теоретико-правовой науки наметился кумулятивный подход к понятию государства, предопределивший многообразие теорий, каждая из которых раскрывает процесс формирования государства, оперируя историческими фактами, объясняющими механизм реализации публично-властных отношений с учетом конкретно-исторической обусловленности.

Так, присущие древневосточным государствам особенности реализации публично-властных отношений, связанные с установлением единоличной власти главы государства, передаваемой по наследству, насильственным отчуждением у общины и закреплением основного средства производства – земли в собственности монарха с правом предоставления на условиях купли-продажи или пользования на время несения представителями государственного аппарата военной или административной службы и законодательным разграничением населения на две противоположные по правовому статусу категории (классы) – рабовладель-

цев и рабов, предопределили необходимость идеологического обоснования происходящих изменений в политической, экономической и социальной системах. В правовых актах первых государственных образований, в частности Древнего Египта, Вавилона, Индии и Китая на основе работ древневосточных государственных деятелей и представителей философской мысли нашел отражение теологический подход (в переводе с греческого языка «тео» – бог и «логос» – учение) к обоснованию генезиса государства, в рамках которого были оформлены два основных направления [7, с. 10–15].

Первое направление в теологической теории происхождения государства получило отражение в формируемой государством идеологии, в основу которой было положено религиозное представление о государстве, созданном по воле Верховного существа (Бога) правителем, являющимся его представителем на Земле. Одним из ведущих идеологов в Древней Индии считается советник императора Чандрагупты I Каутилья (IV век до н. э.), промульгировавший в трактате «Артхашастра» идею о том, что силу, которой наделен монарх, следует считать «лучшим способом подчинения человека», ибо она является разумной и влечет «духовную радость» и «материальное благополучие»; законы, принимаемые императором, «основаны на истине»; полезность варно-кастовой системы состоит в удержании «мирского порядка».

Второе направление в теологической теории происхождения государства предусматривает обожествление непосредственно главы государства, которого следовало считать сыном Верховного существа (Бога). Приверженцы государственной религиозной идеологии, отстаивая божественную природу Правителя государства, промульгировали идеи, закрепленные в законодательстве древневосточных государств, например, подчеркивая, что глава государства в Древнем Египте обладал титулом «сына Великого бога Ра» и признавался «богом при жизни и по смерти, потомком бога и господином вечности».

При этом теологическое представление о генезисе государства предусматривало признание законов Правителя как непосредственной формы выражения воли Бога, осознанной Правителем и воплощенной им в правовых предписаниях. Например, в Законах царя Хаммурапи указывается, что бог Мардук предоставил вавилонскому царю право даровать людям справедливость и достойное управление. В Древней Индии Законы Ману указывают на Верховное Существо, которое раскрыло Ману как отцу человечества священный закон и установило обязанность Правителя как главы государства следовать Законам Ману и защищать их. Идеи о полезности законов главы государства получили обоснование в работах Конфуция (551–478 гг. до н. э.), который в книге «Лунь юй» («Беседы и высказывания») подчеркивает их значимость для достижения «добродетельного поведения», «послушания» и «почтительности» народа, а также государственного деятеля Древнего Китая Шан Ян (IV век до н. э.), указывавшего, что законы, принимаемые монархом, следует считать «фиксированным стандартом справедливости».

Впоследствии в теологической теории происхождения государства в контексте философского религиозного мировоззрения, исходя из сложившегося многообразия представлений относительно первичности материи (бытия) или сознания, оформлению подлежало предложенное греческими философами-софистами (Пифагор, Сократ и Эпикур) естественное направление, которое получило признание в работах римских ученых – Цицерона и Аврелия Августина. Опираясь на учение о Боге, мыслители исходили из признания всего объективированного в мироздании явлениями природы, возникшими по воле Бога, т. е. «естеству». При этом Марк Туллий Цицерон писал, что в мироздании существует как «богоданное» явление единый, «вечный» и «неизменный» закон, исходящий от Бога как творца мира, служащий выражением «истинного разума» и мерилom справедливого, дарующим «согласие человека с природой».

С принятием христианства в рамках религиозного мировоззрения разрабатывается идеалистическое направление, в основу которого было положено учение о том, что государство создается по воле Бога, а управление государством возлагается на Правителя, наделенного правом постичь Божественный разум и воплощать интересы Бога на Земле. Значительную роль в разработке идеалистического направления сыграл древнегреческий мыслитель Платон (427–347 гг. до н. э.), который в своих работах «Государство» и «Законы» писал, что первичным следует признать сознание, которое порождает материю [8, с. 145–149]. «Истинное бытие» составляют «умопостигаемые» и «бестелесные» идеи. Предназначение государства состоит в претворении в «земной общественно-политической жизни» идей, исходящих от мироздания. Социальная ценность государства заключается в создании «идеального» государства, признаком которого является создание на Земле «справедливых» законов. В Древнем Риме в трудах римских юристов (Гай, Гермогениан, Модестин, Папиниан, Трибониан, Ульпиан и т. д.) активному осмыслению подлежали вопросы о соотношении «Богоданного» и светского права, суть которого заключается в воплощении веления Бога для установления порядка и справедливости (*iustitia*).

В период Средневековья в работе голландского мыслителя Баруха (Бенедикта) Спинозы (1632–1677 гг.) «Политический трактат» (1677 г.) акцентируется внимание на признании «естественных законов» не как идей, данных Правителю в «божественном откровении», а как актов, принимаемых главой государства на основе «решений Бога», познанных и раскрытых «человеческим разумом» [9, с. 22–28]. В работах родоначальника классической философии немецкого мыслителя Иммануила Канта (1724–1804 гг. «Метафизические начала учения о праве» и «Критика практического разума» основное внимание уделяется ценности человеческого разума [10, с. 339–341]. Немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831 гг.), раскрывая

природу происхождения государства, в работе «Философия права» (1820 г.) писал, что на ступени «объективного духа» все процессы развития определяются диалектикой свободной воли, влиянием «всеобщего мирового духа», который обладает высшей властью над «духом отдельных народов» [11, с. 448–453].

В период Средневековья и Нового времени идеалистическое направление в теологической теории происхождения государства претерпевает существенную модернизацию. Причиной тому явилось признание религиозной идеологии в качестве идеологической опоры монархической власти главы государства и усиление правового статуса Церкви, что предопределило противостояние между светскими и церковными органами, приведшее к формированию в теологической теории происхождения государства христианско-консервативного направления. Согласно трудам итальянского философа Фомы Аквинского (1225–1274 гг.) «О правлении властителей» и «Сумма теологии», Бог осуществляет управление Мирозданием и вверяет власть Правителю. Однако посредником между Богом и светскими людьми признается Церковь, единственно способная постичь божественный разум и донести его до Правителя. Основой мироздания является закон, данный Богом и воплощающий в себе «вечный божественный разум, управляющий миром»; «Божественный закон» есть «Вечный закон», именно он является «рациональным проектом Бога»; в соответствии с божественным законом действует «естественный закон», который создает Правитель, обладающий «сопричастностью к Богу»; естественный закон следует рассматривать как «отражение вечного закона» посредством человеческого разума; «человеческий закон» признается позитивным законом, который имеет временный характер действия, так как предписания принимаются с учетом конкретного исторического периода и не обладают вследствие этого «полнотой истины»; человеческий разум в силу «несовершенства ума» и отсутствия единообразного подхода к пониманию прав-

ды и справедливости неспособен «истребить зло».

Таким образом, с появлением государства в условиях установления религиозной идеологии в качестве государственной научные представления о генезисе государства базировались на философских воззрениях, основанных на признании государства как богоданного явления. По мере эволюционного развития государства в рамках теологической теории происхождения государства наметилась трансформация философских подходов, повлекшая формирование наряду с непосредственной и опосредованной формой обожествления главы государства естественного, идеалистического и консервативно-христианского направлений, в рамках которых в центре внимания философов находились вопросы о первичности материи и сознания, соподчиненности власти Правителя и Церкви.

В Новое время по мере развития государственности и кризиса социально-экономических отношений в философско-правовой и юридической доктрине в основу осмысления причинной обусловленности генезиса государства помимо теологического подхода была положена совокупность климатических, геополитических, социальных, демографических, экономических, политико-правовых и иных факторов, вследствие чего научному обоснованию подлежали материалистическая, ирригационная, патриархальная, договорная и иные теории трансформации общества от первобытных форм социальной организации к государственно-правовому строительству.

Так, на примере первых древневосточных государственных образований немецким ученым Карлом Августом Витфогелем (1896–1988 гг.) в работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование общей власти» (1957 г.) на основе общих присущих им особенностей была предложена ирригационная теория, согласно которой характерные для данной местности геополитические и климатические особенности предопределили необходимость проведения строительных работ по созданию условий для

жизнеобеспечения, в ходе которых на структурно-функциональном уровне осуществляется коренная реорганизация аппарата управления, обеспечивающего реализацию охранительно-регулятивной, финансово-податной и полицейско-судебной функций.

Исследование процесса возникновения в VI–V вв. до н. э. в Древней Греции городов-полисов повлекло освещение английским философом Робертом Филмером (1588–1653 гг.) в работе «Патриархия, или Естественная власть королей» (1680 г.) патриархальной теории, согласно которой геополитические и демографические особенности обитания греческих племен обусловили специфику социальной стратификации общества, представлявшего собой основанную на родственных отношениях политическую организацию, характеризующуюся установлением публично-властного аппарата управления, действовавшего с учетом иерархической соподчиненности между родственниками по прямой, боковой, восходящей и нисходящей линиям, введением системы разделения труда, специализации производственных отношений и управленческого процесса.

В Новое время в условиях обострения классовых противоречий в работах К. Маркса (1818–1883 гг.) «Немецкая идеология» и «Манифест Коммунистической партии», Ф. Энгельса (1820–1895 гг.) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и В. И. Ленина (1870–1924 гг.) «Государство и революция» и «О государстве» пристальное внимание концентрируется на социально-экономической обусловленности процесса образования государства, что послужило формированию марксистской (классовой) теории (теории внутреннего насилия), обосновывающей ключевую роль таких социально-экономических детерминант эволюционной трансформации общества, как разделение труда, рост производительности труда и появление прибавочного продукта; создание семьи, возникновение частной собственности и имущественная дифференциация населения; правовое на уровне законодательной регламентации ре-

гулирование управленческого и социально-экономического процессов, связанных с установлением аппарата публичной власти, реализующего административно-полицейские и судебные функции, разграничением общества на классы и закреплением личных, экономических, социальных прав и обязанностей под угрозой применения мер принудительного характера.

Роль семьи в процессе формирования социально-экономических детерминант государствообразования подчеркивает французский философ, социолог и антрополог Клод Леви-Стросс (1908–2009 гг.), предложивший в работе «Печальные тропики» (1955 г.) теорию инцесты, в которой акцентируется внимание на особенностях социальной организации первобытного общества в период дикости и переходе человеческого общества к цивилизации посредством установления запрета на промискуитет, введения моногамии и признания парного брака, обусловивших зарождение процесса государствообразования путем создания семьи, формирования частной собственности и возникновения имущественного неравенства, повлекших назревание социального конфликта и необходимость принятия публично-властных мер по урегулированию общественных отношений.

Активизация в Новое время колониальных и колониальных процессов привела к осмыслению роли в процессе образования государства внешнеполитической деятельности, что нашло отражение в теории внешнего насилия, освещенной в работах немецкого философа и экономиста Карла Евгения Дюринга (1833–1921 гг.), австрийского социолога и государствоведа Людвиг Гумпловича (1838–1909 гг.), немецкого социалиста Карла Иоганна Каутского (1854–1938 гг.) и др. На примере первых древневосточных государств были установлены общие закономерности, связанные с развязыванием межплеменных войн, насильственным присоединением иноплеменной территории и обращением иноплеменников в рабов. В качестве обоснования детерминант государствообразования был рассмотрен ряд факто-

ров, в том числе: 1) демографический фактор, обусловленный увеличением плотности населения и необходимостью расширения территории обитания и поиска средств к существованию; 2) национально-этнический фактор, сопряженный с целенаправленным завоеванием иноземцев и обращением их в экономическую и политическую зависимость исходя из этнической принадлежности, влекущей ограничение или лишение представителей завоеванного этноса личных и имущественных прав вплоть до обращения в рабов. В дальнейшем активному осмыслению в учении французского социолога Жозефа Аргюра де Габино (1816–1882 гг.) и немецкого философа Фридриха Вильгельма Ницше (1844–1900 гг.) подлежал расовый фактор, основанный на идеологии разделения народов на высшие и низшие расы с учетом их генетической предрасположенности, влекущей физическую и психическую неравноценность, и признанием установления высшей расой мирового господства.

В развитие данного подхода в XIX–XX вв. английский ученый Джеймс Джордж Фрэнклер (1854–1941), австрийский ученый Зигмунд Фрейд (1856–1939), немецкий философ и психолог Эрих Фромм (1900–1980 гг.) акцентировали внимание на психологии как области научного познания. Вследствие этого процесс государствообразования стал рассматриваться с точки зрения обусловленности происходящих процессов непосредственно психикой человека [12, с. 195–199]. Примечательно, что психологическая теория происхождения государства основывалась на взглядах древнеримского философа Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н. э.) и итальянского мыслителя Николлы Макиавелли (1469–1527 гг.), рассматривавших общество как «сумму психических взаимодействий» индивидов, а человека как биологическое существо, которому присущи психологическая врожденная потребность к совместному бытию, стремление к власти и подчинению подвластных. Исходя из метода экспериментальной психологии, процесс генезиса государства стал исследоваться с учетом признания общества как психологи-

ческой социальной организации, в которой существует два уровня психологии: 1) индивидуальная психология, присущая каждому конкретному индивиду; 2) коллективная психология, характерная для всех членов общества. Раскрытие генезиса государства осуществлялось исходя из «интеллектуального, эмоционального и волевого воздействия одних людей на других». Используя метод «гуманистического психоанализа», представители психологической теории акцентировали внимание на обусловленности процесса возникновения государства сущностью человека и его разума, способного постичь как высший (божественный разум), так и осознать происходящие природные и социальные явления. В качестве психологических факторов, воздействующих на деятельностный уровень поведения индивидов, выделяли: 1) характер человека, определяющий линию его поведения на личностно-волевым уровне; 2) двойственность человеческой природы, выступающей носителем исторически заложенных «потенций».

Придерживаясь данного подхода, Б. Н. Чичерин (1828–1904 гг.) в работе «Философия права» (1900 г.) высказал предложение рассматривать процесс генезиса государства с точки зрения влияния человеческого разума на определение «состояния свободы человека» [13, с. 72–78]. Профессор Петербургского университета Л. И. Петражицкий (1867–1931 гг.) в работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1909–1910 гг.) отмечал роль интеллектуально-волевой деятельности людей и взаимообусловленность социальных процессов и психики человека [14, с. 26–32]. Выдающиеся государственоведы Н. М. Коркунов (1853–1904 гг.), Ф. Ф. Кокошкин (1871–1918 гг.) и М. А. Рейснер (1868–1928 гг.) писали, что разум человека, осознавая присутствие противоположных черт, порождающих угрозу жизнеобеспечения, постигает целесообразность общения и объединения индивидов в организованную общность, какой и становится государство.

С развитием в XIX в. социальных наук происходит формирование новых подходов

к осмыслению процесса происхождения государства, в рамках которого последовательно исследуется социальный фактор, сопряженный с нарастающими протестами населения против основ монархического строя, стремлением зарождающейся буржуазии закрепить на законодательном уровне политические права в сфере управления государством и расширить социально-экономические права и свободы. Указывая на необходимость умаления роли теологического (метафизического) метода познания, французский философ Огюст Конт (1798–1857 гг.) предложил признать роль социологии как науки и использовать экспериментальный метод, ориентированный на объективное восприятие реалий. Обосновывая исходя из данного метода генезис государства, О. Конт разрабатывает социологическую теорию, согласно которой в качестве основной причины рассматривается социальный конфликт. Причиной повышенной социальной конфликтности признается радикальная противоположность социально-экономических и политических интересов социальных групп. Австрийский правовед и социолог Эуген (Ойген) Эрлих (1862–1922 гг.), выступив приверженцем социологической теории происхождения государства, предложил рассматривать государство как «продукт социологического развития». В свою очередь, Максимилиан Карл Эмиль Вебер (1864–1920 гг.) акцентировал внимание на необходимость введения политической публичной государственной власти, способствующей обеспечению стабильности в обществе. Французский юрист, теоретик права Леон Дюги (1859–1928 гг.) предложил метод социологического позитивизма, с учетом которого общество как социальный организм подобно человеческому биологическому организму, нуждается для поступательного развития в установлении общественной солидарности, приоритетной целью которой выступает нейтрализация уровня социальной конфликтности посредством учреждения аппарата государственной власти для обеспечения с помощью права ограничения произвольности воли лица и

регламентации меры свободы человеческой воли [15, с. 54–58].

Дальнейшее развитие социологической теории происхождения государства в XIX–XX вв. сопровождалось введением в научный оборот понятия социальной инженерии. Немецкий ученый Филипп Хеп (1858–1943 гг.) и американский правовед Роско Паунд (1870–1964 гг.) указывали, что важнейшей задачей с учетом нарастающего партикуляризма и противоречия интересов членов общества являлось сбалансирование общественных интересов путем введения норм права, которые призваны обеспечить охрану, как публичных, так и общественных интересов, а также создание условий, гарантирующих безопасность общих и индивидуальных интересов, включающих интересы личности, интересы семьи и интересы материального характера.

В рамках социологической теории немецкий ученый Герман Ульрих Канторович (1877–1940 гг.) высказал предложение о двухаспектности проблемы генезиса государства, подразумевающей сочетание «формального» и «свободного» подходов. Если «формальный» подход позволяет признать государство как фактическое явление, то «свободный» подход создает представление о государстве как «желаемом» явлении, приспособленном «велемием времени» к «потребностям общества» посредством влияния воли человека и воли коллектива на основе целеполагания.

В ходе активного обсуждения в XIX–XX вв. в научных кругах идеи о целесообразности существования государства как политико-правового образования развитию подлежала теория «общественного договора», опирающаяся на взгляды древнегреческих философов Протагора (481–411 гг. до н. э.), Горгия (483–375 гг. до н. э.), Гиппия (460–400 гг. до н. э.), Сократа (469–399 гг. до н. э.), Платона (427–347 гг. до н. э.) и Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), указывающих, что переход от племенной организации общества к государству на примере древнегреческих городов-полисов осуществлялся на добровольном начале в целях сохранения

прирожденных (естественных) прав и свобод, необходимости стабилизации общественных, экономических и внешнеполитических отношений, так как принимаемые законы призваны обуздывать отрицательные свойства, присущие людям, а именно зависть, раздоры и взаимное причинение вреда. Развивая принцип целесообразности в теории «общественного договора», голландский мыслитель Г. Гроций (1583–1645 гг.), английские ученые Т. Гоббс (1588–1677 гг.) и Дж. Локк (1632–1704 гг.), французский мыслитель Ж. Ж. Руссо (1712–1778 гг.) указывали на предназначение государства как организации, созданной «разумной природой» человека для гарантирования совместного сосуществования людей путем введения запрета на совершение действий, которые противоречат «самой человеческой природе» и ограничения естественной свободы, присущей людям в период первобытного общества. Государство возникает ввиду необходимости упорядочения отношений между людьми и защиты естественных прав человека, которые дарованы людям самой природой по «естеству» [16, с. 501–510]. Выделяя «природное различие людей», мыслители определяли государство как политический организм, представляющий собой особую форму ассоциации людей, целью которой выступает защита и ограждение народа от внутренней и внешней силы. Полезность государства раскрывается в «Политическом трактате» голландского мыслителя Баруха (Бенедикта) Спинозы (1632–1677 гг.), в котором подчеркивается необходимость обеспечения как самосохранения людей, так и их безопасного существования. Опираясь на рационалистический подход, французский правовед Шарль Луи Монтескье (1689–1755 гг.), подчеркивал полезность позитивных законов, принимаемых государством. Немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804 гг.) ориентировал научное познание процесса генезиса государства посредством анализа свободы как состояния человека и общества и роли государства, призванного обеспечить свободное проявление воли человека, совместимое со свободой каждого.

Государство как механизм «универсального обоюдного принуждения» выступает гарантией реализации гармонии и «беспрепятственной реализации свободы индивида на основе нравственности».

Английские мыслители И. Бентам (1748–1832 гг.) и Дж. Остин (1790–1859 гг.), выступая представителями договорной (естественно-правовой) теории, предложили «командную теорию», согласно которой роль государства заключается в достижении общественного блага и общей пользы. В рассуждениях о государстве с точки зрения утилитаризма ученые писали, что полезность государства состоит в достижении человечеством гармонии в индивидуальных и общественных интересах путем определения меры должного поведения лиц, находящихся под его властью, создания гарантий безопасности подданных, принятия законов как средства осуществления сувереном охранительной функции. Немецкий философ права Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831 гг.) писал, что роль государства состоит в закреплении в позитивном писаном праве «меры свободы, как проявления свободной воли, выраженной в нравственности». Немецкий ученый Рудольф фон Иеринг (1818–1892 гг.) указывал на ключевую роль государства как политического «организма», являющегося носителем целей общества, направленных на обеспечение условий общественной жизни и урегулирование общественных отношений, связанных со взаимодействием человека и природы; касающихся непосредственно человеческой деятельности и правовых отношений, непосредственно обеспеченных юридическими предписаниями.

В работах российских правоведов Б. А. Кистяковского (1868–1920 гг.), Н. И. Палиенко (1869–1937 гг.) и Г. Ф. Шершеневича (1863–1912 гг.) подчеркивалась роль государства в осуществлении организованного принуждения, направленного на установление правил и воздействие на волю лица с целью вызвать «сильнейший мотив в пользу требуемого поведения» [17, с. 501–510]. С. А. Муромцев (1850–1910 гг.) и

Н. М. Коркунов (1853–1904 гг.) писали, что с позиции позитивизма государство есть организованная общность, призванная служить охране интересов ввиду особенностей человека, порождающих угрозу жизнеобеспечения. Государство создает правовой порядок путем установления правил, закрепляющих «должные пределы и способы юридической защиты» отношений, предписанных властью и регулирующих «правовой быт народа». Государство обеспечивает справедливый порядок, который предполагает установление баланса интересов в обществе [18, с. 501–510].

Развитие естественных наук предопределило обоснование английским мыслителем Гербертом Спенсером (1820–1903 гг.) в работе «Основание социологии» органической теории происхождения государства, получившей одобрение в работах швейцарского юриста Иоанна Каспара Блунчли (1808–1881 гг.) и французского социолога Рене Вормса (1869–1926 гг.). Жизнь и деятельность человека как биологического существа предполагает организацию и функционирование общества как совокупности биологических организмов. Общество как совокупность биологических (человеческих) организмов претерпевает развитие от простых к сложным формам внутренней организации, в результате которого подобно биологическому организму создаются органы (учреждения, предприятия и т. д.), каждый из которых предназначен для реализации конкретно-определенной функции, направленной на создание условий для благополучного существования человечества.

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что закономерным этапом по мере эволюции человеческого общества является создание различных форм самоорганизации, включающих коммуну, племя, союз племен и др. Высшей степенью самоорганизации общества признается государство, которое создается в форме политической организации, внутренняя структура которой представлена совокупностью органов, осуществляющих публично-властные (политико-идеологиче-

ские, функционально-регулятивные, правоохранительные, контрольно-надзорные и т. д.) функции, учреждений и предприятий, обеспечивающих поступательное развитие на внутригосударственном и межгосударственном уровнях путем реализации политико-правовых, социально-экономических, культурных, научных и иных социально-значимых публичных, частно-публичных и частных целей и интересов. Характерное для публично-властной организации общества применение методов реализации государственной власти, основанных на сочетании убеждения, соподчинения и принуждения, сопряжено с консолидацией военных, административных, информационных и иных ресурсов, обеспечивающих координированную деятельность внутренних структурных подразделений и осуществление контроля и надзора за их деятельностью [19, с. 9–19]. Государство с помощью права устанавливает норму желательного поведения, нарушение которой создает угрозу наступления негативных последствий, порождающую мотивацию правосознания, предотвращающую (сдерживающую либо исключаящую) правонарушающее поведение.

Государство как политическое образование претерпевает существенные изменения в сфере сущностных характеристик реализации публично-властных отношений с учетом поступательного политико-правового развития общества, сложившихся конкретных исторических условий, социальных и экономических реалий, а также социокультурного развития общества и влияния личностно-деятельностного фактора.

По мере формирования демократического государства содержание функций государства предопределяется целями и интересами общества в целом. Государство обеспечивает реализацию двухсторонней принудительной и обязательной силы, так как принятые им законы становятся обязательными как для народа, так и для органов и лиц, непосредственно осуществляющих государственную власть. Государство в процессе реализации общесоциальной функции способствует снижению уровня социаль-

ной конфликтности в обществе, устанавливая систему государственного управления, предусматривающую гармонизацию «воль» и «целеполагания» представителей различных категорий независимо от расы, национальности, места происхождения, рода деятельности и т. д. В результате построения социального государства в целях претворения принципа «государственного патернализма» государство осуществляет функции, обеспечивающие качество жизни каждого человека, формирует систему мер в сфере социальной защиты населения, создает условия для развития личности.

Формирование правового государства предполагает создание институционально-инструментальных средств юридического воздействия на систему общественных отношений, гарантирующих установление правового порядка, предусматривающего незыблемость прав и свобод человека как высшей ценности и их реализацию на основе принципов социальной справедливости, равенства, свободы, законности и гуманизма, а также недопустимость использования методов насилия и подавления личности в ходе реализации юридической ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Морган Л. Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935. 360 с.
2. Юрашевич Н. М., Минько Н. С. Правовая сущность и соотношение категорий «государственное управление», «государственное регулирование» и «правовое регулирование» // Юстиция Беларуси. 2019. № 3 (204). С. 44–48.
3. Мушинский М. А. О соотношении доктрин правового и социального государства и их реализации в российской политико-правовой практике в контексте современных социальных и политических перемен / М. А. Мушинский // Теория государства и права. 2019. № 1 (13). С. 62–70.
4. Рожкова И. Ю. Конституционно-правовые основания реализации демографической функции государства // Теория государства и права. 2021. № 4 (25). С. 216–233.
5. Бредихин А. Л. Идеологемы, мифологемы и идеологические установки в идеологической функции государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 9. С. 16–19.
6. Байтин М. И. Сущность и основные функции государства. Саратов: Заря, 2005. 290 с.
7. Левчук С. В. Современная интерпретация теологической теории образования государства и права с позиции философии права и современных христианско-демократических идей эволюции государства // История государства и права. 2013. № 20. С. 10–15.
8. Платон. Сочинения: в 3 т. / под ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1972. Т. 3. Ч. 2. 324 с.
9. Спиноза. Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. 232 с.
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. / И. Кант. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
11. Гегель Г. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
12. Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Будапешт, 1996. 302 с.
13. Величко А. М. Развитие идеи общественного права в трудах Б. И. Чичерина // Правоведение. 1994. № 3. С. 72–78.
14. Петражицкий Л. И. Теория государства и права в свете теории нравственности. М., 2010. 800 с.
15. Дюги Л. Государство, объективное право и положительный закон. СПб., 1901. 102 с.
16. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. Т. 1. М.: Мысль, 1964. 747 с.
17. Кистяковский Б. А. Философия и социология права / сост. примеч. В. В. Сапова. СПб: РХГИ, 1999. 800 с.
18. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб, 1909. 354 с.
19. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Стратегические направления правового воздействия в контексте реализации концепции устойчивого развития современного общества // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 1 (100). С. 9–19.

REFERENCES

1. Morgan L. G. Ancient society or the study of the lines of human progress from savagery through barbarism to civilization. Leningrad: Publishing House of the Institute of the Peoples of the North of the Central Executive Committee of the USSR, 1935. 360 p. (In Russ.)
2. Yurashevich N. M., Minko N. S. The legal essence and correlation of the categories “public administration”, “state regulation” and “legal regulation” // Justice of Belarus. 2019. No. 3 (204). P. 44–48. (In Russ.)
3. Mushinsky M. A. On the correlation of the doctrines of the legal and social state and their implementation in Russian political and legal practice in the context of modern social and political changes / M. A. Mushinsky // Theory of state and law. 2019. No. 1 (13). P. 62–70. (In Russ.)
4. Rozhkova I. Y. Constitutional and legal grounds for the implementation of the demographic function of the state // Theory of state and law. 2021. No. 4 (25). P. 216–233. (In Russ.)
5. Bredikhin A. L. Ideologems, mythologems and ideological attitudes in the ideological function of the state // State power and local self-government. 2021. No. 9. P. 16–19. (In Russ.)
6. Baitin M. I. The essence and main functions of the state. Saratov: Zarya, 2005. 290 p. (In Russ.)
7. Levchuk S. V. Modern interpretation of the theological theory of the formation of the state and law from the perspective of the philosophy of law and modern Christian-democratic ideas of the evolution of the state // History of the state and law. 2013. No. 20. P. 10–15. (In Russ.)
8. Platon. Essays: in 3 vols. / edited by A. F. Losev and V. F. Asmus. M.: Mysl, 1972. Vol. 3. P. 2. 324 p. (In Russ.)
9. Spinoza. Selected works: vol. 1. M.: Gospolitizdat, 1957. 232 p. (In Russ.)
10. Kant I. Works: in 6 volumes / I. Kant. M.: Thought, 1964. Vol. 3. 799 p. (In Russ.)
11. Hegel G. Philosophy of Law. Moscow: Mysl, 1990. 524 p. (In Russ.)
12. Suriya Prakash Sinha Jurisprudence. Philosophy of law. Budapest, 1996. 302 p. (In Russ.)
13. Velichko A. M. The development of the idea of public law in the works of B. I. Chicherin // Pravovedenie. 1994. No. 3. P. 72–78. (In Russ.)
14. Petrazhitsky L. I. Theory of state and law in the light of the theory of morality. M., 2010. 800 p. (In Russ.)
15. Dugi L. The state, objective law and positive law. St. Petersburg, 1901. 102 p. (In Russ.)
16. Hobbes T. Selected works / T. Hobbes. Vol. 1. M.: Thought, 1964. 747 p. (In Russ.)
17. Kistyakovsky B. A. Philosophy and sociology of law. Comp. note. V. V. Sapova / B. A. Kistyakovsky. St. Petersburg: RHGI, 1999. 800 p. (In Russ.)
18. Korkunov N. M. Lectures on the general theory of law. St. Petersburg, 1909. 354 p. (In Russ.)
19. Avdeeva O. A., Avdeev V. A. Strategic directions of legal impact in the context of the implementation of the concept of sustainable development of modern society // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (100). P. 9–19. (In Russ.)

Информация об авторах:

Авдеева О. А., доктор юридических наук, доцент;
Авдеев В. А., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Avdeeva O. A., Doctor of Law, Associate Professor;
Avdeev V. A., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 23.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья

УДК 341.33:614.885-054.65(470)»1918/1920»

РЕПАТРИАЦИЯ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Игорь Анатольевич Асеев¹, Рим Римович Каримов², Гузель Юрисовна Каримова³

^{1,2} Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

³ Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

¹ aseev60@mail.ru, ² karimov_rim@mail.ru

³ guzel-karimova-80@mail.ru

Аннотация. В представленной статье на основе архивных источников, извлеченных из фондов Государственного архива Российской Федерации, рассматривается деятельность Российского общества Красного Креста в сложный для российского государства переходный период 1918–1920 гг. Изучено положение русских военнопленных за границей, а также работа по их репатриации на родину. Проанализированы вопросы, касающиеся пересмотра Женевской Конвенции 1906 г., об улучшении участи раненых и больных воинов действующей армии. Статья подготовлена на основе общепризнанных научных методов: анализа и синтеза историографических фактов и исторических источников, индукции, позволяющей проделать путь от рассмотрения частных факторов к общим выводам.

Ключевые слова: Российское общество Красного Креста, военнопленные, репатриация, Женевские конвенции.

Для цитирования: Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Репатриация русских военнопленных после окончания первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 24–29.

Original article

THE REPATRIATION OF RUSSIAN PRISONERS OF WAR AFTER THE END OF THE FIRST WORLD WAR: TO THE HISTORY OF THE ISSUE

Igor A. Aseev¹, Rim R. Karimov², Guzel Yu. Karimova³

^{1,2} Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

³ Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹ aseev60@mail.ru, ² karimov_rim@mail.ru, ³ guzel-karimova-80@mail.ru

Abstract. Based on the archival sources from the holdings of the State Archive of the Russian Federation, the article examines the activities of the Russian Red Cross Society during the transitional period of 1918–1920, which was difficult for the Russian state. It studies the situation of Russian prisoners of war abroad, as well as the work on their repatriation to their homeland. The issues concerning the revision of the Geneva Convention of 1906 on improving the fate of wounded and sick soldiers of the active army are analyzed. The article was prepared on the basis of generally recognized scientific methods: analysis and synthesis of historiographical facts and historical sources, induction, which allows to proceed from consideration of particular factors to making general conclusions.

Keywords: Russian Red Cross Society, prisoners of war, repatriation, Geneva Conventions.

For citation: Aseev I. A., Karimov R. R., Karimova G. Yu. The repatriation of Russian prisoners of war after the end of the First World War: to the history of the issue // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 24–29.

© Асеев И. А., Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., 2023

Общество Красного Креста действует в России с 1867 г. и за этот период показало себя эффективной организацией по оказанию помощи не только военнопленным, но и всем нуждающимся. К сожалению, после революции 1917 г. для Российского общества Красного Креста наступили трудные времена. Обуславливалось это, в первую очередь, вследствие противодействия западных стран, непризнания ими молодого советского государства.

Распустив Главное Управление Российского общества Красного Креста (далее – РОКК) декретом от 6 января 1918 г. Советское правительство поставило себя в такое положение, когда почти все зарубежные общества Красного Креста под различными предлогами долгое время уклонялись поддерживать связь с созданным на новых началах Обществом Красного Креста Советской России. Только представители Датского и Норвежского Обществ Красного Креста поддерживали связи с Советским Красным Крестом, носившие нерегулярный характер.

В начале августа 1918 г. из Москвы выехала комиссия попечения о военнопленных в Австро-Венгрии, а 11 октября миссия Красного Креста, возглавляемая Б. С. Вейсбродом, благополучно прибыв в Вену, известила военное министерство, австрийское и венгерское национальные краснокрестные общества об открытии деятельности РОКК. Времени на обустройство не оказалось, ноябрьская революция распахнула ворота лагерей для военнопленных: «... поезда были переполнены, люди сидели на крышах вагонов, буферах, подножках, и не было никакой возможности несколько умерить <...> стихийный поток несчастных истрадавшихся»¹. По пути следования эшелонов срочно организовывались врачебно-продовольственные пункты, где выдавалась горячая пища и оказывалась необходимая медицинская помощь. Такие пункты действовали на территории Австрии, Венгрии, Галиции. Сотрудники миссии распределились по этим

пунктам – на железнодорожных вокзалах нескольких европейских государств. В Вене работу координировал П. М. Берман, в Будапеште – А. А. Таргонский, на станции Мармарош-Сегет – доктор М. А. Любовский и т. д. Об объеме деятельности пунктов говорит тот факт, что только через Венгрию проходило и проезжало от 30 до 35 тыс. бывших военнопленных ежедневно. Буржуазные и социал-демократические правительства национальных государств, возникших на обломках бывшей Австро-Венгерской империи, подозрительно относились к членам краснокрестной миссии, считая их тайными агентами большевиков, ведущих подрывную работу, и старались поскорее выслать работников Советского Красного Креста за пределы страны. 6 января 1919 г. в Будапеште были арестованы сотрудники миссии и переданы французскому военному командованию. 13 января Министерство иностранных дел Австрийской Народной Республики сообщило решение Государственного Совета о высылке членов миссии Красного Креста из страны. Преодолевая огромные сложности, снося издевательства властей, кружным путем через Германию и Прибалтику сотрудники миссии 3 апреля 1919 г. вернулись в Москву. Центрокрест ввиду прекращения деятельности миссии РОКК в Австро-Венгрии расформировал последнюю с 15 апреля 1919 г.²

Трагически закончилась деятельность комиссии о попечительстве военнопленных и миссии РОКК (главный представитель П. А. Гессе) в Польше. 8 декабря 1918 г. миссия выехала в Варшаву для разрешения вопросов, связанных с проездом русских военнопленных через Польшу. Правительство Ю. Пилсудского 21 декабря арестовало советскую делегацию и выслало ее на советскую границу. П. А. Гессе попросил политического убежища в Польше и оставил при себе весь наличный капитал делегации – 2 млн рублей. По дороге к границе у с. Вилины-Русь 2 января 1919 г. польские

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3341. Оп. 6. Д. 314. Л. 207.

² Там же. Л. Л. 206, 206 об, 207–214, 217, 250, 250 об, 251.

жандармы застрелили четырех членов делегации: Б. Веселовского, Л. Я. Клоцмана, сестер милосердия М. Альтер и М. Айвазову¹.

В начале марта 1918 г. для перевозки больных и раненых из германского плена была создана Балтийская госпитальная флотилия РОКК. В состав флотилии вошли 10 кораблей, находящихся на рейдах Гельсингфорса (Хельсинки) и Петрограда, а именно: «Товарищ», «Русь», «Литава», «Лахта», «Паллада», «Меркурий», «Вулкан», «Океан», «Диана», «Рига». Только «Товарищ» в годы Первой мировой войны являлся военно-госпитальным судном морского ведомства. Все остальные корабли нуждались в оснащении госпитальным оборудованием согласно требованиям Гаагской конференции 1907 г. Первые из семи перечисленных судов переоборудовались в Гельсингфорсе, остальные – в Петрограде. По просьбе Российского Красного Креста для обеспечения неприкосновенности судов над ними устанавливался протекторат Датского Красного Креста и правительства Дании. Тем не менее, правительство Финляндии решило оставить корабли в порту. После вмешательства датчан удалось добиться ухода в Копенгаген 3 судов – «Товарищ», «Русь» и «Литава». Но в Дании вмешались бывшие владельцы пароходов, которым они принадлежали до начала Первой мировой войны. Суда вынуждены были оставаться на якорях в гавани Копенгагена. В итоге к сентябрю 1918 г. из всей флотилии только «Океан», находящийся в Петрограде, мог приступить к работе². Для отстаивания интересов РОКК в переговорах с Финляндией по поводу Балтийской госпитальной флотилии была сформирована делегация из юрисконсульта Иностранного отдела профессора А. Э. Вормса и доктора Н. Я. Якобсона, которые представляли РОКК на Российско-финской конференции³.

Положение русских военнопленных за границей осложнялось еще и тем, что они становились, вследствие вмешательства правительств Антанты и представителей белогвардейских правительств, членов бывшего Главного Управления РОКК, объектом вербовки и отправки в районы действий белых армий и интервентов. Весной Берлин стал местом паломничества вербовщиков. Помимо «военного отделения Красного Креста» А. Деникина, сенатор Бельгард вербовал военнопленных в воинские формирования князя Ливена, генералов А. П. Родзянко, С. Н. Булак-Балаховича, действовавших в Прибалтике, генерал Н. А. Монкевиц – посланец Колчака – в Сибири и на русском Севере, генерал Давыдов – в Белоруссии, посланцы С. В. Петлюры – на Украине и т. д. Однако разногласия в среде белых вербовщиков, активная деятельность представительства РСФСР в Германии во главе с В. Л. Коппом, который с 1915 г. по осень 1918 г. сам находился в немецком плену, и главное – желание самих военнопленных вернуться поскорее домой – сорвали эти замыслы⁴. Большой объем работы по оказанию врачебно-продовольственной помощи военнопленным выполнило Украинское общество Красного Креста. Миссии общества на протяжении 1918–1919 гг. действовали в Германии, Турции, бывшей Австро-Венгрии⁵.

Условия пребывания пленных в лагерях далеко не соответствовали нормам международного права. «С негодованием и отвращением, – говорилось в радиотелеграмме от 13 августа 1919 г. наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина правительствам мира, – Советское правительство узнало об ужасном, бесчеловечном обращении, которому подвергаются русские военнопленные со стороны английского командования в Архангельске <...>. Красноармейцы, бе-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 114. Л. Л. 26, 29.

² Там же. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 41. Л. 9.

³ Там же. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 57. Л. 302.

⁴ Там же. Ф. 555. Оп. 1. Д. 69. Л. Л. 4, 4 об.

⁵ Там же. Ф. 9501. Оп. 1. Д. 43. Л. Л. 34–36.

жавшие из британского плена, сообщили, что многие из их товарищей были расстреляны немедленно после взятия их в плен <...>. Им постоянно грозили расстрелом за отказ от вступления в славянско-британский контрреволюционный легион и нежелание изменять своим прежним товарищам по оружию...» [1]. Аналогичные факты содержались в отчетах представителей Международного Комитета Красного Креста о посещении лагерей военнопленных на территории, оккупированной польскими войсками. Так, в октябре ими были обследованы 4 лагеря «большевистских военнопленных» в районе г. Ковно, где содержалось 1 602 человека; 4 лагеря в Брест-Литовске – 3 681 человек, в том числе 825 большевиков, 2 568 украинцев и 468 гражданских пленнх, среди которых находились семь женщин и двое детей». Антисанитарные условия в помещениях, недостаточное питание, использование труда заключенных, система наказаний за провинности являлись благодатной почвой для инфекционных болезней и смертности среди арестованных. Материалы обследований были присланы представителем Красного Креста в Швейцарии С. Ю. Багоцким в адрес РОКК [1, с. 151–152]. В течение 1919 г. под флагом Красного Креста проходили советско-польские переговоры. Делегацию РОКК возглавлял Ю. Ю. Мархлевский, который за революционную деятельность в Германии был интернирован в лагерь военнопленных в 1916 г. и оставался там до 1918 г., когда по требованию советского правительства был освобожден и отправлен в Россию. Польскую сторону представлял вначале А. Венцковский, а с 29 июля – граф М. Коссаковский. 16 октября на станции Микашевичи Слуцкого уезда Минской губернии открылась конференция краснокрестных Обществ Польши и Советской России. В ходе нее был подписан ряд соглашений: 2 ноября – о заложниках, 9 ноября – об обмене гражданскими пленными по спи-

скам Красного Креста. Обе стороны осудили систему заложничества, все задержанные подлежали немедленному освобождению и возвращению на родину. В соответствии с подписанными документами начался обмен заложниками и пленными. Однако 25 апреля 1920 г. польские войска перешли в наступление на фронте от р. Припять до р. Днестр, началась советско-польская война (1920 г.). Переговоры о гражданских пленнх с Польшей возобновились лишь 1 сентября 1920 г. в Берлине и продолжались в Риге, где в повестку дня вошла проблема военнопленных. Российское Общество Красного Креста на началах взаимности с Польским Красным Крестом приняло на себя опеку и контроль за поляками, находящимися на территории РСФСР. Интересы РОКК в Польше представлял С. И. Бродовский¹.

К осени 1920 г. РОКК, помимо Швейцарии и Дании, имело своих представителей в Германии – полномочный представитель РСФСР В. Л. Конг, член комитета помощи военнопленным Ф. Нансена Фойнштейн, в Чехословакии – доктор Гиллерсон, в прибалтийских государствах (Литва, Латвия, Эстония) – член миссии Центросоюза И. Э. Гукковский, на Украине – М. И. Баранов². Краснокрестные национальные общества ведущих европейских государств, Международный Комитет Красного Креста в Женеве пока воздерживались от официального признания Советского Красного Креста.

В частности, в обращении председателя Виленского Русского Экономического Общества К. И. Маркова говорилось, «что ввиду самого жалкого экономического состояния русских, их невозможности покинуть места своего проживания и полного безразличия к ним со стороны правительства (на русских здесь смотрят как на колонистов). Создать свои благотворительные учреждения, организовать самопомощь русские не могли за полным отсутствием средств. Наши соотечественники умирали на улицах, у по-

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3341. Оп. 3. Д. 47. Л. 16; Оп. 6. Д. 400. Л. 97 об, 98.

² Там же. Д. 47. Л. Л. 16–16 об.

рога больницы. Русский язык в школах воспрещен. Единственное учреждение, которое могло бы беспрепятственно оказывать свою поддержку местным учреждениям и помощь населению, – это Красный Крест, пользующийся некоторым доверием оккупационных властей. Поэтому организация всего дела помощи голодающему населению, как продовольственной, так и медицинской, могла бы быть проведена вполне целесообразно и с пользой для населения именно РОКК»¹.

Закончившаяся Первая мировая война среди других коренных вопросов международного права выдвинула и вопрос о пересмотре Женевской Конвенции 1906 г. об улучшении участи раненых и больных воинов действующей армии. Это был один из ключевых вопросов предстоящей Международной конференции, созывом которой также занималось РОКК. Был разработан проект реорганизации. В этом проекте было 14 пунктов, уточняющих и демократизирующих действующие уставные положения Международной Организации Красного Креста, в частности, вопрос об Обществе Красного Креста и его правовом положении, о правах и обязанностях его учреждений и персонала и о его имуществе, вопрос о применении к морской войне начал Женевской Конвенции, о военнопленных, о положении мирного населения на театре военных действий и в тылу². Проектом новой конвенции интересовалось и Советское правительство. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин запросил материалы, разработанные Центральной Коллегией. Этот вопрос был вынесен на общее собрание (учредительный съезд), которое постановило: «Добиваться созыва по почину РОКК Международной конференции с целью пересмотра Устава Красного Креста на началах, отвечающих принципам государственного строительства» [2, с. 74]. В материалах, подготовленных Иностранным отделом в январе 1920 г. к Международной конференции, го-

ворилось, что «уроки империалистической и гражданской войны, с одной стороны, опыт строительства новых государственных и социальных форм, с другой, вызывают необходимость критического пересмотра условий существования и принципов деятельности Общества Красного Креста в рамках современного государства и международной действительности». Масштаб и техника современных войн, военные бюджеты, всестороннее использование человеческих и материальных ресурсов приводят к неизбежному кризису организации Красных Крестов как частных-филантропических организаций и к процессу их постепенного огосударствления. С торжеством мировой революции и преобразованием международного общения в свободную федерацию социалистических республик международные краснокрестные функции, становясь излишними и беспредметными, обречены на отмирание. Но в переходную эпоху сохранение и развитие подобных функций приобретают сугубую важность – как в силу неизбежности столкновений в военных и полувоенных формах капиталистического мира с царством утверждающегося социализма, так и потому, что причины (политические, военные, правовые), исключая взаимное представительство и непосредственное сношение между правительствами борющихся государств с переносом борьбы на почву социальную, углубляются и обнаруживают тенденцию к чрезвычайному обострению»³.

В 1921 г. состоялась X Международная конференция Красного Креста. Это была первая конференция после Первой мировой войны. Российское Общество Красного Креста хотело принять активное участие в конференции, но непризнание Международным Комитетом Красного Креста не дало ему возможности послать своих делегатов. Представитель РОКК приглашался только с правом совещательного голоса, представитель

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3341. Оп. 1. Д. 75. Л. 170.

² Там же. Д. 101. Л. 23.

³ Там же. Д. 117. Л. Л. 123, 126.

же эмигрантского Красного Креста имел решающий голос. С окончанием гражданской войны, с упрочением Советской власти, значение Советской Республики в международных делах нельзя было уже оспаривать. 15 октября 1921 г. Красный Крест Советской России был признан Международным Комитетом не как новая организация, а как продолжатель дела Российского Общества Красного Креста.

Если политическое влияние и государственное управление общественными орга-

низациями, в том числе и Красным Крестом, рассматривались Советским правительством как ближайшая политическая задача, то по отношению к международной деятельности РОКК Совнарком вынужден был занять дистанцированную позицию, подчеркивая общественный, международный и неполитический характер этой организации. И хотя такая позиция носила непоследовательный характер, она позволила РОКК определенное время на международной арене выступать и действовать достаточно автономно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М.: Политиздат, 1989. 430 с.
2. 100 лет Красного Креста в нашей стране / под. ред. Г. А. Митерева; Испол. ком. Союза о-в Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. М.: Медицина, 1967. 298 с.

REFERENCES

1. Sheinis Z. S. Maxim Maksimovich Litvinov: revolutionary, diplomat, man. M.: Politizdat, 1989. 430 p. (In Russ.)
2. 100 years of the Red Cross in our country / under. ed. G. A. Mitereva; Use com. Union of the Red Cross and Red Crescent Islands of the USSR. M.: Medicine, 1967. 298 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Асеев И. А., кандидат исторических наук, доцент;
Каримов Р. Р., кандидат юридических наук, доцент;
Каримова Г. Ю., кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Aseev I. A., Candidate of History, Associate Professor;
Karimov R. R., Candidate of Law, Associate Professor;
Karimova G. Yu., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 340.15

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СКАНДИНАВИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Андрей Иванович Каплунов¹, Виталий Витальевич Балахонский²,
Павел Алексеевич Мухаметов³

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

³ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ adrozd4@mvd.ru, ² Balakhonsky@mail.ru, ³ pavlik309@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе отечественной и зарубежной научной литературы, а также опубликованных памятников права рассматриваются вопросы периодизации эволюции правовой системы крупнейших скандинавских государств: Дании, Швеции и Норвегии. Авторами предложена периодизация основных этапов развития правовых знаний, убеждений и установок скандинавских народов в рассматриваемый период. Кроме того, выявлены и даны характеристики внутренним и внешним факторам, оказавшим влияние на эти процессы.

Ключевые слова: сконское право, зеландское право, ютский закон, законы Кнута, скандинавское право, Кальмарская уния.

Для цитирования: Каплунов А. И., Балахонский В. В., Мухаметов П. А. Периодизация становления правовых систем Скандинавии в эпоху средневековья // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 30–36.

Original article

PERIODIZATION OF THE FORMATION OF THE LEGAL SYSTEMS OF SCANDINAVIA IN THE MIDDLE AGES

Andrey I. Kaplunov¹, Vitaliy V. Balakhonsky², Pavel A. Mukhametov³

^{1,2} St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

³ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹ adrozd4@mvd.ru, ² Balakhonsky@mail.ru, ³ pavlik309@rambler.ru

Abstract. Based on domestic and foreign scientific literature, as well as the published works of law, the article deals with the periodization of the evolution of the legal system of the largest Scandinavian states: Denmark, Sweden and Norway. The authors propose the periodization of the main stages in the development of legal knowledge, beliefs and attitudes of the Scandinavian peoples in the period under review. In addition, the internal and external factors that influenced these processes were identified and characterized.

Keywords: Skonks law, Zealand law, Jutish law, Knuth law, Scandinavian law, Kalmar Union.

For citation: Kaplunov A. I., Balakhonsky V. V., Mukhametov P. A. Periodization of the formation of the legal systems of Scandinavia in the middle ages // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 30–36.

Одной из интереснейших страниц европейского средневековья является история государств скандинавского полуострова. Известно, что они сыграли особую роль в эволюции государственности десятка со-

временных европейских государств, в том числе России и Беларуси. С точки зрения правовой компаративистики, страны, располагающиеся на севере Европы (Данию, Швецию, Норвегию, Исландию и Финлян-

© Каплунов А. И., Балахонский В. В., Мухаметов П. А., 2023

дию), традиционно относят к скандинавскому праву или скандинавской правой семье. На сегодняшний день историки права расходятся во мнении: считать ли скандинавское право самостоятельной семьей права либо как Рене Давид рассматривать ее составной частью романо-германской [1, с. 80]. Более того, часть исследователей придерживается мнения, что по ряду существенных признаков скандинавское право следует считать промежуточным между романо-германской и англосаксонской семьей права. Ответить на эти вопросы позволит периодизация становления правовых систем скандинавских государств на этапе их возникновения, укрепления государственности, последующей христианизации и культурного сближения. С помощью выделения определенных этапов развития правовых знаний, убеждений и установок народов, населяющих скандинавский полуостров, можно проследить влияние на правовую систему их государств внутренних и внешних факторов. Процессы перехода от язычества к христианству, ранняя феодализация, имущественное расслоение общества государств северной Европы способствовали усложнению общественных отношений и, как следствие, инициировали правотворческие процессы.

Отсутствует единство мнения среди зарубежных и отечественных исследователей в решении проблемы влияния на эти процессы римской цивилизации. Немаловажным и слабо изученным остается и географический фактор. Еще французский средневековый политик и философ XVI в. Жан Боден, в своих трудах развивший и уточнивший идеи античных философов Витрувия, Аристотеля, Гиппократов о влиянии климата, указывал на политическое значение естественных условий, подчеркивая, что различные народы нуждаются в различных учреждениях и что законодательство зависит, таким образом, от географических условий [2, с. 116].

Следует отметить, что догосударственному этапу истории скандинавских государств предшествовали длительные процессы этногенеза датского, шведского и норвежского народов. Участие в этих

процессах более развитой к тому времени римской цивилизации, имеющей потенциальную возможность оказать влияние на правовую традицию скандинавских народов, неоднозначно оценивается как отечественными, так и зарубежными исследователями. С точки зрения географической удаленности, часть исследователей считает, что Скандинавия, расположенная на северной окраине европейского континента, мало подвергалась римскому влиянию [3, с. 427]. Однако данные археологии это не подтверждают. Знакомство скандинавских народов с технологией производства железных орудий труда происходит в раннем железном веке (ок. 500 г. до н. э.) и в совокупности с установлением контактов с римской цивилизацией на рубеже нашей эры выступает катализатором социального и экономического развития народов северной Европы [4, с. 406]. Найденные на территории Дании и Южной Скандинавии предметы римского производства (предметы роскоши и исправления культа, посуда и украшения, оружие), датированные I–II вв. н. э. свидетельствуют об относительно дружелюбном существовании варварского (скандинавского) и цивилизованного (римского) мира.

Общеизвестен тот факт, что сами римляне не проникали в Балтийское море, а имели лишь сношения с местными купцами, которые вели самостоятельную торговлю в восточной части этого моря. На это же указывают и римские изделия, и клады монет, которые находят в особенно большом количестве в южной Швеции и в Дании. Найденные здесь монеты принадлежат преимущественно к I и II вв. н. э. Затем идет перерыв до V в., до эпохи «переселения народов», когда на севере опять появляются клады монет. Очевидно, за этот промежуток времени, от II до V в., торговые сношения Скандинавии с континентом прерывались.

Подобную точку зрения на основе проведенных археологических исследований на скандинавском полуострове и в Западной Европе отстаивает в своих работах датский археолог, историк и искусствовед Оле Клиндт-Йенсен (1918–1980 гг.) [5, с. 159],

писавший о том, что в первые несколько веков нашей эры у Дании были прочные связи с Римской империей и ее новыми провинциями к западу от Рейна и к югу от Дуная.

Поскольку памятники скандинавского права эпохи средневековья уже исследовались, можно, опираясь на результаты этих исследований, рассмотреть правовую систему скандинавских государств под новым углом зрения, а именно: во-первых, выявить и систематизировать все упоминаемые в датских, шведских и норвежских судебныхниках и законах повторяющиеся процедуры, символические действия и формулы, которые в своей совокупности образовывали жесткий и неизменный порядок поведения, обязательный для всех членов общества северной Европы в рассматриваемый период; во-вторых, попытаться выявить основные этапы становления скандинавского права, определить исторические периоды, в которые происходило сближение правовых систем государств скандинавского полуострова.

Первый выделяемый нами этап – образование единых государств на территории скандинавского полуострова (X–XI вв.). Первый политический союз Дании и южной части Скандинавского полуострова, объединенных в VIII в. под властью короля Гаральда оказался непрочным и окончательное закрепление государственности в Дании можно отнести только к X в. [3, с. 437].

В IX–X в. возникло раннефеодальное норвежское государство [3, с. 430]. Дальнейшее объединение племен Норвегии приводит к тому, что здесь образуются четыре большие области, каждая со своим самостоятельным тингом (народное собрание), своим особым законом и особыми местными обычаями.

В XI в. начинает складываться и шведское государство [3, с. 431]. В конце X – начале XI в., уничтожив всех своих соперников, шведский конунг Олоф Шётконунг объединил свейские и гётские земли в единое квазигосударство. Политическое объединение оставалось по существу конфедерацией отдельных областей-ландов, где действовали свои правовые и бытовые обычаи [6, с. 8].

На этом этапе основными источниками права были обычаи и первые сборники правовых норм. Так, древние шведские тексты – рунические надписи на камнях часто содержат намеки на обман, убийство, осуществленную месть или стремление к мести, как например, руна на камне в Реке. Некоторые зачатки примитивных правовых норм, которые регулировали отношения между людьми и отдельными родами, можно встретить в древнейшем юридическом фрагменте, который сохранился в Швеции, – в так называемом «языческом законе» о правилах ведения поединка [7, с. 52].

Необходимо отметить, что процесс образования единых скандинавских государств совпал с процессом христианизации. В Дании христианство было принято в середине X в., в Исландии в конце XI в., в Норвегии в первой трети XI в., а в Швеции в XI в. Тем самым, скандинавы приняли христианство одними из последних «варварских» народов. На правовую систему этих стран процессы христианизации оказали сильное влияние, способствовали установлению в правосознании «правды божьей» и защищали от гибели «божье создание» [8, с. 92]. В отличие от континентальной Европы, христианизация не способствовала «латинизации» юридических текстов скандинавских государств, они по-прежнему долгое время записывались на языках местных народов. Сравнительно поздно нормы церковного права получают тут юридическую силу закона. Например, церковные каноны приобрели силу закона в Норвегии лишь в XII в. [9, с. 190].

При датском короле Кнуде (Кануде) (1017–1035 гг.) образовалось могущественное морское государство, включавшее в себя Англию, Данию и части Швеции и Норвегии. При нем продолжалось объединение законодательства и был издан сборник законов, в основу которого были положены как законы англосаксов, так и датчан. Необходимость в новом законодательстве вызывалась крупными изменениями в общественном строе Англии, процессом ее феодализации. Законодательство Канута в сильной степени носит на себе черты этого процесса.

Второй этап – «европейский», условно можно обозначить XII – концом XIV в. В XII–XIII вв. начинают устанавливаться связи скандинавских государств с европейскими церковными центрами образования, а также с Парижским университетом: вплоть до второй половины XIII в. выходцы из Скандинавии обучались исключительно в этом учебном заведении. Эти связи позволили им начать знакомство с европейским культурным наследием Античности и раннего европейского Средневековья, усвоить достижения научной и общественной мысли. Для скандинавов знакомство с европейским образованием, укрепившиеся политические, образовательные, интеллектуальные и церковные связи дали возможность быстро получать сведения о самых последних новациях в области догматики, права и политических доктрин [10, с. 29].

До второй половины XIII в. областные судебники средневековой Норвегии были единственным источником права в собственном юридическом смысле. По своей форме и содержанию они напоминают континентальные варварские Правды [11, с. 203].

Одним из наиболее ранних образцов норвежской интеллектуальной правовой мысли была редакция церковного права «Законов Фростатинга», называвшаяся «Золотое перо», составленная на древнорвежском языке по приказу архиепископа Нидаросского Эйстейна (1157/1160–1188 гг.) [10, с. 28].

Правотворческие процессы в Дании в рассматриваемый период связаны с именем короля Вальдемара II Победителя, издавшего в 1241 г. Ютский закон. Указанный закон основывался по большей части на ютландском обычном праве, а учитывая возможность участия в разработке правовых норм епископа Виборгского, испытал воздействие норм канонического права. Принятый Ютский закон, впоследствии стал общедатским, вытеснив действовавшие более ранние областные законы – Сконское право и Зеландские законы.

Совершенно особое место среди ранних письменных источников по истории Швеции занимают так называемые об-

ластные законы – записи обычного права отдельных областей – ландов Швеции, которые были произведены в течение XIII – первой половины XIV в.: областные законы западных и восточных гётов-гутов (жителей о-ва Готланд), Сёдерманланда, Вестманланда, Уппланда, Даларна, Хельсингланда, Смоланда, Вермланда и Нэрке. Из них последние два не сохранились вовсе, а из областного закона Смоланда уцелел только «Раздел о церкви». Областные законы содержат сведения о самых разных сторонах общественной жизни шведов не только времени записи этих законов: в них имеются и важные следы более древних обычаев. Построенные, как и большинство законодательных памятников средневековья, по прецедентному принципу, областные законы последовательно, хотя с разной степенью детализации (и далеко не всегда понятно для современного читателя), разбирают характерные для того времени правонарушения, объясняют порядок (процедуру) необходимого в каждом случае судебного разбирательства и предписывают положенные наказания. В ходе этих предписаний как бы сами собой «выплывают» важнейшие, нередко уникальные данные о королевской власти и социальной элите, о разных общественных слоях – от знати до рабов, о церкви, ее положении и отношениях с мирянами, о формах брака, о малой семье и реликтах родовых отношений, о соседской общине, о формах собственности на землю и другую недвижимость, а также на движимое имущество, о занятиях людей разного круга и мн. др. Наряду с областными законами и одновременно с ними было кодифицировано и первое городское право Швеции – Биркрэттен (Бьёркёарэттен), представляющее большой интерес как свидетельство характера и особенностей молодых шведских городов [6, с. 10–11].

Таким образом, уже в XIII в. шведский город имел не только ярмарочное право (т. е. систему правовых установлений в области торговли, чеканки монеты, сбора пошлин, мер весов и т. п.), но и такие специфические городские свободы и привилегии, как пре-

имущественные права в торговле, сильное ограничение в них чужаков (иностранцев, сельских жителей, жителей других городов), что показывает уже в достаточной мере развитую монополию на торговлю вообще и, следовательно, в какой-то мере, на производство определенного вида товаров (в частности – ремесленных изделий) [12, с. 91].

В это время сам скандинавский город как центр ремесла и торговли был еще слаб. Его право окончательно не сформировалось и представляет собой разновидность областного законодательства с добавлением норм морского и торгового права, но в административно-правовом отношении город уже выделился из окружающей его округи [12, с. 90].

И областные законы, и Биркрэттен продолжали применяться в Швеции и после середины XIV в., когда были созданы по прямому поручению и при участии королевской власти общешведские земский и городской законодательные кодексы: Ландслаг и Стадслаг короля Магнуса Эрикссона. Дело в том, что областные законы составлялись, корректировались и записывались главами областей – лагманами, которые были яркими носителями областного сепаратизма и идей сопротивления центральной власти. Не случайно (и в этом убеждены все исследователи) областные законы не только несут на себе четкий отпечаток особых местных обычаев, но и весьма консервативны, поскольку последовательно сохраняют в законодательстве немало устаревших положений [6, с. 10–11].

Третий этап – «датский» (конец XIV в. – начало XVI в.) хронологически совпадает с юридическим действием Кальмарской унии (1397–1523 гг.), личной унии королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских королей. Характерной особенностью данного этапа скандинавского права является тот факт, что политическое объединение не затронуло самостоятельности правовых систем государств, подписавших унию, тем самым продолжив реализацию принципа партикуляризма феодального права.

Четвертый этап, с начала XVI в. до середины XVII в. можно условно назвать переходным от феодального государства к буржуазному. В эту эпоху в Дании действовали два основных закона – городской и деревенский, составлявшие одно целое [13, с. 136–137].

Средневековое феодальное право скандинавских государств, как и европейских, отличается особенностями правового статуса различных сословий. Например, в Дании в начале XVI в. в правовой области дворянам обеспечивалось особое положение, обосновывалась исключительная возможность этого класса влиять на законодательство. Доступ к постам членов ригсрода (государственный совет при скандинавских королях) и ленсманов (исполнительный полицейский чин в сельских местностях) предоставлялся только потомственным дворянам [13, с. 134].

В ином положении находились крестьяне, законодательно постепенно прикреплявшиеся к земле. Назвать точную дату закрепощения датских крестьян сложно – оно наступало постепенно и неравномерно в различных частях страны. Быстрее всего этот процесс шел в областях «зеландского права». В Зеландии, где еще в XV в. существовала система поземельной зависимости «воркнедскаб», в рассматриваемый период (XVI–XVII вв.) мужчины, родившиеся на поместной территории, должны были оставаться внутри ее границ и принимать по достижении совершеннолетия тот двор, который им предлагал помещик или королевский ленсман [13, с. 156–157]. В Норвегии крепостное право в привычном нам понимании вовсе отсутствовало.

В рассматриваемый период продолжалось реформирование церковного права. В 1545 г. в Рибе был принят основной свод датского церковного законодательства. Согласно ему должности верховного епископа более не существовало, но по традиции первым среди равных должен был почитаться епископ Зеландии с резиденцией в Копенгагене (т. е. в столице, а не в древнем церковном центре Роскильде, как ранее) [13, с. 151].

Годы послереформационного разгула ортодоксии (середина XVI в.) характеризовались упадком культуры, научной мысли, торможением идеологического прогресса общества. Опустели стены Копенгагенского университета, так как молодые датчане устремились за рубеж, где обучались в более свободных университетах Италии, Германии или Франции. В Копенгагенском университете в эти годы изучались сугубо теологические дисциплины. Гуманистические науки были представлены слабо. Были изгнаны датское право, история, язык и даже церковная история [13, с. 173].

Переход от феодализма к капитализму в Скандинавских государствах происходил сравнительно медленнее, чем в континентальной Европе. Этим объясняется отсутствие значимых правотворческих процессов на этапе перехода феодального государства к буржуазному. Процессы кодификации начинаются тут только в Новое время: в Дании единый кодекс правовых норм появляется только в 1683 г., в Норвегии в 1687 г., а в Швеции только в 1734 г. [1, с. 68].

Таким образом, приведенная периодизация становления правовых систем скандинавских государств в эпоху средневековья позволяет подтвердить близость скандинавского права больше к семье романо-германского (континентального) права, чем к англо-саксонской. На процессы оформления и унификации национальных правовых систем государств скандинавского полуострова, окончательно завершившиеся в Новое

время, повлияли процессы христианизации скандинавских народов (X–XI вв.), культурный обмен с европейскими странами (XII–XIII вв.), национально-освободительное движение (XVI в.), процессы кодификации права (XVII–XVIII вв.). Внутреннее сближение правовых систем Дании, Швеции и Норвегии в эпоху средневековья можно связать с природно-климатическими условиями, обусловившими особые общественные отношения, типы хозяйствования и, как следствие, особенности правового статуса сословий скандинавских государств. Вместе с тем право скандинавских стран имеет существенные специфические черты, обладает самобытностью и автономностью. В рамках семьи романо-германского права группа скандинавских правовых систем характеризуется меньшей склонностью к абстрактности и отсутствием административной юстиции. Обособленность этой группы правовых систем подтверждается и наличием в Новое время в скандинавских странах всего одного кодекса, охватывающего в целом все право, в отличие от остальных стран романо-германской семьи, имеющих пять основных кодексов (классический пример – Франция с ее наполеоновскими кодексами). Принадлежность скандинавского права к романо-германской семье способствует применению общих юридических концепций и унификации системы подготовки юридических кадров скандинавских государств с системой высшего юридического образования, принятой в континентальной Европе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. М.: Прогресс, 1988. 496 с.
2. Косминский Е. А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. Лекции. М.: Издательство Московского университета, 1963. 431 с.
3. Всемирная история: в 24 т. Т. 7. Раннее средневековье. М.: Литература, 1998. 592 с.
4. Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. 894 с.
5. Клиндт-Йенсен О. Дания до викингов. СПб: Евразия, 2003. 288 с.
6. Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999. 334 с.
7. Андерссон И. История Швеции. М.: Издательство иностранной литературы, 1951. 408 с.
8. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З. М. Черниловского. М.: Юридическая литература, 1984. 472 с.

9. Гуревич А. Я. Основные проблемы истории средневековой Норвегии в норвежской историографии // Средние века. Вып. 18. М.: Наука, 1960. С. 163–192.
10. Не только саги...: ранняя история Норвегии в средневековых памятниках. СПб: Наука, 2017. 469 с.
11. Закс В. А. Особенности формирования норвежского средневекового права // Право в средневековом мире. Вып. 2–3. СПб: Алетейя, 2001. С. 203–209.
12. Сванидзе А. А. Из истории городского строя Швеции XIII века // Средние века. Вып. 28. М.: Наука, 1965. С. 80–94.
13. Возгрин В. Е. Генезис датского абсолютизма // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л.: Наука, 1990. 248 с.

REFERENCES

1. David R. Basic legal systems of the present. M.: Progress, 1988. 496 p. (In Russ.)
2. Kosminsky E. A. Historiography of the Middle Ages. 5th century – mid 19th century Lectures. Moscow: Moscow University Press, 1963. 431 p. (In Russ.)
3. World History: in 24 volumes. T. 7. Early Middle Ages. Minsk: Literature, 1998. 592 p. (In Russ.)
4. World history: In 6 vols. Vol. 2: Medieval civilizations of the West and East. M.: Nauka, 2012. 894 p. (In Russ.)
5. Klindt-Jensen O. Denmark before the Vikings. St. Petersburg: Eurasia, 2003. 288 p. (In Russ.)
6. From the early history of the Swedish people and state: the first descriptions and laws. M.: RGGU, 1999. 334 p. (In Russ.)
7. Andersson I. History of Sweden. M.: Publishing house of foreign literature, 1951. 408 p. (In Russ.)
8. Reader on the history of the state and law of foreign countries / ed. Z. M. Chernilovsky. M.: Legal Literature, 1984. 472 p. (In Russ.)
9. Gurevich A. Ya. The main problems of the history of medieval Norway in Norwegian historiography // Srednie veka. Issue. 18. Moscow: Nauka, 1960. P. 163–192. (In Russ.)
10. Not only sagas...: the early history of Norway in medieval monuments. St. Petersburg: Nauka, 2017. 469 p. (In Russ.)
11. Zaks V. A. Features of the formation of Norwegian medieval law // Law in the medieval world. Issue. 2–3. St. Petersburg: Aleteya, 2001. P. 203–209. (In Russ.)
12. Svanidze A. A. From the history of the urban system of Sweden in the XIII century // Srednie veka. Issue. 28. Moscow: Nauka, 1965 P. 80–94. (In Russ.)
13. Vozgrin V. E. Genesis of Danish absolutism // Political structures of the era of feudalism in Western Europe (VI–XVII centuries). L.: Nauka, 1990. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор;
 Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор;
 Мухаметов П. А., кандидат исторических наук.

Information about the authors:

Kaplunov A. I., Doctor of Law, Professor;
 Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophy, Professor;
 Mukhametov P. A., Candidate of History.

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 340

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА РОССИИ: ОТ ОПРИЧНИНЫ ДО ПРИКАЗА ТАЙНЫХ ДЕЛ

Александр Владимирович Панфилец¹, Александр Борисович Федоров²,
Алексей Леонидович Бредихин³

^{1,2,3} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ akpanf1950@mail.ru, ² kafedraigp@mail.ru, ³ axel_b@mail.ru

Аннотация. Авторы в предлагаемой читателю статье исследуют зарождение и развитие политического сыска, его влияние на устойчивость государства Российского в XVI–XVII веках. Испытания, которым подвергается Россия в настоящее время, бесчисленные санкции и угрозы наших западных партнеров подтверждают актуальность данного исследования и необходимость выявлять бесчисленные фальсификации как русской истории, так и истории ее спецслужб. В результате анализа исторических фактов и нормативных актов авторы приходят к заключению, что политический сыск играл важную роль в государственной безопасности Московского централизованного государства, и тогда, когда он был организован на законодательной основе и воспринимался обществом как данная необходимость, то служил укреплению государственной мощи и защитой от внутренних и внешних потрясений.

Ключевые слова: политический сыск, государственная безопасность, Московское централизованное государство, Приказ тайных дел.

Для цитирования: Панфилец А. В., Федоров А. Б., Бредихин А. Л. Зарождение политического сыска России: от опричнины до Приказа тайных дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 37–43.

Original article

THE ORIGIN OF THE POLITICAL INVESTIGATION IN RUSSIA: FROM THE OPRICHNINA TO THE COMMAND OF SECRET AFFAIRS

Alexander V. Panfilets¹, Alexander B. Fyodorov², Aleksey L. Bredikhin³

^{1,2,3} Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia

¹ akpanf1950@mail.ru, ² kafedraigp@mail.ru, ³ axel_b@mail.ru

Abstract. The article explores the origin and development of political investigation, its impact on the stability of the Russian state in the 16th–17th centuries. The hardships which Russia is currently facing, the endless sanctions and threats of our Western partners confirm the relevance of this study and the need to uncover countless falsifications of both Russian history and the history of its special services. Based on the analysis of historical facts and normative acts, the authors come to the conclusion that political investigation played an important role in the state security of Moscow centralized state and when it was organized on a legislative basis and perceived by society as a given necessity, it served to strengthen the state power and protect against internal and external turmoils.

Keywords: political investigation, state security, Moscow centralized state, Command of Secret Affairs.

For citation: Panfilets A. V., Fyodorov A. B., Bredikhin A. L. The origin of the political investigation in Russia: from the oprichnina to the Command of Secret Affairs // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 37–43.

© Панфилец А. В., Федоров А. Б., Бредихин А. Л., 2023

Введение

Во все времена государственная безопасность, политический сыск играли ключевую роль в правоохранительной деятельности России, будь то Древнерусское государство либо Московское централизованное государство, ну и, конечно, в бытность Российской империи, Советского государства и современной Российской Федерации, которой необходимо отвечать на непрекращающиеся инсинуации и вызовы заграничных «партнеров». Актуальность исследуемой темы не вызывает сомнений в современный период русофобии и неприкрытой фальсификации истории спецслужб нашего Отечества представителями западных элит и ученых. Цель исследования заключается в изучении возникновения и развития политического сыска в Московском государстве в течение XVI–XVII вв. Задача, которую решают исследователи в данной статье, состоит в том, чтобы показать историческую обоснованность зарождения и развития государственной безопасности России и ее влияние на устойчивость государства Российского в указанный период.

Описание исследования

Политический сыск представляет собой расследование дел, которые, называясь в разные времена «великими», «тайными», «государственными», рассматривались как преступления против государства. Такие преступления, как государственная измена, покушение на власть – всегда и везде с самой древности считались особенно тяжкими и вызывали против себя стихийно жесткую, если сказать точнее, то жестокую реакцию. Сначала при конфликте властных и подвластных князей получило распространение византийское «княжеское ослепление», но и слепота с XI века в Древнерусском государстве уже не служила непреодолимым препятствием для политической деятельности, о чем свидетельствует история Василька Тербовльского [1, с. 484], Василия Темного, отца Ивана Третьего, и в борьбе за власть стали применять тюрьму или радикальное

средство – казнь [2, с. 99]. Так, в статье седьмой Псковской судной грамоты 1462 г. предписывалось «переветнику (т. е. изменнику)¹ <...> живота не дати» [3, с. 9].

Очевидно, что политический сыск возник одновременно с государством, однако прошло немало времени, прежде чем законодательство и судебная практика стали выделять государственные преступления среди прочих. На Руси это произошло в XV веке, когда удельные княжества были объединены в единое Московское государство. Оно покончило не только с междоусобными войнами, но и с вольностями эпохи феодальной раздробленности, ограничило права и увеличило обязанности населения, наложило запрет на многие, из считавшихся прежде обычными, действия и поступки. Так, свободные перемещения, являвшиеся ранее неотъемлемым правом и феодала (переход на службу от одного удельного князя и другому), и крестьянина (переход от одного землевладельца к другому), теперь считались изменой и самовольством, о чем свидетельствует ст. 57 Судебника 1497 г., назначившая Юрьев день – день перехода 26 ноября, после окончания сельскохозяйственных работ и уплаты «пожилого» [4, с. 121].

По мере укрепления русской государственности совершенствовалась и система законодательного определения государственных преступлений и наказаний за них. Судебник 1497 г. к таким преступлениям относил крамолу, измену князю, заговор и т. д. Во всех случаях законом предписывалось «государскому убойце и коромолнику <...> живота недати, казнити его смертною казнью» [5, с. 96].

Государственные преступники того времени рассматривались как личные враги главы государства. Это приводило к тяжелейшим репрессиям против политических противников государя либо против тех, кого он считал таковыми. С особой жесткостью преследовал своих врагов первый русский царь – Иван IV Грозный. Развязанный им террор был связан с неудачной Ливонской

¹ Здесь и далее в скобках – примечания авторов.

войной, с интригами зарубежной эмиграции (Андрей Курский), с подспудным сопротивлением части знати царской политике, укреплением самовластия. Мстительному царю всюду мерещились измены и «заговоры». Все это привело к тому, что в 1565 г. Иван IV учредил опричнину и завел опричное войско¹. В опричнину вошел ряд городов и уездов, из которых началось изгнание феодалов вотчинников. На их землях царь размещал опричников, набранных им в свою «гвардию» по принципу личной преданности. В исторической литературе причины опричнины объясняются по-разному, но в большинстве источников она предстает в виде хорошо продуманного и поэтапно осуществленного плана ликвидации пережитков феодальной раздробленности, становления самодержавства и формирования его социальной базы [7].

С помощью опричников царь расправлялся с теми, кого считал своими врагами. Сам внешний вид опричников говорил об их предназначении. Они приторачивали к седлам своих коней собачьи головы и метлы в знак того, что, как и псы, вынюхивают измену и выметают ее из царских владений. Руководители опричнины являлись одновременно и руководителями царского политического сыска. Это были лично преданные царю опричники Скуратов-Бельский (Малюта), В. Грязной, А. Басманов, М. Черкасский и др. Поводом для проведения политического розыска при Иване Грозном чаще всего становились доносы. Поскольку те, к кому они поступали для принятия решений, не утруждали себя их проверкой, то доносчики, исходя из своих корыстных интересов, зачастую прибегали к лживым обвинениям. По таким наветам были погублены двоюродный брат царя князь Владимир Старицкий, тогдашний глава русской православной церкви митрополит Филипп и многие другие представители знати [8, с. 54].

По обвинению в измене расправе подвергались не только отдельные семьи и рода, но и целые города. Зимой 1570 г. страшному погрому был подвергнут Новгород. Поводом для расправы послужил донос о намерениях города перейти в подданство польского короля. В течение нескольких недель опричники глумились над новгородцами, многих из них живьем спускали под лед р. Волхов [8, с. 46–56].

В конце концов, к царю пришло понимание, что опричное войско из его личной гвардии превратилось в бесполезную в военном отношении банду грабителей. Один за другим «вожди» опричнины были ликвидированы, а сама она в 1572 г. упразднена (избежал казни лишь Малюта Скуратов, «успевший» до этих событий погибнуть на войне). При преемниках Ивана Грозного ничего подобного опричнине уже не воссоздавалось. Для розыска по важным политическим делам создавались возглавлявшиеся боярами временные комиссии. Такая комиссия во главе с князем Василием Шуйским была направлена в Углич для расследования обстоятельств гибели 15 мая 1591 г. царевича Дмитрия. Она пришла к выводу, что царевич стал жертвой несчастного случая. Как известно, этот вывод оспаривался современниками, а появившиеся в связи с ним слухи использовались самозванцами в период Смутного времени [9, с. 146].

Политический сыск стал важнейшим атрибутом монархической власти первых Романовых. При них окончательно складывается его практика и появляются его первые постоянные органы. На их развитие решительным образом повлияли грозные события «бунташного века»: многочисленные войны, мятежи, антифеодальные восстания, борьба за власть различных боярских кланов. В этих условиях государственные преступления Соборным уложением 1649 г. впервые отделяются от уголовных. Круг та-

¹ Опричнина (от устар. рус. «опричь» – кроме, особо) – система мероприятий царя Ивана IV Грозного в 1565–1572 гг. для борьбы с предполагаемой изменой в среде феодалов (массовые репрессии, казни, земельные конфискации и т. п.), а также название удела Ивана Грозного в 1565–1572 гг. с особой территорией, войском и государственным аппаратом (опричной Думой) [6, с. 274].

ких преступлений очерчивается второй главой Уложения: «О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать» [10, с. 20–21]. Между преступлениями против жизни и здоровья государя и изменой закон еще не проводил четкой разницы, рассматривая последнюю как нарушение державных прав государя и покушение на его владения. Для определения такого рода преступлений весьма широко использовалась разнообразная терминология: «воровство», «скоп», «заговор», «бунт», «смута», «прелестнические речи». Наказанием за злоумышление на царя и измену была смертельная казнь [11, с. 75].

Тягчайшими преступлениями того времени считались оскорбление царя и угрозы в его адрес. Заняв престол Московский, вчерашние бояре Романовы, помня Смуту, цепко держались за власть и не хотели ее потерять, а потому даже словесное оскорбление царя, первоначально обозначавшееся печально знаменитой фразой «слово и дело государево», считалось у них государственным преступлением. Первые документы с упоминанием «слова и дела» датируются 1622 г. и относятся к угрозе перерезать горло царю, опрометчиво вырвавшейся из уст одного казака. Со временем «слово и дело» приобрело более широкое значение и включило в себя все касавшиеся государственных интересов дела, а донос становится для гражданского населения первой обязанностью, что подтверждается ст. 18 второй главы Соборного Уложения 1649 г., где за неизвещение о «злом умысле против царя или бунте» грозила смертельная казнь «без всякой пощады» [11, с. 77].

В рассматриваемый нами XVII век получило свое завершение превращение русской православной церкви из орудия господства феодалов в орудие господства дворянского государства. Важным рубежом на этом пути была церковная реформа Никона. Как известно, она привела к церковному расколу, который нашел отклик во всех оппозиционных самодержавию слоях тогдашнего общества. Поэтому борьба с раскольниками имела свою политическую составляющую, а сыск по ним – соответствующую «окра-

ску». Расправа с «борцами за старую веру» отличалась особой жестокостью, а наиболее видные из них были сосланы и прокляты, а трое самых главных – священники Аввакум, Лазарь и дьякон Федор – отправлены в Пустозерский острог, последние двое – с урезанными языками. По царским указам 1666–1667 гг. еретики должны были подвергаться «царским сиречь казням по градским законам». Розыск еретиков и совершенные градского суда над ними было поручено воеводам [12, с. 138].

В основе политического сыска и в XVII веке по-прежнему лежал донос. Только в этой сфере Соборное Уложение не признавало сословных границ. Доносы политического характера позволялось принимать от представителей всех сословий и даже от «тюремных сидельцев». Так, Фрол Разин заявил на допросе, что его брат, Степан, запрятал на острове на Дону засмоленный кувшин с «воровскими письмами», и тем самым он отсрочил свою казнь на целых пять лет, в течение которых велся безуспешный поиск этого кувшина [13, с. 83].

Поощряемая государством практика доносительства была хорошо продумана. Донос являлся обязанностью, недонесение строго каралось. Закон гласил, что, если кто-нибудь узнает о злом умысле против царя или бунте, «а государю и его ближним людям и в городах воеводам и приказным людям про то не известит <...> и его за то казнить смертью без всякой пощады». Наряду с угрозами действовала и система поощрения доносительства. Доносчик мог получить в награду имущество осужденного. Однако ремесло доносчика была рискованным. В интересах соблюдения тайны следствия его тотчас же заключали в темницу и подвергали различным испытаниям. Недаром в те времена сложилась поговорка «Доносчику – первый кнут» [11, с. 77]. Если в ходе розыска выяснялось, что донос был ложным, то его автор («затейный изветчик») подвергался нещадной порке. Если в ходе допроса «всплывали» чьи-либо новые имена, то подозреваемых немедленно задерживали. При этом свидетели сразу же пре-

вращались в обвиняемых, поскольку, зная о государственном преступлении, не сообщили о нем сами. Политический розыск всегда сопровождался пыткой. Его чисто национальными орудиями были дыба и кнут. С ее помощью палачи – умельцы могли развязать язык любому. Пыточный «обряд» подробно регламентировался. Обвиняемого пытали до тех пор, пока его признания полностью не совпадали с содержанием доноса. Они должны были повторяться «слово в слово» на трех последних пытках [14, с. 8–9].

На местах политический розыск вели местные власти, но круг должностных лиц, допускаясь к нему, был ограничен. Губные старосты, например, имели широкие полномочия по уголовным делам, но к сыску государственных преступников не допускались. Допросы по ним могли вести только назначавшиеся царем воеводы. Это было их наипервейшей обязанностью, и ее выполнение строго контролировалось из центра. О каждом своем шаге воевода сообщал в Москву. Туда он посылал «распросочные» и «пыточные» речи, а оттуда получал указания и приговор, который и приводил в исполнение [15, с. 75–76].

Промежуточное положение между местными и центральными органами сыска занимали возглавлявшиеся представителями последних временные следственные комиссии. Они сами вели розыск, выносили приговор и приводили его в исполнение. Суровый век обусловил и соответствующие методы действий этих комиссий. Особой жесткостью они отличались в ходе ликвидации восстания под предводительством Степана Разина. На эшафотах, виселицах и в пыточных застенках тогда расстались с жизнью почти сто тысяч человек [1, с. 159, 164].

До конца XVII века в Москве не существовало единого органа политического сыска. Наиболее важные дела рассматривались Боярской думой, но чаще государственными преступлениями занимались приказы. Возникнув в XVI веке, приказная система управления стала господствующей к середине следующего века и включала в себя до 80 приказов. Большинство из них наряду со

своими основными функциями занималось и политическим сыском. Приказ Казанского двора вел розыск на подвластных ему территориях Поволжья, Стрелецкий приказ занимался государственными преступлениями стрельцов. Но чаще всего с преступлениями подобного рода имел дело ведавший военным строительством и назначавший воевод Разрядный приказ. В интересах усиления централизованной власти и преодоления раздробленности управления в 1654 г. был организован Приказ великого государя тайных дел. За грозным названием нового приказа скрывалось изъятие из виденья некоторых приказов и Боярской думы ряда важных государственных дел, в том числе и в области политического сыска. Дьяки и подьячие приказа приставлялись к войскам во время походов и включались в состав царских посольств для «пригляда» за военачальниками и послами, контролировали следствие по наиболее важным делам и сами принимали в нем участие. Фактически Приказ тайных дел был личной канцелярией царя Алексея Михайловича и после его кончины в 1676 г. был упразднен [16, с. 424–425].

Конец XVII века ознаменовался борьбой за трон между группировками Милославских и Нарышкиных, новыми крестьянскими волнениями и стрелецкими восстаниями. Розыск по последнему из них – восстанию 1698 г. – проводил уже Петр I. К ведению следствия были привлечены «князь кесарь» Ф. Ромодановский, князь М. Черкасский, В. Долгорукий и др. Расправа со стрельцами оказалась страшной. За месяц было казнено 799 стрельцов. Примерно в то же время был раскрыт заговор полковника Циклера, замышлявшего убийство молодого царя. Петр в Преображенском лично допрашивал и пытал заговорщиков [17, с. 24–26].

Становление абсолютной власти в России на рубеже XVII – XVIII веков сопровождалось повышением роли и значения политического сыска. Преображенский приказ во главе с князем Ф. Ромодановский стал первым его постоянным центральным органом с дислокацией в г. Москве, затем последует организация Петром I Тайной канцелярии

под руководством П. Толстого сначала для расследования предательства сына царя Алексея, а потом и других государственных дел на территории Санкт-Петербурга и пригородов, с передачей их в Преображенский приказ [18, с. 91].

История политического сыска и государственной безопасности свидетельствует, что при снижении авторитета этих служб или их ликвидации в государстве случались измены, бунты и смуты, и наоборот, при их укреплении государство было устойчивым к внешним и внутренним угрозам. Всекие инсинуации на тему: «Нужна ли политиче-

ская полиция?», – не выдерживают никакой критики, сама история неоднократно доказывала ее необходимость и в ранние века государственности Московии, и в поздние – Российской империи. Другой животрепещущий вопрос – это вопрос о ее организации и своевременной реформе, чтобы она была эффективной без излишней жестокости, обладала сильным аналитическим аппаратом и была подконтрольной высшим государственным органам. Такая спецслужба, стоящая на страже государственной безопасности, сможет предотвратить многие беды и сохранить суверенность страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедия царей и императоров. Россия. IX–XX вв. М.: Издательство ROOSSA, 2007.
2. Кушнир М. И. МВД России: начало пути: монография. СПб.: На страже Родины, 2004.
3. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Политический сыск при царях. М.: Мысль, 1993. 432 с.
4. Нижник Н. С. История отечественного права и государства (IX–XVI века): Древняя и Средневековая Русь: учебное пособие. СПб.: Издательство университета МВД России, 2013.
5. Бредихин А. Л., Байкеева С. Е., Проценко Е. Д. Государство и право Русского централизованного государства (конец XV – начало XVI вв.). М.: Юрайт, 2020.
6. Згурский Г. В. Словарь исторических терминов. М.: Эксмо, 2008. С. 274.
7. Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства (исследование социально-политической истории времен Ивана Грозного). М.: Мысль, 1973. 359 с.
8. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1969. 342 с.
9. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: АСТ: Астрель, 2010. 316 с.
10. Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. Л., 1987.
11. Воронцов С. А. Спецслужбы России: учебник. Изд. 3-е, дополн. и перер. Ростов н/Д: Феликс, 2012.
12. Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985. 448 с.
13. Соловьев В. М. Степан Разин и его время. М.: Просвещение, 1990. 96 с.
14. Семеновский М. И. Слово и дело!: 1700–1725. 2-е изд., пересм. и испр. СПб.: Рус. старина, 1884. VI. 351 с.
15. Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М.: РИПОЛ классик, 2016. 608 с.
16. Ключевский В. О. Русская история. М.: Эксмо, 2009. 912 с.
17. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел: учебник для вузов. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005.
18. Веретенников В. И. История тайной канцелярии Петровского времени. Харьков: Печатное дело, 1910. 306 с.

REFERENCES

1. Encyclopedia of kings and emperors. Russia. IX–XX centuries M.: ROOSSA Publishing House, 2007. (In Russ.)
2. Kushnir M. I. The Ministry of Internal Affairs of Russia: the beginning of the journey: monograph. St. Petersburg: On Guard of the Motherland, 2004. (In Russ.)

3. Ruud Ch. A., Stepanov S. A. Political investigation under the kings. M.: Thought, 1993. 432 p. (In Russ.)
4. Nizhnik N. S. History of domestic law and the state (IX–XVI centuries): Ancient and Medieval Rus': a textbook. St. Petersburg: Publishing House of the University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. (In Russ.)
5. Bredikhin A. L., Baykeeva S. E., Protsenko E. D. State and law of the Russian centralized state (late XV – early XVI centuries). Moscow: Yurayt, 2020. (In Russ.)
6. Zgursky G. V. Dictionary of historical terms. M.: Eksmo, 2008. P. 274. (In Russ.)
7. Schmidt S. O. Formation of the Russian autocracy (study of the socio-political history of the times of Ivan the Terrible). M.: Thought, 1973. 359 p. (In Russ.)
8. Skrynnikov R. G. Oprichny terror. Leningrad: Leningrad University Press, 1969. 342 p. (In Russ.)
9. Kostomarov N. I. Russian history in the biographies of its main figures. M.: AST: Astrel, 2010. 316 p. (In Russ.)
10. Council Code of 1649: Text. Comments. L., 1987. (In Russ.)
11. Vorontsov S. A. Russian special services: textbook. Ed. 3rd, add. and Perer. Rostov on Don: Felix, 2012. (In Russ.)
12. Nikolsky N. M. History of the Russian Church. 3rd ed. M.: Politizdat, 1985. 448 p. (In Russ.)
13. Solovyov V. M. Stepan Razin and his time. Moscow: Education, 1990. 96 p. (In Russ.)
14. Semenovskiy M. I. Word and deed!: 1700–1725. 2nd ed., rev. and correct. St. Petersburg: Rus. antiquity, 1884. VI. 351 p. (In Russ.)
15. Borisov A., Malygin A., Mulukaev R. Three centuries of the Russian police. M.: RIPOL classic, 2016. 608 p. (In Russ.)
16. Klyuchevskiy V. O. Russian history. M.: Eksmo, 2009. 912 p. (In Russ.)
17. Mulukaev R. S., Malygin A. Ya., Epifanov A. E. History of domestic internal affairs bodies: a textbook for universities. Moscow: NOTA BENE Media Trade Company, 2005. (In Russ.)
18. Veretennikov V. I. The history of the secret office of Petrovsky time. Kharkov: Printing business, 1910. 306 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Панфилец А. В., кандидат исторических наук, доцент;
Федоров А. Б., кандидат исторических наук, доцент;
Бредихин А. Л. кандидат юридических наук.

Information about the authors:

Panfilets A. V., Candidate of History, Associate Professor;
Fyodorov A. B., Candidate of History, Associate Professor;
Bredikhin A. L., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 30.06.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 01.04.2022; approved after reviewing 30.06.2022; accepted for publication 24.03.2023.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГОСУДАРСТВА

Людмила Викторовна Ханахмедова

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
Рязань, Россия, milars-19@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о процессе формирования научного понятия «государство» на разных этапах исторического развития. Проанализированы авторские точки зрения о понятии государства, даны пояснения об их достоинствах. Обосновывается позиция о том, что наиболее аргументированным представляется определение государства через перечисление большинства его признаков.

Ключевые слова: понятие, государство, общество, публичная власть, принуждение, суверенитет, управление, народ, союз, система, общественный интерес, защита, порядок.

Для цитирования: Ханахмедова Л. В. К вопросу о понятии государства // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 44–48.

Original article

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF THE STATE

Lyudmila V. Khanakhmedova

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia, milars-19@mail.ru

Abstract. The article considers the issue of the process of formation of the scientific concept of “state” at different stages of historical development. The author's positions on the concept of the state are analyzed, explanations about their advantages are given. The position is substantiated that the definition of the state through the enumeration of most of its features is the most reasoned.

Keywords: concept, state, society, public authority, coercion, sovereignty, governance, people, union, system, public interest, protection, order.

For citation: Khanakhmedova L. V. On the question of the concept of the state // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 44–48.

Вопрос о том, что такое государство, всегда вызывает интерес у ученых-правоведов и философов. Существует великое множество интерпретаций рассматриваемой юридической дефиниции. Отметим, что современное понятие государства явилось продуктом длительного историко-политического эволюционного процесса.

Древнегреческий философ Аристотель считал, что «всякое государство представ-

ляет собой своего рода общение, <...> организованное ради какого-либо блага, <...> и которое называется государством или общением политическим»¹. В свою очередь Конфуций отмечал сходство государства с устройством любой большой семьи.

По мнению Аристотеля, подобное сравнение было невозможным, поскольку между существовавшими двумя видами власти – отеческой и политической (государствен-

¹ Аристотель. Политика // Гражданское общество в России: электронная библиотека / URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Politika.pdf>. (дата обращения: 09.03.2022).

ной), он проводил четкое разграничение. Для Аристотеля государство представляло собой сложное образование (систему), элементами которого было множество относительно самостоятельных и свободных селений, семей и граждан. Ученый считал, что степень единства людей в государстве и семье не могла быть одинаковой, и очевидно привела бы государство к уничтожению или саморазрушению. При этом государство для философа являлось сосредоточением всех умственных и нравственных интересов.

Заметим, что Аристотель в своих размышлениях о государстве использовал понятие «полис» (город-государство), которое существенно отличалось от современного понимания государства. В «полисе» предполагалась неделимость государственных и общественных начал («отеческой и политической власти»), отсюда и толкование данного понятия как города-государства.

Разные исторические периоды порождают различные научные концепции и теории. По мнению Г. Ф. Шершеневича, «государство есть союз людей, располагающийся в пределах определенных границ и подчиненных одной публичной власти» [1, с. 19].

Так, совсем иное мнение в советское время представил миру В. И. Ленин о том, что государство – это «машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы удержать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» [2, с. 73].

Как справедливо отмечается в юридической литературе, термин «государство» появился только в XVI веке как категория, обобщающая признаки существующих на тот момент конкретных государств. Рассматриваемую дефиницию разработал и ввел в научный оборот выдающийся мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли. До этого использовались более конкретные понятия: полис (государство-город), королевство, княжество и др.

Новый термин придавал понятию суверенитета («высшей власти») абстрактное содержание, отделял его от конкретных носителей власти. Для Макиавелли государство означало не столько действительность с

раздробленностью страны, междуусобицей, сколько состояние, к которому следовало стремиться [3, с. 38].

Заслуга Н. Макиавелли состоит еще и в том, что он один из первых разграничил широкое и узкое понимание государства. Представители трактовки данного понятия в широком смысле (Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов и др.) связывают государство с понятием страны.

Н. М. Коркунов определял государство прежде всего как «общественный союз свободных людей с принудительно установленным мирным порядком посредством предоставления исключительного права принуждения только органам государства». Ученый утверждал, что «государство не являлось просто отдельным актом властвования, а представляло собой состояние установившегося властвования» [4, с. 24].

Таким образом, под государством понималось объединение людей на основе правопорядка, обеспечиваемого наделением властных полномочий органов государственной власти.

Представители трактовки понятия государства в узком смысле связывают эту дефиницию непосредственно с публичной властью и политической организацией на суверенной территории, созданных в целях осуществления и поддержания правового порядка и достижения общего блага.

Во все исторические периоды ученых-правоведов интересовал вопрос толкования государства как юридической категории. К примеру, особую актуальность рассмотрение обозначенного термина имело в период 60-80-х годов XX века, когда теория государства и права стремительно развивалась и формировалась. Наиболее авторитетные ученые предлагали свои определения и теории, которые обсуждались и преобразовывались в некое единое мнение.

Анализ основных научных трудов показал, что в целом при изучении юридической терминологии наиболее часто встречались цитаты из учебной и научной литературы советского периода. Однако в это время общественные и государственные явления

стремительно развивались, и возникла необходимость актуализации теоретических положений и научной лексики, отражающей существующую действительность.

Так, Ю. А. Тихомиров предлагает понимать государство как «универсальную публичную организацию общества для управления его общими делами на основе права». При этом автор утверждает, что обязательными признаками государства являются публичная власть, законодательно определенная территория, государственные ресурсы, публичное объединение народа (нации, граждан), возможность непосредственного публичного участия в делах мирового сообщества [5].

Приведенное понятие и перечисленные признаки позволяют отметить, что автор придерживался фундаментального определения государства, указывая, что оно в первую очередь обладает властными полномочиями, хотя в его работах встречаются еще несколько интересных теоретических воззрений на понимание государства.

Так, со ссылкой на Ханса-Адама П автор отмечал, что государство может выступать в качестве организации-предприятия, оказывающего определенные услуги своим клиентам [6, с. 127–129]. Также автор соглашался с устоявшимся в юридической литературе мнением о том, что в качестве цели создания государства выступают совершенствование основных сфер жизнедеятельности человека и достижение общественной пользы.

В то же время В. Е. Чиркин считает, что государство обладает значительным количеством свойств, форм, признаков и функций, которые позволяют определять его с различных сторон. К основным, обязательным признакам государства ученый относит наличие территории, населения и власти [7]. Кроме того, правовед, толкуя государство как публично-правовое образование, выделяет три основных качества, отражающих сущность рассматриваемого явления:

- публично-политический характер общества;
- наличие различных форм государственного управления;

– суверенность власти.

Интересной представляется суждение О. В. Пинаевой о том, что существующий в советский период общепринятый термин государства не отражал всего смысла рассматриваемого явления. При этом О. В. Пинаева отмечает, что государство является уникальным, динамически развивающимся институтом, содержащим внутри своей системы большое количество связей, соединяющих всех участников общественных отношений, сложным коллективным субъектом, обладающим следующими признаками: концентрацией государственно-властных полномочий, четко обозначенной территорией, населением и суверенитетом [8, с. 14]. Заметим, что О. В. Пинаева одна из первых начинает рассматривать государство как хозяйствующий субъект правоотношений.

В продолжение темы целесообразно рассмотреть точку зрения А. В. Слепнева о том, что государство, вступая в правоотношения, действует как самостоятельный, полноправный субъект, а его государственные органы выступают в роли представителей интересов государства [9, с. 14].

Примечательно, что ученый отступает от уже сформировавшейся в юриспруденции парадигмы «государство-власть» и переходит к пониманию государства как самостоятельного субъекта, имеющего существенные отличия от всех иных субъектов права. Рассуждая о сущностных характеристиках государства, автор считает возможным заметить, что именно человек (государственный служащий) является объектом, позволяющим государству обрести дееспособность и стать участником – субъектом правоотношений. Органы государства, по мнению автора, выступают в роли средства достижения целей, стоящих перед государством.

Ф. В. Мусатов в своих исследованиях о феномене государства предлагает рассматривать государство как правовую корпорацию, отмечая при этом его триединую природу и определяя как:

- объект права (государство – результат совместной деятельности участников правовой корпорации);

– субъект права (государство – единая корпоративно-правовая воля, проявляющая себя вовне в качестве самостоятельного субъекта права);

– правоотношение (государство – система, формируемая участниками корпоративно-правовых отношений [10, с. 10].

Так, автор не настаивает только на концепции властного обоснования сущности государства и не делает акцент на его публично-политическом характере. В качестве основного признака государства ученый предлагает считать корпоративность, выделяя при этом такие обязательные признаки государства, как наличие территории, суверенитет и правосубъектность.

Обращаясь к ученым-правоведам современности, отметим, что Н. И. Матузов включает в определение государства такие неотъемлемые составляющие, как народ, публичная власть и территория [11, с. 52].

В. К. Бабаев утверждает, что государство – это прежде всего «политико-территориальная суверенная организация публичной власти». При этом он отмечает, что публичная власть помимо своих властных компетенций располагает специальным аппаратом убеждения и принуждения, перед которым стоит задача обеспечения исполнения воли государственной власти [12].

Безусловно, все определения ученых являются актуальными и представляют авторскую позицию на проблему.

К примеру, интересной и обоснованной представляется точка зрения Л. А. Морозо-

вой о понятии и сущности государства. Так, автор под государством понимает «властно-политическую организацию общества, обладающую государственным суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, государственной казной, монопольным правом на издание общеобязательных актов и устанавливающую правовой порядок на определенной территории» [13].

Несомненным достоинством обозначенного определения является рассмотрение государства через перечисление большинства его признаков.

Очевидно, что для более глубокого и полного раскрытия дефиниции «государство» всегда следует рассматривать его признаки, т. е. существенные характеристики, позволяющие отличить публичное образование от любого негосударственного. Кроме того, в настоящее время в наборе признаков государства среди ученых практически нет серьезных разногласий.

Резюмируя и обобщая вышесказанное, заметим, что во все исторические эпохи в юриспруденции имеются научные исследования, в которых авторы предпринимают попытки переосмыслить сформировавшиеся ранее положения о государстве и актуализировать их в соответствии с современными условиями жизни.

Таким образом, отмечая многосторонность дефиниции «государство», предполагаем, что интерес к рассматриваемому явлению будет возрастать, что позволит лучше понять природу и сущность государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве: лекции. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание 5. Том 39. Июнь-декабрь 1919 г. // Москва: Политиздат, 1970.
3. Мартышин О. В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 37–48.
4. Коркунов Н. М. Государственное право. Введение и общая часть. Том 1. Издание шестое. СПб, 1909.
5. Тихомиров Ю. А. Государство: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.
6. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 336 с.
7. Мусатов Ф. В. Государство как субъект права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

8. Пинаева О. В. Государство как субъект правоотношения в современном обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
9. Слепнев А. В. Государство как субъект правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. Ханс-Адам II. Государство в третьем тысячелетии. М.; Берлин, 2012.
11. Магузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2020.
12. Теория государства и права: учебник для вузов / В. К. Бабаев и др. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022.
13. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022.

REFERENCES

1. Shershenevich G. F. General doctrine of law and state: lectures. M.: Type. T-va I. D. Sytin, 1908.
2. Lenin V. I. Full composition of writings. Edition 5. Volume 39. June-December 1919 // Moscow: Politizdat, 1970.
3. Martyshin O. V. On the history of the formation of the concept of «state» // Bulletin of the O. E. Kutafin University. 2018. No. 4 (44). P. 37–48.
4. Korkunov N. M. State law. Introduction and general part. Volume 1. Sixth edition. St. Petersburg, 1909.
5. Tikhomirov Yu. A. State: monograph. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 320 p.
6. Chirkin V. E. Public law education. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 336 p.
7. Musatov F. V. State as a subject of law: author. dis. ... cand. legal sciences. Yekaterinburg, 2016.
8. Pinaeva O. V. State as a subject of legal relations in modern society: author. dis. ... cand. legal sciences. Vladimir, 2008.
9. Slepnev A. V. State as a subject of legal relations: author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2009.
10. Hans-Adam II. State in the third millennium. M.; Berlin, 2012.
11. Matuzov N. I., Malko A. V. Theory of state and law: textbook. 5th ed., rev. and additional. M.: Publishing house «Delo» RANEPА. 2020.
12. Theory of state and law: a textbook for universities / V. K. Babaev and others; edited by V. K. Babaev. 4th ed., revised. and additional. M.: Yurayt Publishing House, 2022.
13. Morozova L. A. Theory of state and law: textbook. 6th ed., revised. and additional. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022.

Информация об авторе:

Ханахмедова Л. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Khanakhmedova L.V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 342

**ВОПРОСЫ АКТИВИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В РЕШЕНИИ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Андемиркан Борисович Абазов¹, Тимур Аликович Файрушин²

¹ Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России, Нальчик, Россия, and-abazov@yandex.ru

² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, fta200483@mail.ru

Аннотация. Тема активизации гражданского участия населения в решении вопросов местного самоуправления занимает лидирующие позиции в числе задач, связанных с совершенствованием деятельности органов местного самоуправления. Обозначенная проблема обусловливается препятствиями, с которыми сталкивается местный уровень в процессе реализации своих непосредственных задач. Принимая во внимание, что главная функция местного самоуправления – выступить значимым фундаментом для социально-экономического развития государства, необходимость решения возникающих проблем очевидна. Также становится понятным, что без активизации гражданского участия продвижение данных вопросов замедлится. Анализ низкой социальной активности граждан показывает, что ее основы кроются в социально-психологической установке современного поколения и ее зависимости от власти. Установлено, что пассивность граждан должна быть преодолена путем их постепенного вовлечения в деятельность местного самоуправления. Решение данной задачи, по нашему мнению, лежит в плоскости формирования у населения муниципалитета готовности оказать влияние на уровни местного сообщества, структуры управления, а также процесс принятия решений. В исследовании также отражены факторы, обуславливающие неблагоприятное влияние участия населения в общественно-политическом развитии муниципалитета.

Ключевые слова: местное самоуправление, гражданское общество, пассивность граждан, активизация гражданского участия.

Для цитирования: Абазов А. Б., Файрушин Т. А. Вопросы активизации гражданского участия населения в решении вопросов местного самоуправления // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 49–55.

Original article

**ISSUES OF ACTIVATING CIVIL PARTICIPATION OF THE POPULATION
IN SOLVING QUESTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT**

Andemirkan B. Abazov¹, Timur A. Fayrushin²

¹ North Caucasian institute of professional development (branch) of Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of Russian, Nalchik, Russia, and-abazov@yandex.ru

² Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, fta200483@mail.ru

Abstract. The topic of activating the civil participation of the population in solving local self-government issues occupies a leading position among the tasks related to improving the activities of local self-government bodies. The identified problem is due to the obstacles that the local level faces in the process of implementing its immediate tasks. Taking into account that the main function of local self-government is to act as a significant foundation for the socio-economic development of the state, the need to solve emerging problems is obvious. It also becomes clear that without the activation of civil participation, the progress of these issues will slow

© Абазов А. Б., Файрушин Т. А., 2023

down. An analysis of the low social activity of citizens shows that its foundations lie in the socio-psychological attitude of the modern generation and its dependence on the authorities. It has been established that the passivity of citizens should be overcome by their gradual involvement in the activities of local self-government. The solution to this problem, in our opinion, lies in the formation of the willingness of the population of the municipality to influence the levels of the local community, management structures, and the decision-making process. The study also reflects the factors that determine the adverse impact of the participation of the population in the socio-political development of the municipality.

Keywords: local self-government, civil society, passivity of citizens, activation of civil participation.

For citation: Abazov A. B., Fayrushin T. A. Issues of activating civil participation of the population in solving questions of local self-government // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 49–55.

В кругах научного сообщества и практических работников вопросы организации местного самоуправления (далее – МСУ), активизации гражданского участия населения в решении вопросов местного самоуправления не теряют своей остроты и по-прежнему занимают лидирующие позиции в числе задач, связанных с совершенствованием деятельности самого близкого к населению уровня публичной власти. Обстоятельствами, обуславливающими обозначенную проблему, выступают препятствия, с которыми сталкивается местный уровень в процессе реализации своих непосредственных задач. Принимая во внимание, что главной функцией МСУ является выступить значимым фундаментом для социально-экономического развития государства, необходимость решения возникающих проблем очевидна. Также становится понятным, что без активизации гражданского участия продвижение данных вопросов замедлится. Между тем сегодняшние реалии показывают, что со стороны граждан демонстрируется безразличное отношение к общественным проблемам. Отсюда следует, что МСУ сталкивается с самоустранением граждан от нахождения путей решения, в результате муниципалитеты перестают обращаться к населению, как к равноправному партнеру.

Таким образом, складывающиеся десятилетиями взаимоотношения между муниципалитетом и его населением привели к тому, что должностные лица и органы МСУ постепенно прекращают активную поддержку гражданских инициатив, ограничивают сотрудничество с гражданами своих регионов и не предоставляют четкого отчета

по своей работе, не заинтересованы в донесении до населения задач, решением которых они занимаются, а также не упоминают о том, что население в праве принимать непосредственное участие в работе МСУ, и не дают четкого понимания, какие вопросы непосредственно осуществляются местной властью [1; 2]. В результате пассивность граждан в участии вопросов МСУ привела к тому, что население не использует своего законного права в осуществлении местного самоуправления.

Вместе с тем, учитывая, что «на разных этапах развития института МСУ в России менялось количество регулируемых вопросов и осуществлялась государственная политика в сторону приведения их в соответствие с динамикой общих принципов организации МСУ» [1], совершенно очевидно, что современные органы МСУ трансформировались под цели и задачи, продиктованные модификациями, произошедшими в законодательстве о муниципальных образованиях. Указанные обстоятельства в совокупности продиктовали повышение интереса как ученых, так и практических работников структуры местного самоуправления к регулированию вопросов организации деятельности муниципалитетов, осуществляемому при помощи общественного участия [1].

Первоначально избранная политика государства в деле реформирования МСУ получила скептическую оценку, поскольку уже существовали конституционные принципы, организующие местное самоуправление и определяющие ее результативность, значение и содержание. Впоследствии, намечая пути совершенствования правоотношений в

сфере МСУ, государство предприняло шаги к вовлечению в решение вопросов местного значения всех уровней публичной власти.

Наделение органов МСУ особой значимостью в демократической системе управления государством и обществом связано с направленностью их деятельности на обеспечение интересов граждан на местах, причем в обязательном порядке учитываются юридическо-правовые и местные традиции, что в комплексе стимулирует организацию обособленного управления [3]. Вместе с тем, отмечая близость органов МСУ к населению, главной задачей которого выступает осуществление эффективного государственного управления, очевидна необходимость обеспечения потребностей и интересов населения данной территории, поскольку Законом о поправках к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ регламентируется осуществление политики, не совпадающей друг с другом в соседствующих муниципалитетах. В этом же Законе говорится, что вопросы достижения результативного решения задач должны осуществляться «...в интересах граждан, проживающих в пределах территорий муниципального образования, посредством взаимодействия органов государственной власти и МСУ»¹.

Рассматривая круг вопросов местного значения, следует отметить их очерченность непосредственным обеспечением жизнедеятельности муниципального образования. Вопросами, находящимися в ведении органов МСУ, являются: нормотворческие процедуры; создание условий для предоставления транспортных услуг населению; создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания;

сфера народного образования; ряд вопросов местного значения в сфере культуры, а также некоторые другие вопросы, отнесенные или не исключенные из ведения органов МСУ [4; 5].

Характеризуя миссию МСУ, главным образом внимание следует акцентировать на преодолении отчуждения между властью и местным населением, поскольку именно на местном уровне отмечается тесное переплетение и максимальное сближение их интересов. Вместе с тем, выступая фундаментом демократического общества, МСУ реализует прямую демократию, что дает возможность интегрировать гражданское население в различных вопросах. Это становится возможным, потому что «выступая одним из значимых компонентов народовластия, МСУ формируется из общности граждан, проживающих в границах соответствующего муниципального образования, и именно гражданин является главным «вершителем» муниципальной власти на местах» [1] о чем также гласит Конституция (ст. 130): «... местное самоуправление осуществляется населением и гражданами»².

Как мы указывали выше, особо актуальными для органов МСУ остаются вопросы активизации населения при решении местных проблем. Масштабы задач, которые лежат в основе местного самоуправления, в комплексе с низкой социальной активностью граждан являются главными детерминантами неэффективного и несамостоятельного самоуправления. Анализ низкой социальной активности граждан показывает, что ее корень кроется в социально-психологической установке современного поколения и ее зависимости от власти. В результате у граждан просто отсутствуют умения, а хуже того и желание брать на себя ответственность за

¹ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 05.10.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.10.2022).

общественные проблемы. Как правило, решение одной проблемы влечет за собой ряд других. В особенности это касается тех задач, решение которых возложено на МСУ, однако которые в то же время не могут быть решены без учета мнения граждан, в одностороннем порядке.

Данными задачами являются следующие:

- организация и осуществление мероприятий по работе с подростками и молодежью в поселениях;
- создание благоприятных условий для добровольных формирований населения по охране общественного порядка;
- оказание содействия национально-культурному развитию народов Российской Федерации и реализация мероприятий в сфере межнациональных отношений непосредственно на территории своего субъекта;
- вовлечение населения в решение актуальных для муниципалитета вопросов по собственной воле населения [4; 5; 6].

Таким образом, преодоление пассивности граждан должно происходить путем их постепенного вовлечения в деятельность МСУ. Решение данной задачи, по нашему мнению, лежит в плоскости формирования у населения муниципалитета готовности оказать влияние на уровне местного сообщества, структуры управления, а также процесс принятия решений. Вместе с тем, нами выявлено, что препятствием к выражению активной гражданской позиции выступает неготовность населения пользоваться своим законным правом в осуществлении МСУ, прежде всего, ввиду не знания об этом самом праве.

Территориальная организация народонаселения, где граждане рассредоточены по городам и селам служит еще одним камнем преткновения в вопросах выражения активной гражданской позиции. При сравнении городских и сельских жителей можно заметить, что «первые менее организованы и сплочены при возникновении необходимости решения общественных проблем; они предпочитают защиту своих интересов через депутатов и выборных лиц. Следовательно,

для эффективного функционирования МСУ необходимо участие не только граждан, но и самих работников муниципалитета» [1].

Следующим фактором, обобщающим вышесказанные позиции, являются преобладание среди населения нежелания оказывать различного рода помощь, нежелание быть вовлеченным в рабочий процесс МСУ, а также недостаточная мотивация для образования различного рода общественных объединений, чтобы реализовать свои законные права и предоставить такую возможность своим согражданам. В результате за последние несколько лет незначительная часть россиян выразила готовность в участии в деятельности «третьего сектора», поняв важное значение общественной деятельности [6].

Рассматривая мотивы активизации граждан в деятельности местного самоуправления, исследователи разделили их на две группы: политические и инструментальные.

Фундаментом политического мотива стали формирование у граждан чувства необходимости внесения непосредственного вклада в политическую жизнь общества и идентитет населения, которые выразились в готовности сотрудничать с политической жизнью муниципалитета.

Инструментальные мотивы в реализации рационально-эгоистических идей проявляются, когда принимая участие в МСУ, люди параллельно заняты устройством своей личной жизни и уделяют большое внимание своему карьерному и личностному росту, повышению уровня своего благосостояния, своего мундального и физического здоровья, реализации физиологических потребностей в коммуникации с другими людьми, что позволяет им достичь чувства необходимости или даже незаменимости в обществе.

Дальше рассмотрим еще одно магистральное направление реализации права МСУ – это непосредственное участие населения через формы прямого волеизъявления. Согласно Закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» формами осуществления населением МСУ являются «местный референдум,

муниципальные выборы, правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, конференции граждан и иные», призванные «обеспечить участие и контроль граждан в решении задач и направлений деятельности органов МСУ и способствующие развитию гражданского общества»¹. Следовательно, можно заключить, что становлению эффективного МСУ необходим такой фундамент, как развитие гражданского общества, главными компонентами структуры которого являются достижения и передовые практики в муниципальных образованиях, повышающие общественную активность на местном уровне.

При определении значимости гражданского общества в участии вопросов МСУ следует также отметить и вспомогательную роль государственных институтов, состоящую в обеспечении юридических, социальных, экономических и иных условий, благоприятствующих развитию самоорганизации в обществе и оптимальному разрешению возникающих социальных конфликтов.

При этом важным компонентом гражданского общества многие эксперты считают политические партии, одной из задач которых является именно предоставление возможности непосредственного участия граждан в управлении и прежде всего путем выборов, поскольку, только приходя к власти по результатам выборов, партии начинают трансформироваться в структуру государства. Следовательно, проявление гражданской активности в форме участия в политических партиях выступает как один из способов непосредственного участия в процессах МСУ.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что для эффективной и результативной работы органов МСУ необходимо реализовать активное участие населения в решении вопросов местного значения. Местное самоуправление как самый близкий к населению уровень публичной власти, свою де-

ятельность должен организовать таким образом, чтобы реализовывалась возможность осуществления конструктивного диалога общественности, институтов гражданского общества и муниципалитетов в управлении территориями [2; 3; 7].

При анализе форм осуществления населением МСУ установлено, что «самой распространенной формой участия граждан в МСУ являются муниципальные выборы, где принимает участие лишь 35–55% населения, обладающего избирательным правом. Причиной этому следует назвать отсутствие доверия к институту выборов, а также недостаточную информированность граждан о кандидатах, их программах и заслугах» [6], что в результате приводит к ряду негативных последствий: это как избрание неавторитетной власти, так и неэффективное управление [2].

Таким образом, граждане, осуществляя сознательные действия, направленные на удовлетворение как личных, так и общественных интересов, обеспечивающих общественное благо, выражают активную гражданскую позицию.

Рассматривая группу факторов, обуславливающих неблагоприятное влияние участия населения в общественно-политическом развитии муниципалитета, кроме пассивности граждан, следует отметить и сопротивление самой власти, которая сама чинит препятствия к открытому диалогу с гражданскими инициативами. Причиной тому служат требования, которые предъявляются населением к качеству деятельности органов МСУ. Сюда же следует отнести ресурсозатратность и дороговизну реализации гражданских инициатив, которые повышают эффективность деятельности органов МСУ. В общем порядке, чтобы обеспечить реализацию института прямой демократии, деятельность должностных лиц должна быть направлена на повышение участия граждан в определении задач и направлении деятель-

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 05.10.2022).

ности органов МСУ. Это, в свою очередь, станет обеспечительной мерой контроля со стороны граждан за деятельностью, осуществляемой МСУ, повысится активность населения, и в результате постепенно сформируется более ответственное отношение к выполнению своих полномочий должностными лицами органов МСУ [8].

В заключении нашего исследования сделаем ряд выводов.

Во-первых, перспективы развития гражданского общества напрямую зависят от непосредственного участия населения в МСУ и понимания важности и значимости совершенствования институтов гражданского общества, фундамента становления демократического правового государства.

Во-вторых, реализация прямой демократии позволит использовать умственно и интеллектуально развитых членов общества в реализации поставленных перед МСУ их региона задач.

В-третьих, столкнувшись с рядом проблем – от низкой социальной активности граждан до безразличия самой власти к местному населению в процессе осуществления своих функций, перед органами МСУ возникла задача установления взаимосоотрудничества с местным населением в целях осуществления государственного управления на эффективных началах.

Таким образом, рассмотрев проблемы, связанные с активизацией гражданского участия населения в решении вопросов местного самоуправления и сделав соответствующие выводы, считаем целесообразным органам МСУ принять к сведению информацию о необходимости построения конструктивного диалога общественности, институтов гражданского общества и муниципалитетов в управлении территориями в целях повышения эффективности деятельности самого близкого к населению уровня публичной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абазов А. Б., Файрушин Т. А. О проблемах общественного участия в решении вопросов местного самоуправления // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 443–444.
2. Абазов А. Б., Файрушин Т. А. О формах непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Евразийский юридический журнал. 2022. № 2 (165). С. 122–124.
3. Гамидов С. С., Теплинских Е. А. Анализ современных тенденций и проблем общественного участия населения в муниципальном управлении // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2018. № 6 (65). С. 28–30.
4. Александров А. А., Тарбеева И. С. Гражданское участие в местном самоуправлении // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 63–71.
5. Гамидов С. С. Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. 2019. Т. 7. № 2. С. 5–10.
6. Суворов Н. А. Участие населения в местном самоуправлении: проблемы взаимодействия граждан с местной властью // Молодежный муниципальный форум: материалы Всероссийской научной интернет-конференции / отв. редактор Е. И. Васильева. Екатеринбург, 2021. С. 233–237.
7. Абазов А. Б. Представительные органы местного самоуправления в системе муниципально-правовых отношений: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2013. 206 с.
8. Никитина А. А. Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в Ростовской области: правовое регулирование и практика // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 88. С. 119–133.

REFERENCES

1. Abazov A. B., Fayrushin T. A. On the problems of public participation in resolving issues of local self-government // Eurasian Law Journal. 2022. No. 1 (164). P. 443–444. (In Russ.)

2. Abazov A. B., Fayrushin T. A. On the forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government (on the example of the Kabardino-Balkarian Republic) // Eurasian legal journal. 2022. No. 2 (165). P. 122–124. (In Russ.)

3. Gamidov S. S., Teplinsky E. A. Analysis of modern trends and problems of public participation of the population in municipal management // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2018. No. 6 (65). P. 28–30. (In Russ.)

4. Alexandrov A. A., Tarbeeva I. S. Civil participation in local self-government // Management consulting. 2016. No. 12 (96). P. 63–71. (In Russ.)

5. Gamidov S. S. Modern problems of civil participation in the implementation of local government in Russia // Management. 2019. V. 7. No. 2. P. 5–10. (In Russ.)

6. Suvorov N. A. Participation of the population in local self-government: problems of interaction between citizens and local authorities // Youth Municipal Forum: materials of the All-Russian Scientific Internet Conference / ed. editor E. I. Vasilyeva. Yekaterinburg, 2021. P. 233–237. (In Russ.)

7. Abazov A. B. Representative bodies of local self-government in the system of municipal legal relations: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2013. 206 p. (In Russ.)

8. Nikitina A. A. Forms of direct participation of the population in the implementation of local government in the Rostov region: legal regulation and practice // Public administration. Electronic Bulletin. 2021. No. 88. P. 119–133. (In Russ.)

Информация об авторах:

Абазов А. Б., кандидат юридических наук;
Файрушин Т. А., без ученой степени.

Information about the authors:

Abazov A. B., Candidate of Law;
Fayrushin T. A., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 31.10.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 30.10.2022; approved after reviewing 31.10.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 351.74

БЕЗНАДЗОРНОСТЬ, БЕСПРИЗОРНОСТЬ, БРОДЯЖНИЧЕСТВО И ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИНИМИЗАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

Александр Анатольевич Беженцев

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
adovd@mail.ru

Аннотация. В статье предлагается выделить три уровня профилактики безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних: первичный (на котором выявляются потенциально склонные к данным фатальным явлениям подростки); вторичный – реализуемый в отношении несовершеннолетних, которые уже бродяжничают, занимаются попрошайничеством; третичный – реализуемый в отношении детей, являющихся беспризорными, которые были изъяты с улиц, возвращены в семьи, направлены в специальные учреждения, вследствие чего нуждаются в социальной адаптации. Автором доказано, что подразделения полиции по делам несовершеннолетних в своей индивидуальной профилактической деятельности применительно к данным девиантным явлениям наиболее часто используют такие методы, как метод убеждения, в его рамках – поощрения и наказание. Выступая основным субъектом профилактической деятельности безнадзорности, беспризорности, бродяжничества и попрошайничества несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних при этом должны находиться в постоянном взаимодействии с иными органами и учреждениями системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, которые также реализуют предупредительные функции: в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты. Предложены эффективные совместно проводимые мероприятия.

Ключевые слова: безнадзорность несовершеннолетних, беспризорность несовершеннолетних, бродяжничество несовершеннолетних, попрошайничество несовершеннолетних, профилактика правонарушений несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних, индивидуальная профилактическая работа, образовательные учреждения, органы социальной защиты населения, ст. 151 УК РФ, ст. 6.10 КоАП РФ, ст. 5.35 КоАП РФ.

Для цитирования: Беженцев А. А. Безнадзорность, беспризорность, бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: стратегические направления минимизации в административной деятельности полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 56–65.

Original article

NEGLECT, HOMELESSNESS, VAGRANCY AND BEGGING OF MINORS: STRATEGIC DIRECTIONS FOR MINIMIZATION IN THE ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF THE POLICE

Alexander A. Bezhentsev

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint-Petersburg, Russia, adovd@mail.ru

Abstract. The article proposes to distinguish three levels of prevention of neglect, homelessness, vagrancy, begging of minors: primary (at which adolescents potentially prone to these fatal phenomena are identified); secondary – implemented in relation to minors who are already wandering, begging; tertiary – implemented in

© Беженцев А. А., 2023

relation to the children who are homeless, who were taken from the streets, returned to their families, sent to special institutions, as a result of which they need social adaptation. The author proved that the juvenile police units in their individual preventive activities in relation to these deviant phenomena most often use such methods as the method of persuasion, within its framework – encouragement and punishment. Acting as the main subject of preventive activities of neglect, homelessness, vagrancy and begging of minors, the juvenile affairs units should be in constant interaction with other bodies and institutions of the system for the prevention of juvenile delinquency, which also implement preventive functions: in the field of education, healthcare, social protection . Effective joint activities proposed.

Keywords: neglect of minors, homelessness of minors, vagrancy of minors, begging of minors, prevention of juvenile delinquency, departments for minors, individual preventive work, educational institutions, social protection authorities, art. 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, art. 6.10 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, art. 5.35 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

For citation: Bezhentsev A. A. Neglect, homelessness, vagrancy and begging of minors: strategic directions for minimization in the administrative activity of the police // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 56–65.

Нет абсолютно никаких сомнений в том, что достичь эффективности в профилактике таких негативных явлений, как безнадзорность, беспризорность, бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних, возможно исключительно путем комплексного подхода, когда в превентивную деятельность вовлечены различные субъекты и активная роль принадлежит органам внутренних дел [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Государство в данной деятельности должно участвовать не только посредством наделяния полномочиями различных органов, но и путем создания существенной финансовой поддержки, так как практически любые мероприятия в данной сфере требуют определенных материальных затрат.

Представляется возможным деление всех мероприятий, реализуемых в целях профилактики рассматриваемых негативных явлений, на три группы в зависимости от этапов (уровней): первичные, вторичные и третичные [12, с. 52].

Первичная профилактика представлена преимущественно деятельностью подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов внутренних дел. Объектами данной профилактики, реализуемой индивидуально, выступают не только сами подростки, но и их родители, законные представители. Только путем воздействия на семью, в которой живет и воспитывается несовершеннолетний, возможно предотвра-

тить его бродяжничество, занятие попрошайничеством.

В ходе своей деятельности сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних достаточно часто выявляют факты ненадлежащего воспитания и контроля со стороны родителей, их антиобщественный образ жизни, чрезмерное употребление спиртных напитков, применение насилия к несовершеннолетним детям, как психологического, так и физического. Именно эти условия и возбуждают у подростков стремление уйти из дома, бродяжничать. В связи с этим рассматриваемый уровень упреждающего воздействия включает в себя комплекс мероприятий, направленных на выявление неблагополучных семей, детей, которые находятся в социально опасном положении, а также комплекс мер воздействия на родителей, ненадлежащим образом осуществляющих воспитание несовершеннолетних детей. Данные меры достаточно разнообразны, они могут заключаться в проведении воспитательных бесед с родителями, в постановке их на профилактический учет. Также к данным мерам относится и направление в суд материалов с целью решения вопроса о лишении родительских прав, это одна из крайних мер, обеспечивающих предупреждение бродяжничества и иных негативных явлений среди подростков.

В предупредительной деятельности в рамках первичных мероприятий участву-

ют не только сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов внутренних дел, но и органов внутренних дел по субъектам Российской Федерации. Они принимают участие в формировании баз данных о неблагополучных семьях, а также о несовершеннолетних, которые находятся в социально опасном положении, относятся к числу безнадзорных и беспризорных. В ряде субъектов предусмотрена более активная роль в предупредительной деятельности органов внутренних дел – участие совместно с иными органами, вовлеченными в профилактику, в подготовке методических рекомендаций по профилактике безнадзорности, беспризорности, бродяжничества и попрошайничества несовершеннолетних, в разработке нормативно-правовых актов, содержащих нормы о превенции негативных явлений несовершеннолетних.

Существенный положительный эффект может иметь проведение информационно-обучающих семинаров для родителей, в особенности для женщин, которые оказались в трудной жизненной ситуации, подвергаются насилию. В ряде органов внутренних дел предусмотрена экстренная психологическая помощь по телефонам доверия, возможность сообщения любым гражданином об известных ему фактах насилия в семье, взаимодействие с областными центрами социальной поддержки семье и детям.

Вторичная профилактика также реализуется во многом сотрудниками подразделений полиции по делам несовершеннолетних. Она представляет собой определенные меры, направленные на пресечение уже имеющих место негативных явлений, недопущение более опасных последствий, ликвидацию тех, которые уже наступили. В частности, на рассматриваемом уровне происходит выявление и изъятие из общественных мест тех несовершеннолетних, которые уже являются безнадзорными, беспризорными, бродяжничают, попрошайничают. Также на рассматриваемом уровне выявляются не достигшие совершеннолетия административные правонарушители и преступники.

Выявив таких подростков и доставив их в орган внутренних дел, сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних принимают решение о том, следует ли направить их в специализированные учреждения либо передать родителям. Здесь в качестве проблем следует назвать отсутствие специализированных помещений, в которых несовершеннолетние могут находиться в органе внутренних дел в ожидании родителей или иных лиц, которым они могут быть переданы, в связи с чем, все это время подростки обычно находятся в кабинете сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. Проблемой является также и отсутствие во многих субъектах страны специализированных учреждений для длительного содержания не совершивших правонарушение несовершеннолетних.

Третичная профилактика представляет собой деятельность по социальной адаптации несовершеннолетних, которые подвергались тем или иным мерам воздействия: направлялись в специализированные учреждения, были привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений, возвращены в семью после выявления фактов безнадзорности, беспризорности, попрошайничества. Здесь сущность мероприятий прежде всего заключается в том, чтобы проверить, в каких условиях в настоящее время проживает подросток, обеспечены ли ему необходимые условия и контроль за его поведением. Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних проводят воспитательную работу с несовершеннолетними, а также с их родителями и заменяющими их лицами.

Индивидуальной профилактике на различных указанных уровнях принадлежит особая роль, в связи с чем представляется целесообразным изучить, какие конкретные методы применяют сотрудники по делам несовершеннолетних. В зависимости от рассматриваемых уровней выделяют следующие группы методов:

– направленные на оздоровление среды, в которой находится несовершеннолетний, на оказание помощи тем, у которых неблагоприятно складывается ситуация.

гоприятные условия жизни и воспитания. То есть сюда включаются методы, позволяющие предотвратить безнадзорность, беспризорность, бродяжничество, попрошайничество;

– направленные на профилактику в отношении несовершеннолетних, которые уже являются подверженными негативному влиянию – являются безнадзорными, беспризорными, бродяжничают, попрошайничают;

– направленные на социальную адаптацию тех лиц, которые были выявлены как занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, возвращены в семьи либо направлены в специальные учреждения.

Конкретные методы, которые используются при административной деятельности с несовершеннолетними при предупреждении данных отрицательных явлений разнообразны и универсальны, они используются в рамках любой профилактической и предупредительной деятельности. Выбор конкретного метода, который будет наиболее эффективен применительно к определенному несовершеннолетнему и в определенной ситуации, инспектор по делам несовершеннолетних делает на основании анализа психологических свойств личности подростка [13, с. 52].

Практика свидетельствует о том, что подразделения по делам несовершеннолетних в своей индивидуальной профилактической деятельности наиболее часто используют такие методы, как метод убеждения, в его рамках – поощрения, наказания. Они же применимы и по отношению к родителям несовершеннолетних, допустивших их безнадзорность, беспризорность, бродяжничество, попрошайничество.

Метод убеждения применяется в том случае, когда достичь результатов профилактической деятельности возможно без использования иных, более негативно влияющих на подростков. Наиболее эффективен он в том случае, когда несовершеннолетний еще не покинул дом, не начал скитаться и попрошайничать, но предпосылки к этому имеются: семья неблагополучная, воспитание несовершеннолетнего не осуществляет-

ся должным образом, к подростку применяется насилие.

Путем применения метода убеждения сотрудники полиции по делам несовершеннолетних воздействуют на сознание подростка, разъясняют ему, что в случае ухода из дома он будет помещен в специализированное учреждение, а возможно и привлечен к ответственности, если совершит противоправные деяния. На ранних этапах, когда несовершеннолетний еще не покинул семью, посредством применения данного метода вполне возможно достичь решения воспитательных задач.

Приемы, с помощью которых может быть реализован рассматриваемый метод, разнообразны, как правило, они применяются в связке следующим образом: разъяснение, доказательство, опровержение, в рамках беседы с объектом превенции. Целесообразно при этом приводить примеры, когда несовершеннолетние начали заниматься бродяжничеством, попрошайничеством, и это повлекло для них негативные последствия – они стали жертвой преступления либо сами совершили административное правонарушение или преступление и понесли за это наказание.

Еще более действенным может быть использование данных приемов в профилактике, направленной на родителей несовершеннолетних и иных лиц, поскольку ненадлежащее воспитание не достигших совершеннолетия детей может повлечь за собой лишение их родительских прав, привлечение к различным видам ответственности. Эффективность использования различных приемов и методов упреждающего воздействия во многом обуславливается наличием психолого-педагогических навыков у сотрудника подразделения по делам несовершеннолетних, его способностью к пояснению и аргументированию воспитательного материала [14, с. 82].

Еще один достаточно хорошо зарекомендовавший себя метод, являющийся частью убеждения, – метод поощрения, применяется преимущественно в отношении несовершеннолетнего, вставшего на путь исправле-

ния (вернувшегося в семью, переставшего заниматься бродяжничеством, попрошайничеством). Достаточно положительный эффект может иметь разъяснение последствий благополучного поведения, отметка определенных достижений подростков, к примеру, путем его публичного, по возможности в присутствии родителей, награждения благодарностью, грамотой, ценным подарком, помещением в книгу, на доску почета. Таким образом, возможно добиться устойчивости желаний у несовершеннолетнего, склонного к девиантному поведению, быть законопослушным и полноценным членом общества, не нарушать общепринятые правила поведения.

Метод наказания наиболее суровый и карательный, он применяется, как правило, в тех случаях, когда путем использования остальных методов не удалось достичь целей профилактики. К несовершеннолетним он применяется в тех случаях, когда последние совершили административно либо уголовно наказуемые деяния. Наиболее часто при профилактике безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, попрошайничества он находит свое применение в отношении взрослых лиц: родителей, которые ненадлежащим образом осуществляли заботу о подростке и его воспитание, а также в отношении тех лиц, которые вовлекли подростков в антиобщественную или противозаконную деятельность, в частности, в занятие бродяжничеством, попрошайничеством. В данном случае наступает уголовная ответственность.

При этом важно, чтобы сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних достаточно хорошо умели выявлять и качественно документировать факты вовлечений лиц, не достигших социальной зрелости, в различные антиобщественные и противоправные действия. Так, например, возникают проблемы при разграничении административных правонарушений и преступлений, поскольку различие здесь заключается лишь в наличии признака систематичности, вследствие которого вовлечение в бродяжничество и попрошайничество

становится преступлением. И здесь следует выделить определенные проблемы, которые возникают при квалификации деяний, поскольку закон не дает четкого понимания признака систематичности.

Имеются среди исследователей предложения о том, что систематичность было бы целесообразно исключить из ст. 151 УК РФ как обязательный признак объективной стороны в силу высокой степени общественной опасности действий виновного [15, с. 25], но нами такой подход не разделяется, поскольку в данном случае не будет никакой разницы между правонарушением, предусмотренным ст. 6.10 КоАП РФ, и преступлением. Представляется, что четкое определение понятия систематичности с указанием на количество раз и временной промежуток позволит решить все проблемы квалификации рассматриваемого деяния.

Вызывает сложности и определение признаков состава преступления ст. 151 УК РФ вовлечение в занятие бродяжничеством. Так, например, полагаем, что воздействие на несовершеннолетнего с целью возбудить у него желание покинуть свой дом на непродолжительный период без разрешения родителей или лиц их заменяющих (например, для участия в каком-либо мероприятии, осуществления туристической поездки, похода) не может рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 151 УК РФ, поскольку общественная опасность вовлечения в занятие бродяжничеством заключается в утрате возможности несовершеннолетним проживать в семье, в достойных бытовых условиях. Кроме того, несовершеннолетние, ведущие бродячий образ жизни, зачастую добывают средства к существованию посредством осуществления передвижения в ходе бродяжничества. Такая структура бродяжничества позволяет сделать вывод, что вовлечение в него возможно только путем непосредственного перемещения совместно с несовершеннолетним самого вовлекающего.

Бродяжничество, как правило, тесно связано с попрошайничеством. Несовершеннолетний может быть вовлечен в самостоя-

тельную деятельность, а также в занятие попрошайничеством совместно со взрослыми. Представляется, что в такой ситуации обязательно понимание несовершеннолетним социального характера антиобщественных действий, поскольку если ребенок, в силу возраста или других обстоятельств не осознает, что его используют для выпрашивания денег или иных ценностей, состав преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ, отсутствует, поскольку объект преступления не ставится под угрозу.

Следует обратить внимание и на тот факт, что законодатель предусмотрел возможность освобождения лица, вовлекшего в совершение бродяжничества, если причиной этого выступило стечение тяжелых жизненных обстоятельств, обусловленных утратой источника средств к существованию, утратой места жительства. Представляется, что в данном случае законодатель абсолютно прав, поскольку в таком случае вряд ли следует усматривать умысел виновного посягнуть на интересы несовершеннолетнего, здесь фактически имеет место безвыходная ситуация, вследствие которой родитель и ребенок вынуждены вместе скитаться, не имея собственного жилья и возможности его обеспечить себе даже временно.

В связи с этим очень важно, чтобы в ходе профилактической деятельности сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних обладали и соответствующими уголовно-правовыми знаниями, выявляя и документируя те факты, когда действительно имеет место совершение преступления. Однако также следует учитывать и тот факт, что даже при отсутствии признаков преступления может иметь место правонарушение, предусмотренное ст. 5.35 КоАП РФ, если бродяжничать несовершеннолетний стал вследствие ненадлежащего его воспитания.

Кроме того, в качестве проблемы следует назвать и невозможность привлечения за вовлечение несовершеннолетних в занятие попрошайничеством в том случае, когда им занимаются матери с грудными детьми. Назовем здесь две проблемы.

Первой из них является возможность в таком случае матерей грудных детей ссылаться на то, что они оказались в тяжелой жизненной ситуации, в связи с чем не подлежат уголовной ответственности за вовлечение в бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних.

Вторая проблема заключается в том, что вовлекаемое лицо должно осознавать, во что именно его вовлекают, более того сам младенец не попрошайничает, он является лишь «инструментом» в руках родителя, который использует его для того, чтобы разжалобить прохожих и получить милостыню. Соответственно, состав вовлечения младенца в попрошайничество в данном случае также отсутствует. Таким образом, законных возможностей воспрепятствовать подобным случаям у правоохранителей имеется не достаточно.

Проанализировав различные методы предупреждения безнадзорности, беспризорности, попрошайничества, бродяжничества несовершеннолетних, полагаем, что наиболее активной деятельностью органов внутренних дел должна быть еще до первичного уровня, на стадии выработки нормативно-правовой базы предупреждения данных фатальных явлений.

Органы внутренних дел, в частности в лице подразделений полиции по делам несовершеннолетних, выступая основным субъектом профилактической деятельности безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, попрошайничества несовершеннолетних, должны при этом находиться в постоянном взаимодействии с иными органами и учреждениями, которые также реализуют предупредительные функции: в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты. Достаточно эффективным может быть совместное проведение различных предупредительных мероприятий.

Так, если говорить о взаимодействии в предупреждении данных девиантных явлений органов внутренних дел и образовательных учреждений, то в данном случае целесообразно проведение групповых занятий несовершеннолетних определенной

возрастной группы, к примеру – учащихся выпускных классов. Занятия могут проводиться в форме лекций, семинаров, в виде викторин.

Достаточно часто в образовательных учреждениях сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних читают лекции, разъясняя при этом законодательные нормы об ответственности за противоправное поведение, иные асоциальные поступки, а также последствия самовольного ухода из дома, особо сосредотачивая внимание на негативных последствиях. Данные лекции имеют своими целями повышение правосознания, формирование гражданской позиции [16, с. 43]. Кроме того, взаимодействуя с образовательными органами и учреждениями, сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних выявляют лиц, склонных к самовольным уходам; убеждают их в позитивном мышлении, предлагают возможные варианты выхода из создавшихся ситуаций в том случае если, подросток оказался в такой ситуации; пропагандируют здоровый образ жизни. Еще более эффективным может быть проведение подобных мероприятий с участием медицинских наркологов, психологов, иных специалистов, которые могут на ранних стадиях выявлять неправомерное, антиобщественное поведение несовершеннолетних и корректировать его.

Не менее важным является взаимодействие сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и органов социальной защиты населения, поскольку в ходе совместных мероприятий указанные субъекты могут выявлять тех подростков, которые находятся в трудной жизненной ситуации, воспитываются в неблагополучных семьях либо уже покинули дом по вышеуказанным причинам. В рамках данного взаимодействия органы внутренних дел могут оказывать самостоятельно различную социальную помощь либо оказывать содействие в ее реализации органам социальной защиты. В частности, можно выделить следующие виды помощи:

1. Социально-бытовая помощь, которая включает в себя:

- материальное обеспечение необходимым (например, предметами личной гигиены, постельными принадлежностями);
- трудоустройство несовершеннолетних, их социально-трудова адаптация.

2. Социально-медицинская помощь, которая осуществляется посредством:

- содействия в оформлении медицинских документов;
- содействия в получении необходимой медицинской помощи, в том числе и в госпитализации при необходимости;
- проведения лечебно-профилактических, оздоровительных и реабилитационных мероприятий.

3. Социально-правовая помощь, которая осуществляется с помощью различных средств:

- проведение консультаций по различным правовым вопросам;
- содействие в оформлении документов, их восстановлении, регистрации по месту жительства и пребывания;
- оформление документов, необходимых для трудоустройства, учебы;
- содействие в восстановлении утраченных связей с родственниками.

4. Социально-педагогическая помощь, которая осуществляется посредством проведения следующих мероприятий:

- содействие в обучении определенной специальности, приобретении определенных профессиональных навыков;
- привлечение несовершеннолетних к участию в культурно-массовых мероприятиях, общественно-полезном труде, волонтерской деятельности.

5. Социально-психологическая помощь, реализуемая следующими путями:

- проведение психологической диагностики, консультирования с целью выявления проблем и их преодоления;
- оказание психологической помощи несовершеннолетним, у которых обнаружены различные проблемы, зависимости.

В финале, можно сделать вывод о том, что органам внутренних дел принадлежит важная, значимая роль в деятельности по предупреждению безнадзорности, беспри-

зорности, бродяжничества, попрошайничества лиц, не достигших восемнадцатилетия, но лишь при условии взаимодействия с иными субъектами профилактики. Способы, приемы и методы профилактики беспризорности, бродяжничества, попрошайничества различны, но в целом видится возможным выделить три уровня реализации данной деятельности: первичный, на котором выявляются несовершеннолетние, потенциально склонные к бродяжничеству, попрошайничеству, беспризорности; вторичный, который реализуется в отношении не достигших восемнадцатилетия

лиц, которые уже бродяжничают, занимаются попрошайничеством; третичный, который реализуется в отношении молодых людей, которые являются беспризорными, были изъяты с улиц, возвращены в семьи, направлены в специальные учреждения, вследствие чего нуждаются в социальной адаптации. Представляется, что наиболее активной деятельностью органов внутренних дел должна быть еще до первичного уровня, на стадии выработки нормативно-правовой базы превенции безнадзорности, беспризорности, бродяжничества, попрошайничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федорова И. В., Калинина С. В. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 192–196.
2. Грибанов Е. В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (постатейный). М.: ООО «Прспект», 2021. 688 с.
3. Ильгова Е. В., Зайкова С. Н. Функциональная структура автоматизированной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 104–113.
4. Милёхин В. А. Основные объекты сравнительно-правовых исследований в области профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Закон и право. 2021. № 4. С. 183–184.
5. Федорова И. В. Причины безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних: проблемы и решения // Вестник экономической безопасности. 2021. № 4. С. 229–231.
6. Каримова Г. Ю. Реализация мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 3 (7). С. 29–34.
7. Кулеш Е. А., Сериченко Л. Е. К вопросу об эффективности деятельности ОВД по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в современных условиях развития общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3 (93). С. 105–112.
8. Романов А. А. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как актуальное направление реализации государственной идеологии // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 3 (7). С. 73–78.
9. Хаметдинова Г. Ф. Профилактика правонарушений и асоциальных явлений среди несовершеннолетних, совершаемых в сети Интернет // Вестник Могилевского института МВД. 2021. № 1. С. 50–54.
10. Эриашвили Н. Д. О роли прокуратуры в защите прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Защити меня. 2021. № 1. С. 74–77.
11. Ткаченко Н. Н., Кузнецова К. А. Исторические аспекты становления и развития профилактики безнадзорности, преступлений и правонарушений несовершеннолетних // Юристы-Правоведы. 2021. № 4 (99). С. 78–84.
12. Дизер О. А., Федяев Е. А. Основные направления противодействия бродяжничеству и попрошайничеству и роль полиции в его осуществлении // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (44). С. 52.
13. Жидконожкина О. Н. Организация деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел по профилактике бродяжничества несовершеннолетних // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 82.

14. Мещерякова Е. И. Особенности применения методов и средств воспитания при индивидуальной работе с несовершеннолетними сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 82.

15. Бойко Т. К. Сравнительная характеристика вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественную деятельность и некоторых смежных составов преступлений // Правовая культура. 2015. № 4 (23). С. 25.

16. Бучакова М. А., Дизер О. А. О координации деятельности органов публичной власти в области противодействия бродяжничеству и попрошайничеству // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. С. 43.

REFERENCES

1. Fedorova I. V., Kalinina S. V. Prevention of neglect and juvenile delinquency // Bulletin of economic security. 2022. No. 1. P. 192–196. (In Russ.)

2. Gribanov E. V. Scientific and practical commentary on the Federal Law “On the fundamentals of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency” (item-by-article). M.: OOO Prospekt, 2021. 688 p. (In Russ.)

3. Ilgova E. V., Zaikova S. N. Functional structure of the automated information system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 5 (142). P. 104–113. (In Russ.)

4. Milekhin V. A. The main objects of comparative legal research in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency // Law and Law. 2021. No. 4. P. 183–184. (In Russ.)

5. Fedorova I. V. Causes of neglect and homelessness of minors: problems and solutions // Bulletin of economic security. 2021. No. 4. P. 229–231. (In Russ.)

6. Karimova G. Yu. Implementation of measures to prevent juvenile delinquency // Law: retrospective and perspective. 2021. No. 3 (7). P. 29–34. (In Russ.)

7. Kulesh E. A., Serichenko L. E. To the question of the effectiveness of the activities of the Department of Internal Affairs for the prevention and prevention of juvenile delinquency in modern conditions of the development of society // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (93). P. 105–112. (In Russ.)

8. Romanov A. A. Prevention of neglect and juvenile delinquency as an actual direction in the implementation of state ideology // Law: retrospective and perspective. 2021. No. 3 (7). P. 73–78. (In Russ.)

9. Khametdinova G. F. Prevention of offenses and asocial phenomena among minors committed on the Internet // Bulletin of the Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs. 2021. No. 1. P. 50–54. (In Russ.)

10. Eriashvili N. D. On the role of the prosecutor’s office in protecting the rights of minors in the Russian Federation // Protect me. 2021. No. 1. P. 74–77. (In Russ.)

11. Tkachenko N. N., Kuznetsova K. A. Historical aspects of the formation and development of the prevention of neglect, crimes and delinquency of minors // Yurist-Pravoved. 2021. No. 4 (99). P. 78–84. (In Russ.)

12. Dizier O. A., Fedyaev E. A. The main directions of counteracting vagrancy and begging and the role of the police in its implementation // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (44). P. 52. (In Russ.)

13. Zhidkonozhkina O. N. Organization of activities of departments for juvenile affairs of internal affairs bodies for the prevention of vagrancy of minors // Police and society: problems and prospects for interaction. 2019. No. 1 (3). P. 82. (In Russ.)

14. Meshcheryakova E. I. Features of the use of methods and means of education in individual work with minors employees of departments for minors // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2. P. 82. (In Russ.)

15. Boyko T. K. Comparative characteristics of the involvement of a minor in the commission of a crime and antisocial activities and some related offenses // Legal Culture. 2015. No. 4 (23). P. 25. (In Russ.)

16. Buchakova M. A., Dizier O. A. On the coordination of the activities of public authorities in the field of combating vagrancy and begging // Actual problems of administrative and administrative procedural law:

a collection of articles based on the materials of the annual All-Russian scientific and practical conference / edited by Yu E. Avrutina, A. I. Kaplunova. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 43. (In Russ.)

Информация об авторе:

Беженцев А. А., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

Bezhentsev A. A., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.05.2022; одобрена после рецензирования 30.07.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 24.05.2022; approved after reviewing 30.07.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 343.85

**ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ МВД РОССИИ НА ТРАНСПОРТЕ С ИНЫМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В РАМКАХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ,
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОГО КОМПЛЕКСА**

Дмитрий Сергеевич Зинченко

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Белгород, Россия, dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

Аннотация. В последнее время в российском обществе происходят достаточно глобальные изменения, которые приводят к росту правонарушений среди различных слоев населения страны, в частности несовершеннолетних. Проявляющееся со стороны несовершеннолетних девиантное поведение не могло не затронуть транспорт, который играет важнейшую роль в формировании экономики страны. В этой связи в статье анализируются основные аспекты взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с иными государственными органами исполнительной власти по предупреждению и пресечению правонарушений среди несовершеннолетних. В частности, автором рассматриваются основные формы взаимодействия, а также органы, оказывающие помощь в профилактике правонарушений. Кроме того, раскрываются основные недостатки взаимодействия между рассматриваемыми органами и приводятся пути их решения.

Ключевые слова: предупреждение, пресечение, взаимодействие, несовершеннолетние, объекты транспортного комплекса, органы исполнительной власти.

Для цитирования: Зинченко Д. С. Основные аспекты взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с иными государственными органами исполнительной власти в рамках предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия, на объектах транспортного комплекса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 66–73.

Original article

**MAIN ASPECTS OF INTERACTION OF THE TERRITORIAL AUTHORITIES
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA ON TRANSPORT
WITH OTHER STATE EXECUTIVE AUTHORITIES WITHIN THE
FRAMEWORK OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF OFFENSES
COMMITTED BY MINORS ON OBJECTS OF TRANSPORT COMPLEX**

Dmitry S. Zinchenko

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilina,
Belgorod, Russia, dmitriy.zinchenko.1998@mail.ru

Abstract. Recently, quite global changes have been taking place in the Russian society, which lead to an increase in offenses among various segments of the country's population, especially minors. The negative trends manifested by minors could not but affect transport, which plays a crucial role in shaping the country's economy. In this regard, the article analyzes the issue of interaction between the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in transport with the state executive bodies for the prevention and suppression of offenses among minors. In particular, the author examines the main forms of interaction, as well as bodies

© Зинченко Д. С., 2023

providing assistance in the fight against juvenile delinquency. In addition, the main disadvantages of the interaction between these bodies are revealed and ways to solve them are given.

Keywords: prevention, suppression, interaction, minors, objects of the transport complex, executive authorities.

For citation: Zinchenko D. S. Main aspects of interaction of the territorial authorities of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport with other state executive authorities within the framework of prevention and suppression of offenses committed by minors on objects of transport complex // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 66–73.

На современном этапе развития России количество, характер и степень правонарушений, а также преступлений несовершеннолетних значительно изменились. Стали проявляться негативные тенденции, которые выражены в изменении качественных и количественных характеристик правонарушений. Эти изменения затронули и объекты транспортного комплекса. Например, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. прослеживается тенденция увеличения количества правонарушений, совершенных несовершеннолетними на объектах транспортного комплекса в составе группы (+ 3,9 %); изменился удельный вес преступлений средней тяжести и тяжких преступлений среди несовершеннолетних (+ 2,4 %)¹. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность одного из направлений деятельности территориальных органов МВД России на транспорте – организация взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с иными государственными органами исполнительной власти, которая способствует эффективности деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними на объектах транспортного комплекса.

Государственные органы исполнительной власти – это органы государственной власти, которые выполняют исполнительные функции государственного управления в Российской Федерации. К государственным органам исполнительной власти, взаимодействие с которыми мы будем рассматривать, относятся: учреждения образования, учреждения здравоохранения, органы исполни-

тельной власти субъектов Российской Федерации, управления физической культуры и спорта, органы опеки и попечительства и др.

Взаимодействие определяют как целенаправленную деятельность, основанную на взаимном сотрудничестве территориальных органов МВД России на транспорте с государственными органами исполнительной власти Российской Федерации, использующих имеющиеся в их распоряжении специфические, присущие только им силы и средства, и действующих целенаправленно и согласованно с целью предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортного комплекса. В связи с этим организация взаимодействия входит в систему основных направлений деятельности территориальных органов МВД России на транспорте, в частности подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПНД) территориальных органов МВД России на транспорте, которым и отведена координирующая роль в организации и обеспечении взаимодействия с иными государственными органами исполнительной власти.

Взаимодействие между территориальными органами МВД России на транспорте и иными государственными органами исполнительной власти Российской Федерации в рамках предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортного комплекса организовано по нескольким основным формам [1, с. 44].

Первая форма взаимодействия территориальных органов МВД России на транс-

¹ Официальный сайт МВД России // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.02.2022).

порте с иными государственными органами исполнительной власти Российской Федерации исходит из установления правовых основ взаимодействия. Например, в рамках предупреждения правонарушений среди подростков, как в целом, так и на объектах транспорта, действует приказ Минздрава России, МВД России от 20 августа 2003 г. № 414/633 «О взаимодействии учреждений здравоохранения и органов внутренних дел в оказании медицинской помощи несовершеннолетним, доставленным в органы внутренних дел»¹.

Второй формой взаимодействия является создание совместных координационных и совещательных органов. Так, в Саратовской области создана Межвузовская антинаркотическая комиссия, в которую входят представители правоохранительных органов; в городе Ижевске функционирует «Городская комиссия», в состав которой входят Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав г. Ижевска, Администрация города Ижевска, Ижевский агростроительный техникум и Центр образования № 17 [2, с. 308].

Следующей формой взаимодействия выступает разработка комплексных программ, акций и профилактических мероприятий по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних [3, с. 528] на объектах транспорта. К примеру, в 2019–2021 гг. на территории Белгородской области субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних (Управлением физической культуры и спорта Белгородской области, Белгородским ЛО МВД России на транспорте, Администрацией г. Белгорода) совместно были проведены акции «Займись

спортом», «Зарядка с чемпионом» с целью профилактики правонарушений несовершеннолетних и вовлечения их в систематические занятия спортом². В городе Ижевске в 2020 г. был реализован План межведомственных мероприятий по профилактике повторных преступлений несовершеннолетних и по их социальной адаптации³.

Одной из главных форм взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с государственными органами исполнительной власти Российской Федерации выступает согласование и совместное проведение комплексных мероприятий. В г. Санкт-Петербурге сотрудниками ПНД Санкт-Петербургского ЛУ МВД России на транспорте совместно с Комитетом по транспорту г. Санкт-Петербурга и образовательными организациями проводятся такие мероприятия, как: «Безопасный транспорт», «Мак», «Безопасное колесо», «Внимание, дети!» и др.⁴ Такие комплексные мероприятия совместно с государственными органами исполнительной власти разрабатываются и проводятся повсеместно, в каждом отдельном субъекте Российской Федерации, муниципальном образовании и т. д.

Немаловажной формой взаимодействия является подготовка предложений по совершенствованию деятельности, направленной на профилактику правонарушений несовершеннолетних. Указанная форма взаимодействия проявляется в анализе профилактической работы субъектами профилактики, выявлении проблемных вопросов, на основании которых выносятся рекомендации по предупреждению и пресечению правонарушений лицами, не достигшими

¹ О взаимодействии учреждений здравоохранения и органов внутренних дел в оказании медицинской помощи несовершеннолетним, доставленным в органы внутренних дел: приказ Минздрава России, МВД России от 20 августа 2003 г. № 414/633; зарегистрирован в Минюсте России 17 сентября 2003 г. № 5079 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2022).

² Данные, полученные в Белгородском ЛО МВД России на транспорте.

³ План работы Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации Устиновского района г. Ижевска на 2020 год // URL: https://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_68522_1.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

⁴ Официальный сайт УТ МВД России по СЗФО // URL: <https://xn--g1aohgee.xn--b1aew.xn--plai/> (дата обращения: 25.02.2022).

совершеннолетия, а также организации взаимодействия в рамках указанной деятельности, как в целом, так и отдельно на объектах транспортного комплекса. Так, например, субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних на основании профилактической деятельности за 2019 г. для организации дежурства в случае возникновения кризисных ситуаций, требующих оперативного реагирования не только одного из субъектов, а по направлениям деятельности, вынесено предложение о создании мобильной (рабочей) группы из числа субъектов системы профилактики, руководящая роль в которой будет отведена комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) [4, с. 99].

Проанализировав деятельность территориальных органов МВД России на транспорте, необходимо отметить, что основными государственными органами исполнительной власти, с которыми тесно взаимодействуют территориальные органы МВД России на транспорте в рамках предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия, на объектах транспортного комплекса, являются образовательные организации. Сотрудники ПДН территориальных органов МВД России на транспорте в образовательных организациях проводят пропагандистские мероприятия, включающие правовое освещение подростков, связанное с ответственностью за правонарушения, встречи за круглым столом, профилактические беседы. Также ведется обмен информацией с социальными педагогами и классными руководителями о выявленных фактах неблагополучной обстановки в семьях учащихся. Кроме того, территориальные органы МВД России на транспорте совместно с образовательными организациями разрабатывают различные методические пособия, которые направлены на профилактику правонарушений несовершеннолетних («Современные

методы и технологии профилактики правонарушений несовершеннолетних», «Профилактическая деятельность образовательной организации: от теории к практике» и др.).

В свою очередь, образовательные организации осуществляют учет детей, подлежащих обучению, а также переходящих на иные формы обучения; детей, отчисленных, систематически пропускающих и не приступивших к занятиям [5, с. 67]. В рамках взаимодействия образовательными организациями проводятся различные мероприятия: собеседования с администрациями субъектов по учащимся, которые входят в «группу риска», индивидуально-профилактическая работа с подростками, совершившими преступление, оформляются информационные стенды по профилактике правонарушений несовершеннолетних, проводятся различные семинары, круглые столы, акции («Охрана прав детства», «Подросток – лето», «Безопасность детства», «Последний звонок» и др.) и спортивные состязания. Например, в г. Иваново в 2021 г. Комиссией по делам несовершеннолетних совместно с Администрацией г. Иваново и образовательными организациями (школы № 31, 50) были проведены соревнования «Молодые – молодым», в рамках которых с подростками были проведены мастер-классы и тренинги¹. В городе Белгороде в 2019 г. Управлением образования администрации г. Белгорода совместно с ОПНД Белгородского ЛО МВД России на транспорте была организована и проведена городская военно-спортивная игра «Орленок»².

Кроме того, в связи с проблемой недостаточно высокой занятости внеучебной деятельностью у подростков в образовательных организациях по согласованию с ПДН территориальных органов МВД России на транспорте открыты различные кружки и секции: «Новация – робототехника», «Цифровая фотостудия», «3D-моделирование». В г. Иваново в 2020 г. на базе школ № 18,

¹ Данные Заседания Коллегии управления образования администрации города Иваново // URL: http://www.ivedu.ru/viewpage.php?page_id=34 (дата обращения: 25.02.2022).

² Данные, полученные в Белгородском ЛО МВД России на транспорте.

29, 41 были созданы пилотные площадки по созданию медиативного подхода к решению конфликтных ситуаций в образовательных учреждениях. В январе 2021 г. была открыта интерактивная образовательная игровая площадка «Мастерград», позволяющая учащимся попробовать себя в разных профессиях¹.

Следующим государственным органом исполнительной власти, с которым организовано взаимодействие в рамках предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортной инфраструктуры, выступает Администрация субъектов и городов Российской Федерации. Администрация входит в состав координационных и совещательных органов по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Так, например, в августе 2019 г. для подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации Администрацией г. Ижевска была проведена городская профилактическая акция «Открывая Ижевск», в Устиновском районе г. Ижевска Администрацией было распространено более 250 буклетов по профилактике правонарушений несовершеннолетних и профилактике семейного неблагополучия². В Саратовской области для обеспечения досуговой занятости детей «группы риска» в летнюю кампанию 2021 г. Администрацией были организованы вариативные малозатратные формы летней занятости и проведен конкурс «Ура, каникулы»³. Все эти мероприятия способствуют профилактике правонарушений несовершеннолетних, поэтому взаимодействие территориальных органов МВД России на транспорте

с Администрациями субъектов и городов Российской Федерации является составной частью их деятельности.

Далее необходимо выделить органы опеки и попечительства, которым отведена важнейшая функция по защите прав и законных интересов детей. Деятельность органов опеки и попечительства заключается в выявлении неблагополучных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, исследовании условий жизни семей «группы риска», проведении с такими семьями профилактических бесед и т. д. В связи с этим территориальные органы МВД России на транспорте также тесно взаимодействуют с органами опеки и попечительства. В рамках взаимодействия указанных субъектов по профилактике правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортного комплекса проводятся различные мероприятия. Например, в 1 полугодии 2021 г. отделом опеки и попечительства Московской области по Истринскому муниципальному району и городскому округу Звенигород совместно с ЛО МВД России на станции Москва-Савеловская было проведено межведомственное профилактическое мероприятие «Безнадзорные дети», а также организованы проверки условий воспитания, обучения и содержания несовершеннолетних в 34 семьях, находящихся в «группе риска», в 13 из которых выявлены улучшения с положением⁴. В городе Ижевске в 2020 г. Ижевским ЛО МВД России на транспорте совместно с отделом опеки и попечительства г. Ижевска организовано и проведено 760 профилакти-

¹ Данные Заседания Коллегии управления образования администрации города Иванова. URL: http://www.ivedu.ru/viewpage.php?page_id=34 (дата обращения: 25.02.2022).

² Мероприятия организационного характера, направленные на повышение эффективности профилактики правонарушений, терроризма и экстремизма // URL: <https://www.izh.ru/i/info/29637.html> (дата обращения: 25.02.2022).

³ О положении детей в Саратовской области // URL: <http://www.social.saratov.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2022).

⁴ Официальный сайт Отдела опеки и попечительства Министерства образования Московской области по Истринскому муниципальному району и городскому округу Звенигород // URL: <https://zvenigorod.ru/13-mestnye-novosti/3062-otdel-opeki-i-popechitelstva-ministerstva-obrazovaniya-moskovskoj-oblasti-po-istrinskomu-munitsipalnomu-rajonu-i-gorodskomu-okrugu-zvenigorod> (дата обращения: 25.02.2022).

ческих рейдов по выявлению и предупреждению беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, из которых 465 рейдов в семьи, входящие в «группу риска»¹.

Кроме того, территориальные органы МВД России на транспорте, осуществляя деятельность, связанную с предупреждением и пресечением правонарушений, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия на объектах транспортного комплекса, взаимодействуют с такими государственными органами исполнительной власти, как Управления культуры, физической культуры, спорта и молодежной политики.

Взаимодействие территориальных органов МВД России на транспорте с Управлениями культуры, физической культуры, спорта и молодежной политики в основном строится на проведении совместных культурных мероприятий, спортивных турниров и состязаний, оказывающих профилактическое воздействие на асоциальные явления среди подростков, а также стимулирующих молодежь к занятию спортом. Практика показывает, что подростки, участвующие в таких мероприятиях, как правило, не совершают правонарушений. Так, например, в городе Ижевске функционируют 44 муниципальных учреждения культуры, в которых в целях профилактики правонарушений несовершеннолетних проводятся мероприятия, направленные на организацию семейного досуга и культурно-досуговой занятости детей и их родителей. Управлением по физической культуре, спорту и молодежной политике г. Ижевска совместно с Ижевским ЛО МВД России на транспорте в 2020 г. в целях профилактики детского травматизма и популяризации спорта были проведены городские соревнования по настольному теннису «Пчелка», Спартакиада дворовых команд

по футболу, турнир по боулингу «Петровский»². В г. Белгороде в 2020–2021 гг. ОПНД Белгородского ЛО МВД России на транспорте совместно с Управлением физической культуры и спорта Белгородской области проводился фестиваль по уличным видам спорта «Workout»³. Такие профилактические мероприятия, проводимые детскими поликлиниками, управлениями культуры, физической культуры, спорта и молодежной политики совместно с территориальными органами МВД России на транспорте повышают эффективность деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, построенная система взаимодействия между указанными органами на достаточно высоком уровне обеспечивает реализацию деятельности по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних на объектах транспорта. Однако в рамках взаимодействия рассматриваемых субъектов нередко возникают проблемные вопросы, которым стоит уделять внимание.

Практика показывает, что зачастую или из-за халатности сотрудников, или несоответствия уровня умений и знаний в рамках взаимодействия возникают различные трудности в практической деятельности. Например, иногда образовательные организации или иные субъекты профилактики дают не совсем точную информацию либо характеристику о подростке; теряются справки и характеристики из различных диспансеров; возникают вопросы при взаимодействии с участковыми уполномоченными полиции и другими инспекторами. Такие обстоятельства нередко приводят к безнадзорности подростков и снижению эффективности профилактических мер. Например, в январе 2021 г.

¹ План работы Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации Устиновского района г. Ижевска на 2020 год // URL: https://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_68522_1.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

² План работы Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации Устиновского района г. Ижевска на 2020 год // URL: https://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_68522_1.pdf (дата обращения: 25.02.2022).

³ Данные, полученные в Белгородском ЛО МВД России на транспорте.

Администрация г. Белгорода не предоставила информацию сотрудникам ОПДН Белгородского ЛО МВД России на транспорте, которым необходимо контролировать посадку детей в поезд о том, что на железнодорожном вокзале г. Белгорода будет отправляться на отдых группа детей в количестве 324 человек. Бесконтрольность посадки привела к нарушениям со стороны детей, заключающимся в проходе по железнодорожным путям в неустановленных местах¹.

Кроме того, в целях исследования эффективности взаимодействия подразделений уголовного розыска, предварительного следствия и ПДН в рамках предупреждения правонарушений и преступлений среди подростков неоднократно проводились опросы самих сотрудников. Так, в 2022 г. на территории Белгородской области было проведено анкетирование 350 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (предварительного следствия, ПДН, уголовного розыска), в результате которого выяснилось, что 51,9 % сотрудников считают взаимодействие оптимальным и 48,1 % – не оптимальным. Результаты опроса подтверждают, что взаимодействие между указанными подразделениями в рамках предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних является неоптимальным, в связи с чем возникает необходимость разработки мер по координации совместной деятельности.

Подводя итог, стоит сказать, что необходимость взаимодействия между территориальными органами МВД России на транспорте и иными государственными органами исполнительной власти вызвана объективными причинами. Значительное увеличение и повышение разнообразия правонаруше-

ний, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетия, на объектах транспортного комплекса, диктует потребность в создании системного механизма взаимодействия. В целях повышения эффективности деятельности территориальных органов МВД России на транспорте по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних необходимо:

1) внедрить современные системы видеонаблюдения в местах массового скопления людей на объектах транспортной инфраструктуры;

2) разработать и внедрить в практическую деятельность информационный компьютерный учет и программно-техническую систему единого государственного банка данных о несовершеннолетних правонарушителях, которые будут доступны всем субъектам профилактики правонарушений среди подростков;

3) совершенствовать законодательство в области обеспечения безопасности на объектах транспорта и деятельности субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних, в частности: внести дополнения в Правила нахождения граждан и размещения объектов в зонах повышенной опасности, проезда и перехода через железнодорожные пути, утвержденные приказом Минтранса России от 8 февраля 2007 г. № 18, а именно дополнить главой, которая будет отдельно регламентировать действия несовершеннолетних, находящихся в зонах функционирования транспортных объектов;

4) установить взаимодействие между субъектами профилактики правонарушений несовершеннолетних России и зарубежных стран, перенимая их положительный опыт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миронова Е. О. Направления и формы профилактики детской безнадзорности и беспризорности // Педагогическое образование и наука. 2015. № 3. С. 44.
2. Свиридов А. Н. Межведомственное взаимодействие учреждений охраны правопорядка, социальной защиты и образования в воспитании законопослушности несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16-2. С. 308–309.

¹ Данные, полученные в Белгородском ЛО МВД России на транспорте.

3. Филиппова Е. О., Родвальт И. Н. Предупреждение преступности несовершеннолетних // Аллея науки. 2019. Т. 3. № 12 (39). С. 524–529.
4. Красникова Е. Л., Щербакowa Л. М. Система предупреждения преступности несовершеннолетних: актуальные вопросы // Академия педагогических идей Новация. 2017. № 4. С. 99–100.
5. Чернобородов Е. Р. Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних в образовательных учреждениях: (психолого-педагогический аспект): научно-практическое пособие. Хабаровск: ДЮИ, 2017. 83 с.

REFERENCES

1. Mironova E. O. Directions and forms of prevention of child neglect and homelessness // Pedagogical education and science. 2015. No. 3. P. 44. (In Russ.)
2. Sviridov A. N. Interdepartmental interaction of institutions for the protection of law and order, social protection and education in the education of law-abiding minors // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2016. No. 16-2. P. 308–309. (In Russ.)
3. Filippova E. O., Rodvalt I. N. Prevention of juvenile delinquency // Alley of Science. 2019. Vol. 3. No. 12 (39). P. 524–529. (In Russ.)
4. Krasnikova E. L., Shcherbakova L. M. The system of prevention of juvenile delinquency: topical issues // Academy of Pedagogical Ideas Novation. 2017. No. 4. P. 99–100. (In Russ.)
5. Chernoborodov E. R. Prevention of delinquent behavior of minors in educational institutions: (psychological and pedagogical aspect): scientific and practical guide. Khabarovsk: DUI, 2017. 83 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 24.03.2023.

КИБЕРПОЛИЦИЯ – СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН В БОРЬБЕ С ИНТЕРНЕТ-ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Виталий Александрович Михайлюк

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
viktor_1408@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена киберполиции как находящемуся на стадии разработки и формирования правоохранительному органу, призванному противодействовать киберпреступности. В работе анализируются предпосылки создания киберполиции в России, проводится исследование нормативно-правовой базы, зарубежного опыта борьбы с киберпреступностью и существующих в отечественной науке концепций с целью углубленного изучения проблемы киберполиции и восполнения существующих в этой области пробелов. Предполагается, что в условиях развития IT-технологий и масштабной цифровизации, а также пандемии, приведшей к росту как видов, так и числа совершаемых киберпреступлений, необходимо создание киберполиции.

Ключевые слова: правоохранительные органы, киберполиция, интернет, киберпреступность, информация, безопасность.

Для цитирования: Михайлюк В. А. Киберполиция – современный правоохранительный орган в борьбе с интернет-преступностью // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 74–79.

CYBER POLICE IS A MODERN LAW ENFORCEMENT AGENCY IN THE FIGHT AGAINST INTERNET CRIME

Vitaly A. Mikhailyuk

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia, viktor_1408@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the cyber police as a law enforcement agency at the stage of development and formation, designed to counteract cybercrime. The paper analyzes the prerequisites for the creation of a cyber police in Russia, conducts a study of the regulatory framework, foreign experience in combating cybercrime and concepts existing in domestic science in order to in-depth study of the problem of cyber police and fill the gaps existing in this area. It is assumed that in the context of the development of IT technologies and large-scale digitalization, as well as the pandemic that has led to an increase in both the types and number of cybercrimes committed, it is necessary to create a cyber police.

Keywords: law enforcement agencies, cyber police, Internet, cybercrime, information, security.

For citation: Mikhailyuk V. A. Cyber police is a modern law enforcement agency in the fight against internet crime // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 74–79.

«Киберполиция» (другие названия – интернет-полиция, сетевая полиция) – в ряде стран это общий термин, обозначающий сотрудников правоохранительных органов, секретных служб и других организаций, а также сами эти организации, отвечающие за обеспечение безопасности от интернет-пре-

ступлений. Главной целью интернет-полиции является борьба с киберпреступностью, в том числе противодействие многочисленной разновидности противоправных компьютерных мошенничеств, совершаемых в сети Darknet; борьба с противозаконными деяниями, использующими методы соци-

альной инженерии; оргпреступлениями, совершенными посредством мобильных устройств и иных средств доступа к данным в киберпространстве; установление и пресечение фактов распространения и использования «фейковых» материалов в отношении защищаемых законом объектов собственности и права, посягательств на свободу, жизнь и здоровье граждан, общественный порядок и безопасность, государственную целостность и т. д., осуществляемых посредством телекоммуникационных сетей¹.

В своей научной статье А. Л. Осипенко отметил, что противоборство правоохранительных органов с организованной преступностью все в большей степени переводится в киберпространство [1]. Весомым аргументом в пользу необходимости тщательного изучения данной проблематики является тот факт, что сама эта категория в отечественной науке недостаточно проработана, поскольку IT-технологии и, как следствие, киберпреступления и методы борьбы с ними находятся в процессе становления и развития. Существующие пробелы в изучении этой темы оставляют ученым поле для новых исследований.

Проблема киберпреступности и поиска средств борьбы с ней характеризуется высокой степенью актуальности в настоящее время. Пандемия коронавирусной инфекции поставила перед человечеством ряд глобальных вызовов и выявила недостатки во взаимодействии правоохранительных структур разных стран мира.

Пандемия стала катализатором невероятного всплеска уголовных преступлений в Интернете, беспрецедентно жестоких по отношению к информационно не грамотным и наиболее уязвимым людям, в том числе несовершеннолетним². Правоохранительные органы должны быть обеспечены надлежащими инструментами для выявления серьезных трансграничных преступлений.

Вводимые ограничения COVID-19 оказали непосредственное влияние и на Российскую Федерацию. Хотя общий уровень преступности остался прежним, в разы выросло количество совершаемых киберпреступлений. Этой тенденции способствуют и общая цифровизация общества, и влияние изоляции, благоприятствующей человеку черпать в Интернете различные знания, в том числе криминального плана.

Отечественный исследователь А. А. Оганов считает, что «следовало бы организовать не только международную, но и межведомственную кооперацию и на этой основе создать единый стандартный инструментарий для полицейской оперативной работы, который позволил бы осуществлять выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых в теневых информационно-телекоммуникационных сетях» [2].

По данным МВД России преступлений, совершенных с использованием IT-технологий, за 2019 г. зарегистрировано 294 409, что на 68,5 % больше того же периода 2018 г. Тяжкие и особо тяжкие составы – 142 728 деяний (+ 149 %). Отмечается скачок мошенничеств с использованием банковских карт (ст. 159.3 УК РФ). Прирост составил + 280 %, (16 119 преступлений). Удельный вес правонарушений в сфере высоких технологий по итогам 2019 г. равен 14,54 %.

За 2020 г. зарегистрировано 510 396 преступлений. Рост составил + 73,4 %. Из них тяжкие и особо тяжкие составы 267 613 деяний (+ 87,5 %). Наибольший прирост по показателю ст. 228.1 УК РФ (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов): + 90,7 %, (47 060) преступлений. Удельный вес противоправных деяний в сфере высоких технологий по итогам 2020 г. равен 24,96 %.

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2022).

² Euronews // URL: <https://ru.euronews.com/2021/12/08/eu-police-transborder-crime> (дата обращения: 18.05.2022).

По итогам 2021 г. отмечается незначительный рост преступности – на 1,4 % (517 722). Наибольший показатель – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности. Публичное оправдание терроризма или его пропаганда (ст. 205.2 УК РФ) составили + 35,8 % (315). На фоне снижающегося общего количества зарегистрированных преступлений удельный вес преступности в сфере высоких технологий по итогам 2021 г. увеличился до 25,8 %¹.

В связи с развитием схем социальной инженерии и применением новых мошеннических инструментов, а также на основании характеристики состояния преступности за последние 3 года необходимо отметить, что в данных условиях назрела острая необходимость создания соответствующих IT-эпохе новых правоохранительных органов, способных бороться с современными мировыми вызовами и угрозами в сфере компьютерных технологий.

Так, в конце 2020 г. Министром внутренних дел Российской Федерации В. Колокольцевым было принято решение о создании киберполиции². Глава ведомства отметил, что подразделения будут создаваться по отраслевому принципу. Были озвучены планы по увеличению штата Управления «К» МВД России, которое в пределах своей компетенции осуществляет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие:

1) преступлений в сфере компьютерной информации;

2) преступлений в сфере противоправных действий в отношении детей и их здоровья, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет);

3) преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации;

4) преступлений, посягающих на авторские права и их незаконное использование³.

Стоит упомянуть, что Управление «К» представляет собой подразделение МВД России, созданное для противодействия преступлениям в сфере информационных технологий. В поле его деятельности также борьба с незаконным оборотом специальных радиоэлектронных и технических средств.

Представляется, что киберполиция займет место в структуре органов исполнительной власти наряду с полицией, которая, согласно ст. 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», является «Составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел»⁴. Необходимо отметить, что она будет принципиально новой, хотя и со схожим на первый взгляд функционалом действующих в МВД России подразделений – «Управление «К» и «Специальные технические мероприятия».

Ее основными задачами будут противодействие деятельности преступных организаций в Интернете, онлайн-прием информации о незаконных сетевых действиях, отслеживание и устранение фактов кибермошенничества, мониторинг даркнета, а также борьба с такими общественно опасными явлениями, как «группы смерти», треш-контент, кибербуллинг и т. д. Онлайн-киберполицейские будут мониторить сеть круглосуточно в целях очищения пространства от вредоносного контента, усиления сетевой цензуры, сбора информации

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации // URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>, <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 18.05.2022).

² В структуре МВД создается киберполиция // URL: <https://rg.ru/2020/12/18/v-strukture-mvd-sozdaetsia-kiberpoliciia.html> (дата обращения: 18.05.2022).

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации // URL: https://xn--b1aew.xn--plai/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_K_MVD_Rossii (дата обращения: 18.05.2022).

⁴ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2022).

о диссидентах и т. д. По нашему мнению, создание такого подразделения имеет на сегодняшний день принципиальное значение и позволит существенно расширить возможности по выявлению, предотвращению и раскрытию сетевых преступлений. Со слов заместителя министра МВД России И. Зубова, этот процесс будет реализован не в самые кратчайшие сроки, так как требует значительных материально-технических ресурсов на переоснащение, а также немалых временных затрат на повышение квалификации сотрудников.

Для сравнения в КНР IT-безопасность реализуется как приоритетное направление. По данным компании Technavio (США), исследующей рынок IT-технологий, Китай вкладывает порядка 3–10 миллиардов долларов ежегодно¹. Там киберполиция организована в виде интернет-платформы, принимающей обращения граждан, пострадавших от киберпреступлений или ставших свидетелями их совершения. «Тотальная слежка и цензура в Китае – правда. Плохо отзываться о правительстве нельзя. Сообщения в мессенджерах могут в любой момент прочесть. Зарубежные сервисы не работают по умолчанию, ими пользуются через VPN. Серьезные санкции и последствия ждут не пользователей, а создателей VPN-сервисов», – говорится в одном из интервью².

Как отмечает В. К. Захарова, идея онлайн-приема и регистрации сообщений граждан КНР реализуется с 2004 г. В 2016 г. органами общественной безопасности Китая создана госструктура по приему заявлений о нарушениях законности и появлении вредоносной информации, получившая название «cyberpolice» [3].

Создавая киберполицию в России, необходимо учитывать проведенный выше анализ преступности в сфере IT-технологий, которая планомерно растет. Методы преступников совершенствуются, что требует

от правоохранителей высоких профессиональных навыков. Так, например сотрудники вынуждены постоянно искать новые методы противодействия развивающимся коммуникационным технологиям, таким как интернет-телефония с использованием шифрования данных IP-адреса мошенника и возможностью генерирования абсолютно любого номера мобильного или стационарного телефона; бороться с распространением противозаконной террористической деятельностью, реализуемой через социальные сети, мессенджеры, игровые платформы и т. д.; предотвращать распространение фейковой информации, способной вызвать социальный резонанс и привести к нарушениям общественного порядка. Зачастую доступ к серверам, где хранятся необходимые доказательства этой деятельности, находится за пределами территории Российской Федерации и требует механизмов взаимодействия оперативной информацией с соответствующими подразделениями и ведомствами иностранных государств.

Понимание комбинационности всех проблем привело к созданию дополнительной структуры в системе МВД, которая сможет обеспечить определенный успех в данном направлении деятельности.

Как подчеркивают в своей научной статье И. Н. Озеров и К. И. Озеров, киберполиция как отдельный субъект системы Министерства внутренних дел Российской Федерации сможет тщательнее заняться данным вопросом, что позволит эффективно бороться с IT-преступлениями [4].

Необходимо отметить, что киберпреступниками изучаются методики раскрытия преступлений в информационных сетях. Они инвестируют огромные средства в развитие технологий, способствующих развитию преступной деятельности в Интернете, поэтому, создавая новую структуру, необходимо в соответствии с современными требо-

¹ Перспективы и вызовы цифровому будущему // URL: <https://rg.ru/2021/07/15/pozicii-rossii-i-kitaia-po-voprosam-kiberbezopasnosti-vo-mnogom-sovpali.html> (дата обращения: 18.05.2022).

² Жизнь за Великой китайской стеной: как в Китае дела с IT, цензурой и интеграцией в общество // URL: <https://habr.com/ru/company/gms/blog/553532/> (дата обращения: 18.05.2022).

ваниями подходить и к профессиональной подготовке сотрудников министерства.

Е. Н. Полунина и А. В. Антонова отмечают, что необходимо создать условия для подготовки компетентных IT-специалистов. Важно разработать особую образовательную программу подготовки квалифицированных сотрудников по борьбе с киберпреступностью, а также подобрать компетентные кадры для обучения будущих киберполицейских [5].

Подведем итог изложенному. Создание киберполиции обусловлено складывающимися на современном этапе правоотношениями и отвечает потребностям информационного общества. В условиях развития IT-технологий и масштабной цифровизации, а также пандемии, приведшей к росту как видов, так и числа совершаемых киберпреступлений, создание и функционирование киберполиции необходимо. Образовательными учреждениями МВД России в настоящее время осуществляется подготовка специалистов

в области информационной безопасности, реализуется множество программ повышения квалификации и переподготовки сотрудников по таким направлениям, как оперативно-техническое обеспечение и раскрытие киберпреступлений, информационная безопасность, безопасность информационных технологий и т. д.

С учетом этого для расширения возможностей правоохранительных органов важно уделять особое внимание совершенствованию обучения сотрудников, формированию обозначенных компетенций у каждого выпускника ведомственных образовательных организаций [6].

При этом нельзя забывать и о просвещении граждан в области интернет-безопасности. По нашему мнению, создание киберполиции будет способствовать снижению уровня преступности в информационной среде и создаст общее осознание чувства защиты во всемирном источнике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Осипенко А. Л. Сбор информации и полицейские операции по противодействию организованной преступности в киберпространстве: зарубежный опыт // Общество и право. Краснодарский университет МВД России. 2021. № 1.
2. Оганов А. А. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: понятия, предложения, определения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2.
3. Захарова В. К. Применение современных медиакоммуникационных технологий в деятельности органов общественной безопасности и народной прокуратуры КНР // Академическая мысль. 2018. № 2 (3).
4. Озеров И. Н., Озеров К. И. Новые способы совершения мошеннических действий в сфере IT-технологий в период коронавирусной инфекции // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 1.
5. Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3.
6. Осипенко А. Л., Луговик В. Ф. // Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой компьютерной информации при раскрытии преступлений. Краснодарский университет МВД России. Общество и право. 2021. № 2 (76).

REFERENCES

1. Osipenko A. L. Collection of information and police operations to counter organized crime in cyberspace: foreign experience // Society and Law. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. (In Russ.)
2. Oganov A. A. Cybercrime against minors using information and telecommunication networks: concepts, proposals, definitions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. (In Russ.)

3. Zakharova V.K. The use of modern media communication technologies in the activities of public security agencies and the People's Prosecutor's Office of the PRC // Academic Thought. 2018. No. 2 (3). (In Russ.)

4. Ozerov I. N., Ozerov K. I. New ways of committing fraudulent actions in the field of IT technologies during the period of coronavirus infection // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1. (In Russ.)

5. Polunina E. N., Antonova A. V. Problems of legislative regulation of liability for "trash stream" on the Internet // Law and Law. 2021. No. 3. (In Russ.)

6. Osipenko A. L., Lugovik V. F. // Problems of access of law enforcement agencies to concealed computer information when solving crimes. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Society and law. 2021. No. 2 (76). (In Russ.)

Информация об авторе:

Михайлюк В. А., кандидат социологических наук.

Information about the author:

Mikhailyuk V. A., Candidate of Sociology.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 351.74

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Сергей Валерьевич Ненароков

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия
ser21011@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные направления совершенствования института дисциплинарной ответственности, реализуемые с целью создания предпосылок для борьбы с коррупцией среди сотрудников полиции, определены причины совершаемых нарушений законности в органах внутренних дел, внутренние условия проявления коррупционного поведения среди сотрудников правоохранительных органов и т. д. Автором обосновывается применение института личного поручительства при принятии решений о назначениях руководящего состава, мер дисциплинарной ответственности сотрудников при прохождении службы в органах внутренних дел, а также личной ответственности за соблюдение служебной дисциплины в подразделениях.

Ключевые слова: сотрудник полиции, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, коррупция в органах внутренних дел, личная ответственность, личное поручительство.

Для цитирования: Ненароков С. В. Роль дисциплинарной ответственности в формировании антикоррупционного поведения сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 80–85.

Original article

THE ROLE OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY IN THE FORMATION OF ANTI-CORRUPTION BEHAVIOR OF POLICE OFFICERS

Sergey V. Nenarokov

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia
ser21011@mail.ru

Abstract. The article reveals the main directions of improving the institution of disciplinary responsibility implemented in order to create prerequisites for combating corruption among police officers, identifies the causes of violations of the rule of law in the internal affairs bodies, internal conditions for the manifestation of corrupt behavior among law enforcement officers, etc. The author substantiates the use of the institute of personal guarantee when making decisions on the appointment of senior staff, measures of disciplinary responsibility of employees during their service in the internal affairs bodies, as well as personal responsibility for compliance with official discipline in departments.

Keywords: police officer, disciplinary responsibility, disciplinary misconduct, corruption in the internal affairs bodies, personal responsibility, personal guarantee.

For citation: Nenarokov S. V. The role of disciplinary responsibility in the formation of anti-corruption behavior of police officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 80–85.

Коррупция в системе органов внутренних дел является одной из наиболее острых

проблем. Так, по информации бюро Interfax, основанной на данных из доклада Генпроку-

рора Российской Федерации Игоря Краснова на заседании Совета Федерации, весомую долю коррупционных преступлений среди российских чиновников совершают сотрудники правоохранительных органов. Так, из 10879 должностных лиц, совершивших преступления коррупционной направленности в 2020 году, 17,4 % составили лица, занимавшие должности в правоохранительных органах (1897 человек)¹. По данным Главного информационного центра МВД России² в Российской Федерации в 2017 г. зарегистрировано 29634 коррупционных преступления, в 2018 г. – 30495, в 2019 г. – 30991, в 2020 г. – 31252, а в 2021 г. – 35564, что свидетельствует о незначительном росте коррупционной преступности.

В органах внутренних дел юридической ответственности за коррупционные правонарушения подлежат сотрудники, допустившие нарушения положений материального и процессуального законодательства в рамках исполнения должностных обязанностей, в основе которых лежит личная материальная заинтересованность. В указанных случаях сотрудники полиции могут быть привлечены к уголовной, материальной и дисциплинарной ответственности. Среди видов юридической ответственности дисциплинарная ответственность за коррупционные нарушения в органах полиции занимает особое место, так как дисциплинарные взыскания к сотруднику органов внутренних дел применяются значительно чаще, чем, например, меры административной и уголовной ответственности. [1, с. 11].

Среди причин, приводящих к нарушениям законности в ОВД, обычно выделяют социально-политические, экономические и социально-демографические. Не последнее место в этом ряду занимают проблемы, связанные с кризисом духовной сферы личности сотрудников полиции [2, с 382–384].

Так, в числе условий, влияющих на увеличение количества фактов коррупционного поведения среди сотрудников правоохранительных органов, обычно выделяют недостаточное социальное обеспечение, невысокое денежное содержание, несправедливые управленческие решения и распоряжения руководителей и недостаточную степень правовой защиты личного состава полиции. Перечисленное не создает почвы для здоровой конкуренции на рынке труда правоохранительных структур. Кроме того, немаловажными негативными факторами также являются сложность бюрократических процедур, ненадлежащее нормативное регулирование деятельности органов внутренних дел, недостаточный контроль за системой ОВД, осуществляемый общественными организациями и иными элементами гражданского общества, слабо выстроенный прокурорский надзор, невысокая эффективность деятельности Федеральной службы безопасности России. Существующая система штрафов, несомненно, провоцирует коррупционные проявления граждан с целью уклонения от них при помощи взяток, предлагаемых сотрудникам полиции. В некоторых случаях проявления коррупционного поведения руководящего состава и некоторых сотрудников, связанных между собой коррупционными связями и занимающихся коммерческой деятельностью, также могут крайне негативно сказаться на коррупционной ситуации в полиции в целом. Однако, необходимо отметить, что не во всех случаях причинами нарушения законности являются недобросовестное отношение сотрудников полиции к исполнению должностных обязанностей, проявляющееся в поверхностном изучении служебной документации должностными лицами, некомпетентность сотрудников, недобросовестное отношение

¹ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова в Совете Федерации 23 апреля 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации / URL: <https://www.newsru.com/russia/24apr2021/genproc.html> (дата обращения: 02.07.2022).

² Состояние преступности в России 2017–2020 гг. // Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» / URL: <http://10.5.0.15/onti/now.html> (дата обращения: 02.07.2022).

сотрудников дежурных частей к выполнению требований нормативных документов, регламентирующих порядок приема и регистрации заявлений и сообщений граждан о противоправных действиях [3, с. 34]. Хотя перечисленные обстоятельства, несомненно, присутствуют в работе полиции, но нельзя упускать из виду и такой существенный фактор, провоцирующий нарушения законности, как недостаточное нормативное правовое регулирование ее деятельности, в котором можно выделить следующие особенности. Во-первых, система правового регулирования деятельности полиции включает в себя значительное количество различных нормативно-правовых актов. Такая объемная правовая база необходима для обеспечения различных направлений работы в полиции и связана, прежде всего, с ее сложностью. Во-вторых, в нормативно-правовом регулировании деятельности полиции преобладающее значение имеют подзаконные правовые акты, т. е. такое регулирование осуществляется преимущественно в рамках ведомственных нормативно-правовых актов.

Повысить эффективность ведомственного нормотворчества возможно путем повышения качества подготовки принимаемых актов. Для достижения указанных целей и обеспечения единства применения ведомственных правовых актов в подразделениях полиции приказом МВД России от 25 августа 2017 г. № 680 утверждено Положение о мониторинге правоприменения в системе МВД России. Одной из основных целей мониторинга является определение случаев неверного толкования законодательства при применении нормативно-правовых актов на практике.

Кроме перечисленных, в практической деятельности выявлено достаточное количество неблагоприятных факторов, с которыми напрямую влияют на эффективность деятельности полиции. Среди них можно

назвать такие факторы, как недостаточное внимание к качеству профессиональной подготовки руководителей, что приводит к недостаточному контролю со стороны начальников за деятельностью подчиненных, ухудшению взаимоотношений в коллективе, снижению добросовестного отношения к службе. Так, у сотрудников формируется устойчивая установка на отрицание общественных ценностей, что создает ситуацию, когда сотрудник полиции ставит личные интересы выше интересов органов внутренних дел. Такая установка зачастую провоцирует сотрудника на нарушение служебной дисциплины и даже в некоторых случаях ведет к проявлениям коррупционного поведения.

В настоящее время некоторые меры, связанные с предотвращением коррупционных проявлений в органах внутренних дел уже приняты. Например, используется институт личного поручительства при поступлении на службу, а также принятии решений о назначениях руководящего состава¹. На сегодняшний день институт личного поручительства является важным инструментом осуществления кадровой политики органов внутренних дел, посредством реализации которого решается целый ряд важнейших задач, таких как укрепление служебной дисциплины и законности в полиции, предупреждение происшествий и правонарушений с участием сотрудников органов внутренних дел, формирование эффективного руководящего ядра в кадровых подразделениях полиции, ослабление утечки кадров, усиление ответственности начальствующего состава и других должностных лиц полиции за кадровые решения, уменьшение коррупционной составляющей и оптимизация порядка отбора граждан на службу в полицию. Особую важность приобретает выявление возможных коррупционных связей сотрудников. Личное поручительство предполагает получение письменного обязательства

¹ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.07.2022).

от действующего сотрудника о том, что он готов поручиться за гражданина, поступающего на службу в полицию, за соблюдение им ограничений, предусмотренных для сотрудников полиции федеральным законом. Однако до настоящего времени на законодательном уровне не принято положение об ответственности действующего сотрудника, поручившегося за вновь поступившего в полицию гражданина. На первый взгляд такой подход может казаться несправедливым, так как это противоречит существующему положению об индивидуальности ответственности. Каждый должен нести ответственность за непосредственно совершенные деяния. Однако в практике деятельности полиции существует порядок, согласно которому действующие сотрудники обязаны нести ответственность за действия вновь принятых сотрудников, соблюдение ими установленных правил и запретов. Несоблюдение установленных запретов и ограничений сотрудником будет расцениваться как совершение дисциплинарного проступка, а при нарушении сотрудником некоторых предусмотренных законом запретов возможно расторжение контракта с ним. Такая правовая норма призвана определить ответственность действующего сотрудника за вновь принятых на службу на основании его поручительства и, несомненно, сделает возможным создание условий для оптимизации и повышения эффективности применения института личного поручительства в полиции. Таким образом, институт личного поручительства реализует возможность наиболее достойным и перспективным гражданам, которые соблюдают закон и уважают интересы службы, а не только личные интересы, поступить на службу в органы внутренних дел.

В настоящее время вновь назначенные на должность сотрудники полиции контролируются со стороны подразделений собственной безопасности. Активно используются устройства типа «полиграф» для определения психофизиологических показателей состояния сотрудников при прохождении службы в органах внутренних дел. Указанный способ призван улучшить систе-

му отбора кандидатов при поступлении на службу, в том числе и при поступлении в образовательные организации МВД России.

В рамках осуществления отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел обращается особое внимание на профессиональные и личностные качества. Кроме того, на первый план выходит ведение воспитательной работы в служебном коллективе в целях разъяснения негативного влияния коррупционного (недобросовестного) поведения отдельных сотрудников. В настоящее время начальники полиции несут личную ответственность за соблюдение служебной дисциплины в подразделениях, в их обязанности входит организация воспитательной работы с подчиненными с участием руководителей всех уровней. Важно создать комплексную систему по контролю за служебной дисциплиной и соблюдением законности, вести постоянную профилактическую работу с подчиненными с привлечением заинтересованных руководителей отделов и служб. По смыслу закона при этом не требуется конкретизации должности и вида государственной службы [4, с. 86].

Преимуществом при достижении морально-этических стандартов службы в органах внутренних дел должна пользоваться специально созданная комиссия по профессиональной этике и служебной дисциплине. Так, в практике Министерства внутренних дел по Республике Татарстан ведется работа по повышению эффективности деятельности в рамках формирования и подготовки кадрового резерва. В Татарстане внедрена пятиступенчатая система психологического отбора и подготовки претендентов на должности начальствующего состава с последующим их выдвижением, чтобы обеспечить наиболее подготовленных и коррупционно устойчивых сотрудников назначением на соответствующие должности. Практика МВД по Республике Татарстан основана на применении иностранного опыта борьбы с коррупцией, который сводится к следующим принципиальным позициям:

1. Общественный контроль становится основополагающим критерием оценки де-

тельности органов внутренних дел. Деятельность полиции должна находиться под постоянным общественным контролем.

2. Необходимо поддерживать на высоком профессиональном уровне реализуемую систему отбора кандидатов на службу в полицию с принципиальным отношением к тем, кто не прошел отбор, с последующим отказом в приеме на службу.

3. Необходимо поддерживать престиж службы, создавая положительный образ сотрудника полиции.

4. Полицейская служба должна строго регулироваться действующим законодательством. За совершение дисциплинарных проступков сотрудник полиции должен быть подвергнут неотвратимому дисциплинарному взысканию, вплоть до увольнения из органов внутренних дел.

В современных условиях в системе органов внутренних дел Российской Федерации важное значение приобретают нормативные правовые документы, регламентирующие основополагающие направления борьбы с коррупцией. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»¹ определяет направления ее снижения, организационные основы противодействия, а также уменьшение степени негативного воздействия ее на общество. Так, ст. 8 указанного ФЗ устанавливает, что в случае если сотрудником не выполняются обязанности, предусмотренные ч. 1 данной статьи, то налицо правонарушение, влекущее освобождение указанного лица от должности, либо оно может быть привлечено к иным видам дисциплинарных взысканий по законам Российской Федерации. Кроме

того, ст. 6 рассматриваемого Закона определяет в качестве санкции увольнение или какое-то иное дисциплинарное взыскание. Кроме того, следует обратить внимание: освобождение от должности не равносильно увольнению, что мы видим из содержания ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»². Ст. 8 ФЗ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет не возможность применения иных дисциплинарных взысканий, а необходимость привлечения к «иным видам дисциплинарной ответственности».

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ определяет, что служебная дисциплина в ОВД представляет собой соблюдение сотрудниками законодательства Российской Федерации, включающего в себя требования Присяги, контракта, а также приказов, распоряжений и инструкций МВД России, нижестоящих руководителей и установленных ими правил. Данное определение дает понимание, что нарушение служебной дисциплины может выражаться в несоблюдении сотрудниками ОВД возложенных на них обязанностей и ограничений. Несоблюдение требований ст. 17 ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» не может быть квалифицировано для сотрудников органов внутренних дел в качестве такового, следовательно, применение санкций дисциплинарной ответствен-

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.07.2022).

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.07.2022).

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: www.consultant.ru (дата обращения: 02.07.2022).

ности в данном случае будет считаться неправомерным.

Несмотря на вышеизложенное, следует отметить, что решение проблемы коррупции в ОВД предполагает принятие комплексных мер, основанных на глубоком понимании экономических причин и психологических процессов, происходящих в коллективах сотрудников органов внутренних дел. Экономические факторы несомненно являются основополагающими предпосылками коррупционных правонарушений, однако путем усиления мер дисциплинарной ответственности возможно эффективно вести профилактику коррупции в органах внутренних дел. Прежде всего, необходимо ужесточить условия кадрового отбора кандидатов на службу в органах внутренних дел с целью исключения лиц, склонных к коррупции, усилить системную ротацию кадров, особенно на должностях руководящего состава, усилить работу в направлении выявления фактов конфликта интересов по

принципам «землячества» и «кумовства», а также усилить общественный контроль за деятельностью полиции. В целях усиления социальной направленности органов внутренних дел необходимо внедрение системы дифференцированного финансового вознаграждения за высокие показатели служебной деятельности; эффективное и быстрое решение жилищного вопроса сотрудников; создание справедливой системы компенсации за сверхурочную работу и т. д.

Таким образом, следует признать важную роль дисциплинарной ответственности в формировании антикоррупционного поведения сотрудников полиции. Однако существует необходимость совершенствования системы нормативного правового регулирования дисциплинарной ответственности для исключения существующих пробелов и совершенствования правоприменительной практики применения мер дисциплинарной ответственности в целях профилактики коррупционных правонарушений в органах внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бялт В. С. Дисциплинарная ответственность сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
2. Мальцев Е. П. Нарушение служебной дисциплины сотрудниками органов внутренних дел: актуальность проблемы, причины и некоторые пути ее решения // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 382–384.
3. Мехович А. М., Мордовец А. С., Силантьева А. В. Законность и уважение прав человека в деятельности органов внутренних дел // Правоведение. 1999. № 3. 162 с.
4. Малков В. П. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // Военно-юридический журнал. 2006. 324 с.

REFERENCES

1. Byalt V. S. Disciplinary responsibility of employees of internal affairs bodies: dis. ... cand. legal sciences. M., 2011. (In Russ.)
2. Maltsev E. P. Violation of service discipline by employees of internal affairs bodies: the relevance of the problem, causes and some ways to solve it // Young scientist. 2012. No. 12. P. 382–384. (In Russ.)
3. Mekhovich A. M., Mordovets A. S., Silantieva A. V. Legitimacy and respect for human rights in the activities of internal affairs bodies // Jurisprudence. 1999. No. 3. 162 p. (In Russ.)
4. Malkov V. P. Punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities // Military legal journal. 2006. 324 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.07.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 28.07.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 342.9

КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Антон Михайлович Субботин¹, Николай Александрович Трусов²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ sam1981@yandex.ru, ² nikevor@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье с критической точки зрения рассмотрены проблемы соотношения норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и норм административно-деликтного законодательства, определяющих порядок осуществления производства по делам об административных правонарушениях. Выявлены пробелы в правовом регулировании указанной сферы деятельности правоохранительных органов. Определены пути возможного использования результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве по делам об административных правонарушениях. На основе анализа судебной практики выработаны алгоритм действий и рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и использовании ее результатов в производстве по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, административно-деликтное законодательство, результаты оперативно-розыскной деятельности, производство по делам об административных правонарушениях.

Для цитирования: Субботин А. М., Трусов Н. А. Критический взгляд на совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности в контексте производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 86–90.

Original article

A CRITICAL LOOK AT THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION ON OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Anton M. Subbotin¹, Nikolai A. Trusov²

^{1,2}Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Nizhny Novgorod, Russia

¹ sam1981@yandex.ru, ² nikevor@yandex.ru

Abstract. This article examines the problems of correlation between the norms of the federal law “On operational investigative activity” and the norms of administrative-tort legislation that determine the procedure for carrying out proceedings in cases of administrative offenses from a critical point of view. Some gaps in the legal regulation of this area of law enforcement are identified. The ways of possible use of the results of operational investigative activity in proceedings in cases of administrative offenses, carried out both by the internal affairs bodies and by other authorized bodies of state power, are determined. The algorithm of actions and recommendations aimed at enhancing the effectiveness of the activities of the internal affairs bodies in the implementation of operational investigative activities and the use of its results in proceedings in cases of administrative offenses are developed on the base of the analysis of judicial practice.

© Субботин А. М., Трусов Н. А., 2023

Keywords: operational investigative activity, administrative-tort legislation; the results of operational investigative activities; proceedings in cases of administrative offenses.

For citation: Subbotin A. M., Trusov N. A. A critical look at the improvement of legislation on operational investigative activities in the context of proceedings in cases of administrative offenses // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 86–90.

На протяжении 25 лет действует Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее – Федеральный закон «Об ОРД»), который за время своего существования претерпевал незначительные изменения (в среднем одно изменение в 9,8 мес.). Несмотря на отмеченную относительную стабильность, критический анализ норм административно-деликтного законодательства указывает на необходимость совершенствования вышеуказанного нормативного правового акта в части расширения сферы его применения.

В практической деятельности наблюдается правовая коллизия, когда, с одной стороны, законодательная возможность проведения того или иного оперативно-розыскного мероприятия (далее – ОРМ) в целях выявления и (или) документирования административных правонарушений Федеральным законом «Об ОРД» напрямую не предусматривается, вместе с тем иные способы обнаружения и фиксации отдельных составов административных правонарушений являются либо малоэффективными, либо отсутствуют в принципе. В то время как, с другой стороны, использование результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в ходе производства по делам об административных правонарушениях нормативно не запрещается.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) также прямо не называет в числе доказательств результаты ОРД, более того, прямо не предусмотрены и иные возможности использования результатов ОРД в административно-деликтном производстве. Тем не менее анализ административной и судеб-

ной практики позволил выделить два основных направления возможного применения указанных результатов в рамках реализации процедуры привлечения к административной ответственности.

Во-первых, результаты ОРД используются как основание для проведения проверочных мероприятий, в том числе контрольно-надзорных мероприятий, по итогам которых может быть принято решение о возбуждении дела об административном правонарушении. Поводы к возбуждению дел об административных правонарушениях содержатся в статье 28.1 КоАП РФ, при этом результаты ОРД напрямую в данной норме не указаны. Однако судебная практика свидетельствует о возможности использования результатов ОРД в качестве одного из поводов возбуждения административно-деликтного производства.

Так, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А40-339229/19 содержится информация, что ГУ МВД России по г. Москве (далее – Управление) обратилось в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о привлечении к административной ответственности ООО «Арсеналвайн» (далее – Общество), так как в действиях юридического лица усматриваются признаки правонарушения, предусмотренного частью 2 статьи 14.16 КоАП РФ.

В судебном процессе установлено, что в ходе ОРД получена оперативная информация о том, что по адресу: г. ***, ул. ***, д. ***, строение ***, Общество осуществляет хранение алкогольной продукции без лицензии. В соответствии с инструкцией результаты ОРД оформлены рапортом сотрудника МВД России.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

В ходе проверки, проведенной в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (далее – Приказ № 736), по указанному адресу 12 марта 2018 г. сотрудниками Управления установлено, что Обществом осуществлялось хранение алкогольной продукции без сопроводительных документов, подтверждающих легальность ее производства, что зафиксировано в протоколе осмотра помещений. Таким образом, с целью выявления и пресечения административного правонарушения сотрудниками полиции осуществлялась проверка информации, зарегистрированной в порядке Приказа № 736.

В ходе судебного производства установлено, что в рассматриваемом случае в сведениях из Управления содержались данные, указывающие на наличие в деянии Общества признаков состава административного правонарушения. Достаточные данные, указывающие на наличие события административного правонарушения и послужившие основанием для возбуждения дела об административном правонарушении, добыты в ходе проверки уполномоченным должностным лицом¹.

Аналогичная ситуация возможна и при передаче материалов для принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении по подведомственности. Так, в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 января 2021 г. по делу № А29-8244/2020 отражено, что административный орган обратился в суд с заявлением о привлечении ООО *** к административной ответственности по части 4 статьи 14.1 КоАП РФ.

В ходе административного производства установлено, что в КУСП ОМВД России по городу Инте республики Коми зарегистрировано сообщение № *** о реализации 28 мая 2020 г. в аптечном учреждении ООО ***, лекарственного препарата «Азитромицин-Вертекс» без соответствующего бланчного рецепта. Данные сведения получены в рамках проведенного ОРМ. По данному факту сотрудником ОМВД России по Усть-Вымскому району от гражданина, приобретшего указанный лекарственный препарат без рецепта, получено объяснение. При этом фармацевт аптечного учреждения «Будь здоров» от дачи объяснений отказалась, воспользовавшись правом, предусмотренным статьей 51 Конституции Российской Федерации. После чего материал проверки направлен в административный орган для принятия соответствующего решения².

Таким образом, анализ практики показывает, что результаты ОРД могут служить поводом к возбуждению административно-деликтного производства. Информация, полученная в ходе проведения ОРМ, регистрируется в книге учета сообщений о преступлениях, после чего должностным лицом в пределах его компетенции при наличии достаточных данных, указывающих на наличие события того или иного административного правонарушения, принимается соответствующее решение. В соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ в случае отсутствия у должностных лиц ОВД соответствующей компетенции принимается решение о передаче дела на рассмотрение по подведомственности для принятия решения о возбуждении административно-деликтного производства.

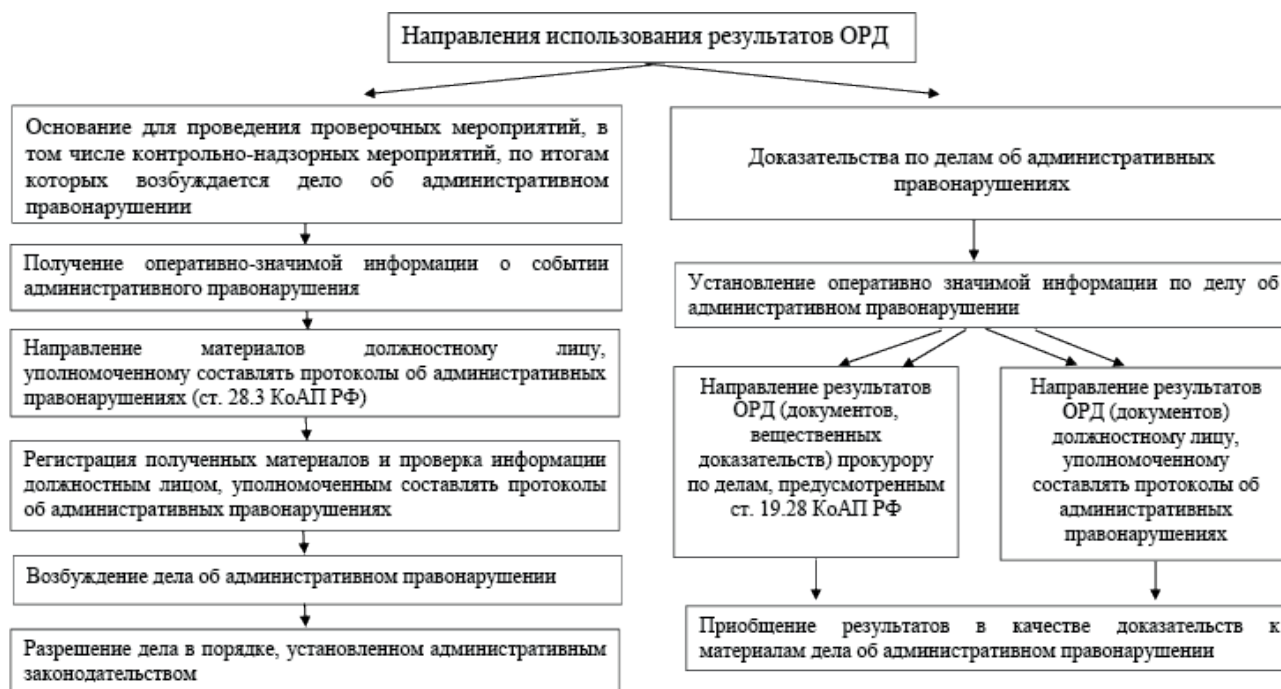
Алгоритм реализации результатов ОРД для целей производства по делам об административных правонарушениях представлен на следующей схеме.

Кроме того, результаты ОРД могут применяться в качестве доказательств по делам

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А40-339229/19 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.06.2022).

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25 января 2021 г. по делу № А29-8244/2020 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.06.2022).

Алгоритм реализации результатов ОРД подразделений органов внутренних дел при производстве по делам об административных правонарушениях



об административных правонарушениях. Так, документы могут быть использованы в качестве доказательств (ст. 26.2, 26.7 КоАП РФ), если в них содержатся сведения, имеющие значение для производства по делу об административном правонарушении. Учитывая вышеизложенное, вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что результаты ОРД могут быть использованы как доказательства в административно-деликтном производстве в качестве документов.

Анализ судебной практики по делам об административных правонарушениях в сфере экономики показывает, что достаточно часто при рассмотрении подобного рода дел используются результаты такого ОРМ, как «Проверочная закупка». Так, в постановлении Верховного суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. по делу № 36-АД20-2 указано, что основанием для привлечения Н. М. Владимировой к административной ответственности по статье 14.2 КоАП РФ послужила информация, содержащаяся в обжалуемых судебных актах, о том, что 12 ав-

густа 2019 г. гражданка Н. М. Владимирова, являясь оператором автозаправочной станции, расположенной по адресу: Смоленская область, Ярцевский район, Суетовское поселение, 320 км автодороги Москва – Минск, сооружение 2, осуществила реализацию 13 литров (по цене 38 рублей за литр) дизельного топлива, соответствующего экологическому классу К2, обращение которого на единой таможенной территории Таможенного союза не допускается.

Установленные обстоятельства подтверждаются собранными по делу доказательствами, исследованными в ходе судебного производства, в числе которых суд называет рапорт сотрудника полиции, постановление заместителя начальника МО МВД России «Ярцевский» о проведении ОРМ «Проверочная закупка» и акт проверочной закупки¹.

В качестве доказательств по делу об административном правонарушении результаты ОРД могут быть использованы и другими органами административной юрисдикции. Например, как следует из постановления

¹ Постановление Верховного суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. по делу № 36-АД20-2 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.06.2022).

Арбитражного суда Московского округа от 7 июля 2020 г. по делу № А40-252379/18, ООО «МК ВИТА-ПУЛ», АО «Р-ФАРМ», АО «СДС», ЗАО НПО «Гарант», ООО «Гарант-М» обратились в суд с заявлением о признании незаконным решение Федеральной антимонопольной службы (далее – ФАС России) от 27 августа 2018 г. по делу № 1-16-17/0022-17. Все указанные организации были привлечены ФАС России к административной ответственности по части 1 статьи 14.32 КоАП РФ с назначением наказания в виде штрафа, в частности АО «СДС» – к штрафу в размере 37 208 359, 16 руб.

Арбитражный суд Московского округа в числе доказательств по указанным делам, помимо прочего, называет представленные в ФАС России из правоохранительных органов результаты ОРМ (в частности снятие информации с технических каналов связи), факт направления коммерческих предложений от П. Г. Козаря, который является учредителем ООО «Витамед», представителем АО «СДС» А. Я. Гитеру (представителю АО «Р-ФАРМ») для подготовки и обоснования начальной максимальной цены контракта по открытому аукциону в электронной форме № 0380200000116002160.

При принятии законных и обоснованных решений должностными лицами ФАС России исследованы и отражены фрагменты телефонных разговоров между предста-

вителем АО «Р-ФАРМ» с представителями хозяйствующих субъектов-участников электронных аукционов, добытые в ходе проведенных ОРМ, содержание которых свидетельствует о реализации единой модели поведения в ходе рассматриваемых открытых аукционов в электронной форме и наличии признаков административного правонарушения в действиях лиц¹.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что действующее законодательство позволяет использовать результаты ОРД в качестве повода для возбуждения дел об административном правонарушении, а также в ходе производства в качестве доказательств.

При этом Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не предусматривает прямой возможности проведения ОРМ с целью получения информации для принятия решения о возбуждении дела об административном правонарушении. С учетом существенных изменений, произошедших в административно-деликтном законодательстве с момента принятия Федерального закона «Об ОРД», представляется необходимым внесение изменений в части распространения сферы его действия на выявление административно наказуемых деяний, совершаемых юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Информация об авторах:

Субботин А. М., кандидат юридических наук, доцент;

Трусов Н. А., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Subbotin A. M., Candidate of Law, Associate Professor;

Trusov N. A., Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.06.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 28.06.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 24.03.2023.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 февраля 2021 г. по делу № А40-339229/19 // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 25.06.2022).

Научная статья
УДК 341.9

**ИНОСТРАННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА
В НОРМАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РСФСР 1922 ГОДА**

Юлия Викторовна Блинова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
jblinova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются нормы Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., регулирующие правовое положение и деятельность иностранных юридических лиц в РСФСР. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, согласно которому Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. содержал только абрисные формулировки о правовом положении и деятельности торговых иностранных юридических лиц. Вводное законодательство предписывало разрешительный порядок для хозяйственной деятельности иностранных торговых юридических лиц, что не являлось ограничением прав лишь по причине государственной принадлежности (национальности), а вытекало первично из формы собственности. Отсутствие разрешения на осуществление хозяйственной деятельности в РСФСР влекло незаконность и недействительность всех сделок, при этом за торговым юридическим лицом в ограниченном объеме сохранялась процессуальная правоспособность на началах взаимности.

Ключевые слова: иностранное юридическое лицо, Гражданский кодекс РСФСР, общая правоспособность, торговая правоспособность, процессуальная правоспособность, разрешение.

Для цитирования: Блинова Ю. В. Иностранные юридические лица в нормах Гражданского кодекса РСФСР 1922 года // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 91–98.

Original article

**FOREIGN LEGAL ENTITIES
IN THE NORMS OF THE CIVIL CODE OF THE RSFSR OF 1922**

Yuliya V. Blinova

Altai State University, Barnaul, Russia, jblinova@yandex.ru

Abstract. This article discusses the norms of the Civil Code of the RSFSR of 1922, which regulate the legal status and activities of foreign legal entities in the RSFSR. Based on the study the author comes to the conclusion that the Civil Code of the RSFSR of 1922 contained only outline formulations on the legal status and activities of foreign trading legal entities. The introductory legislation prescribed a permit procedure for the economic activities of foreign trading legal entities, which was not a restriction of rights due to the state affiliation (nationality) only, but primarily followed from the form of ownership. The absence of a permit to carry out economic activities in the RSFSR entailed the illegality and invalidity of all transactions, while a trading legal entity retained procedural legal capacity to a limited extent on the basis of reciprocity.

Keywords: foreign legal entity, Civil Code of the RSFSR, general legal capacity, trading legal capacity, procedural legal capacity, permission.

For citation: Blinova Yu. V. Foreign legal entities in the norms of the Civil Code of the RSFSR of 1922 // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 91–98.

В 2022 г. исполнилось 100 лет с момента принятия первого гражданского кодекса в послереволюционной России. Как указывал в своей переписке В. И. Ленин, «... идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст <...> обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Не поддаваться Наркоминделу, который «по должности» тянет линию «приспособления к Европе», а бороться с этой линией, выработать новое гражданское право...» [цит. по: 1, с. 135]. В настоящий момент отечественное гражданское законодательство вновь пересматривается на предмет соотношения императивных и диспозитивных норм, в связи с чем анализ норм Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (далее – ГК РСФСР 1922 г.), посвященных правовому регулированию иностранных юридических лиц в РСФСР, способен визуализировать нюансы и оказать помощь в толковании современного законодательства о порядке допуска иностранных юридических лиц на территорию Российской Федерации.

О том, что первая появившаяся на свет модель посткапиталистической экономики в России (без внутренних движущих сил экономического развития) была моделью экономики мобилизационной, созданной под влиянием сложившихся катастрофических условий, не без оснований говорил А. Л. Маковский в своей работе, подводящей черту трем состоявшимся кодификациям гражданского законодательства в России [2]. В итоге «первый советский ГК оказался не только неожиданным, но и нежеланным дитем Октябрьской революции», поскольку, по мысли А. Г. Гойхбарга, требовалось «издание Кодекса социального законодательства, но не Кодекса гражданского права» [2; цит. по: 3].

Анализируя советское гражданское право на начальном этапе (1917–1922), и в частности, ГК РСФСР 1922 г., Д. А. Пашенцев называет сущностные характеристики последнего: 1) кодекс не охранял личные не-

имущественные права; 2) кодекс ограничил гражданскую правоспособность, которая стала относиться только к имущественным правам; 3) в кодексе не было деления имущества на движимое и недвижимое, земля изъята из гражданского оборота; 4) кодексом не предусматривалось владение как защищенное законом фактическое обладание вещью; 5) за незаконные действия должностных лиц ответственность возлагалась на государственные учреждения, а не на должностные лица [4, с. 25–26]. Соответственно, в силу формальной взаимности иностранные юридические лица в России в тот период не могли помышлять о защите деловой репутации (прямая угроза конкурентоспособности), об осуществлении сделок с землей, привычное и понятное для некоторых право порядков владение также находилось вне закона и поэтому не под защитой.

С международно-правовой точки зрения А. Г. Гойхбарг проводит разбивку иностранных юридических лиц на три группы: 1) государства, различные государственные деления (города, округа и т. п.), публично-правовые юридические лица; 2) общества, не преследующие экономической выгоды; 3) торговые, промышленные и финансовые общества и товарищества [5, с. 73]. Относительно первой группы юридических лиц профессор констатирует, что права иностранного государства крайне редко становились объектом правового регулирования, но фактически в различных государствах признавались. Дифференциация второй и третьей группы обусловлена преимущественным непризнанием существования иностранных юридических лиц неторгового характера, учрежденных за границей, за исключением Италии, Швейцарии, Бразилии, судебной практики Англии, где данный вопрос решался положительно [5, с. 74]. Что касается третьей группы иностранных юридических лиц, то законно учрежденное за границей торговое юридическое лицо следовало признавать правоспособным в другом государстве. В этой связи нельзя не вспомнить хронологию наделения латинов римскими правами: сначала было дарова-

но *ius commercii*, только потом – *ius conubii* [6, с. 76–77; 7, с. 87]; аналогичная тенденция сохранилась и сегодня, что явствует из п. 2 ст. 1197 ГК РФ¹. За скобками, правда, нужно констатировать истинность утверждения о признании за пределами своего государства законно учрежденных торговых юридических лиц лишь теоретически, ибо практически ежегодно государствами заключались трафаретные двусторонние договоры, имевшие целью подобное признание [5, с. 74].

Наконец, в вопросе признания торговых юридических лиц, учрежденных за границей, А. Г. Гойхбарг предлагает дифференцировать аспекты – наделение этих лиц процессуальной право- и дееспособностью, общей и торговой правоспособностью [5, с. 75]. Соответственно, в различных государствах набор пожалованных видов правоспособности и дееспособности варьировал: например, иностранным юридическим лицам открывалась процессуальная и торговая правоспособность (дееспособность) (Бельгия, Италия, Франция) или даже общая, включая процессуальную и торговую правоспособность (дееспособность) (Германия) [5, с. 75–76].

ГК РСФСР 1922 г. подобной классификации иностранных юридических лиц не предусматривал, ограничившись скупой нормой о торговых обществах и товариществах во вводном документе². Согласно Примечанию 1 к статье 8 Постановления ВЦИК «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» от 11 ноября 1922 г. (далее – Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г.) иностранные акционерные общества, товарищества и проч. приобретают права юридического лица в РСФСР лишь с особого разрешения правительства³. Указан-

ное разрешение должно исходить от Совета Народных Комиссаров (далее – Совнарком) по представлению Главного Концессионного Комитета (далее – Главконцесском). При отсутствии разрешения Совнаркома сделки, совершенные на территории РСФСР, должны быть признаны незаконными и недействительными, и не дающими права на их судебную защиту [3, с. 26]. Дополнительно необходимо указать, что сферой действия названного примечания по кругу лиц следует считать исключительно торговые юридические лица, несмотря на открыто сформулированный перечень (третья группа по А. Г. Гойхбаргу).

В статье 1 Инструкции по применению Постановления ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 г. «Об операциях и представительствах иностранных фирм в РСФСР и союзных с ней республиках» от 12 мая 1923 г. (далее – Инструкция) понятие «иностранная фирма» распространяется на всякое единоличное или коллективное (товарищество полное, на вере, акционерное общество и т. п.) предприятие, учрежденное вне пределов РСФСР и союзных с нею республик и юридически оформившее в стране пребывания свое право на торговую деятельность (утверждение устава акционерного общества, регистрация предприятия в подлежащих учреждениях, выборка промышленного патента и т. п.)⁴. Соответственно, советское гражданское законодательство при определении государственной принадлежности исходило из теории инкорпорации («закон национальности юридического лица» по Л. А. Лунцу [8, с. 54]), однако фактически отказывало иностранному юридическому лицу без соответствующего разрешения в частноправовой правосубъектности в РСФСР, предпо-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

² Там же.

³ О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. [утратило силу] // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

⁴ Об операциях и представительствах иностранных фирм в РСФСР и союзных с ней республиках: Инструкция по применению Постановления ВЦИК и СНК от 12. Апреля 1923 г. от 12.05.1923 [утратила силу] // Известия Всероссийского Исполнительного Комитета Советов. 1923. № 115.

жительно сохраняя в ограниченном объеме только его процессуальную право- и дееспособность (см. примечание 2 к Постановлению ВЦИК от 11 ноября 1922 г.), если иное не содержалось в двустороннем международном договоре. Иностранная фирма обязана получить в течение одного месяца разрешение, которое носит срочный (от одного года до трех лет) характер; в случае если фирма в течение трех месяцев с момента получения разрешения не приступит к своей деятельности в РСФСР, выданное разрешение теряет силу (ст. 1, 7, 8 Инструкции). Важно отметить, что к обязательным документам, необходимым для получения разрешения, относятся среди прочего общие сведения о торговых операциях с Россией в довоенное, военное и послевоенное время (после 1917 г.) (ст. 2 Инструкции). Также необходимо указать, что согласно статье 9 Инструкции во главе представительства иностранной фирмы в России может быть лицо, имеющее постоянное место жительства в РСФСР или на территории союзных республик; советский гражданин не может возглавлять представительство незарегистрированной иностранной фирмы, а государственный или общественный служащий не может представлять иностранную фирму ни в каком случае. И, наконец, достойна цитирования норма, согласно которой иностранная фирма за свою деятельность в РСФСР и союзных с ней республиках отвечает всем движимым и недвижимым имуществом, где бы оно ни находилось (ст. 11 Инструкции). В связи с последним А. Г. Гойхбарг акцентирует внимание на том, что любое имущество иностранной фирмы, находящееся на территории СССР, должно быть направлено на преимущественное удовлетворение претензий, возникших из операций фирмы в СССР [5, с. 78].

На первый взгляд может показаться, что в РСФСР действовал достаточно жесткий порядок регулирования правового положения иностранных юридических лиц и их деятельности. Однако при обращении к статьям

14, 15 и 18 ГК РСФСР становится понятно, что это не совсем так: в РСФСР правоспособность любого юридического лица возникала либо с момента утверждения устава, либо с момента государственной регистрации юридического лица¹. При этом государство было вправе прекратить существование юридического лица при его уклонении от уставной или договорной цели, или уклонении органов юридического лица в сторону, противную интересам государства. Соответственно, правоспособность (любого, а не только иностранного) юридического лица в России была специальной, а не общей, что отвечало требованиям времени [9, с. 68]. Сказанное объясняется генеральной целью нового, послереволюционного законодательства – вся экономика должна оказаться под полным контролем государства, а новый ГК должен был установить пределы капитализма.

С другой стороны, не следует полагать, что зарубежное законодательство первой четверти XX века, регулировавшее правовой статус и деятельность иностранных юридических лиц на своей территории, открывало двери на свой рынок всем без разбора. Например, в Дании и США также существовал разрешительный порядок для иностранных юридических лиц торгового характера, а в Англии и Испании требовалось представление в реестры определенных документов [5, с. 76].

Далее необходимо сделать отступление и сказать, что в самом ГК РСФСР 1922 г. отсутствовало деление юридических лиц на государственные и частные, что было восполнено впоследствии в подзаконных ведомственных актах. Следовательно, получалось, по крайней мере, первоначально, что государственные и частные юридические лица ставились на одну доску, что в свою очередь рассматривалось в качестве недостатка нового гражданского закона [9, с. 67]. Деление юридических лиц осуществляла доктрина: в зависимости от состава образующих их членов юридические лица делились на государственные (местные Со-

¹ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года [утратил силу] // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

веты и их исполкомы, государственные предприятия, торговые организации и пр.), частные (товарищества, акционерные общества), смешанные и общественные (кооперативно-колхозные предприятия, органы общественных (партийных, профсоюзных) организаций). В зависимости от устройства и целей юридические лица делились на: товарищества; акционерные общества; государственные предприятия; тресты; комбинаты; синдикаты; земледельческие общества; организации и учреждения [9, с. 66]. По способу образования юридического лица П. И. Стучка выделяет следующие группы юридических лиц: 1) требуют утверждения устава или положения; 2) требуют договор, зарегистрированный в установленном порядке; 3) требуют устав или положение и регистрацию (частные учреждения); 4) специальные требования (госпредприятия и их объединения (тресты), госучреждения) [10, с. 78].

Во-первых, упомянутые в Примечании 1 Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. виды товариществ, куда включены и акционерные общества, объединяют: цель деятельности – общая хозяйственная цель (простое товарищество – ст. 276 ГК РСФСР 1922 г.); торговля, промысел под общей фирмой (полное товарищество – ст. 295 ГК РСФСР 1922 г., товарищество на вере – ст. 312 ГК РСФСР 1922 г., товарищество с ограниченной ответственностью – ст. 318 ГК РСФСР 1922 г.); особое наименование, фирма с основным капиталом (акционерное общество – ст. 322 ГК РСФСР 1922 г.)¹. Во-вторых, создание товариществ оформлялось договором. Таким образом, классификация юридических лиц по устройству и цели, разработанная для внутреннего пользования, подтверждает положение о распространении примечаний вводного документа к ГК РСФСР 1922 г. исключительно на иностранные торговые юридические лица.

В дополнение к вышесказанному обращение к статье 15 ГК РСФСР обнаруживает

факт, согласно которому учреждение любого частного учреждения требовало получения разрешения органов власти². Таким образом, становится понятно, что в отношении иностранных юридических лиц, которые согласно закону места учреждения являлись преимущественно частными юридическими лицами, применялась аналогичная норма, которая действовала в РСФСР для регулирования частных учреждений. В связи с этим имеет смысл, скорее, говорить об ограничении торговой правоспособности иностранных юридических лиц не только и не столько в силу их государственной принадлежности (национальности), но и в силу формы собственности (по современной терминологии). Например, в известном, впоследствии опротестованном, но уловившем дух своего времени постановлении Президиума Московского облсуда от 25 января 1930 г. по вопросу об уточнении классовой политики в связи с обострением классовой борьбы судам и нотариату предписывалось проверять действительное социальное положение обращающихся; отказывать в удостоверении ряда договоров с участием классово-враждебных элементов (кулаки, торговцы, спекулянты, служители культа); отказывать в удовлетворении всякого рода исков названных лиц к госучреждениям, предприятиям, совхозам, колхозам и общественным организациям и пр. [11, с. 10–11]. Утверждение о вторичности государственной принадлежности (национальности) юридического лица с позиции ГК РСФСР 1922 г. в некоторой степени перекликается с идеей, не без гордости сформулированной В. В. Егорьевым, Г. Н. Лашкевичем, М. А. Плоткиным, Б. Д. Розенблюмом в отношении физических лиц: в капиталистической системе народного хозяйства уравнивание иностранцев идет по линии гражданских и хозяйственных прав, в то время как в советской России – в части политических прав [12, с. 7–8]. Другими словами, в советской России соответствующее критериям социального государства

¹ Гражданский кодекс РСФСР 1922 года [утратил силу] // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.

² Там же.

предприятие, которое выполняет план, не допускает необоснованных простоев и пр., скорее, будет считаться «своим» (игнорирование государственной принадлежности (национальности)), нежели ощутит право собственности или риск от ведения хозяйственной деятельности своей волей в своем интересе (наделение частными правами). С учетом же того, что в иностранных право-порядках внешняя торговля, как правило, не была монополизирована государством, получалось, что иностранные юридические лица априори не могли стать «своими», кроме случаев их национализации. Здесь же напрашивается и другой вывод: поскольку государственная принадлежность (национальность) юридического лица с точки зрения наделения торговой организации общей или торговой правоспособностью в РСФСР не играла существенной роли, то абрисные формулировки в вводном законе о правовом статусе иностранных юридических лиц осуществляли регулирование с лихвой.

В ГК РСФСР 1922 г. не был затронут вопрос о местонахождении юридического лица [9, с. 69]. В связи с этим и отсутствовало четко сформулированное правило определения местонахождения постоянного представительства, отделения, конторы иностранной фирмы по статье 9 Инструкции – оно указывалось в разрешении.

В свою очередь Примечание 2 к статье 8 Постановления ВЦИК от 11 ноября 1922 г. устанавливает, что иностранные юридические лица, не имеющие разрешения на производство операций в РСФСР, пользуются правом на судебную защиту в РСФСР по претензиям, возникающим вне пределов РСФСР и относящимся к ответчикам, пребывающим в ее пределах не иначе как на началах взаимности¹. При этом, по утверждению А. Г. Гойхбарга, иностранное юридическое лицо не будет пользоваться судебной защитой, если оно перестало существовать в своей стране (в противовес зарубежной судебной практике относительно юридиче-

ских лиц, аннулированных в советских республиках) [5, с. 81–82].

Из цитируемого примечания следует, что процессуальная право- и дееспособность иностранных юридических лиц ограничиваются государственной принадлежностью, в частности, с помощью указания на взаимность. О началах взаимности традиционно вспоминают при отсутствии международного договора между государствами, в данном случае по процессуальным вопросам. Однако же, по мысли А. Г. Гойхбарга, наиболее действенной выступает именно т. н. дипломатическая взаимность (т. е. установленная международным договором), в то время как т. н. законодательная взаимность «далеко не всегда является действительной взаимностью» [5, с. 13–14]. О малой перспективности законодательной («законной» – в терминологии А. А. Костина) взаимности свидетельствует и характер взаимоотношений СССР с капиталистическими государствами в 1930–1940 гг. [13, с. 179]. В связи с этим наделение иностранных юридических лиц, которые не получили разрешение на торговые операции в РСФСР и не вполне вписывались в социальный формат советского государства, правом на иск против ответчика, находящегося в РСФСР, выглядит весьма призрачным пожалованием.

Таким образом, ГК РСФСР 1922 г. не ставил себе задачу регулирования правового положения и деятельности иностранных юридических лиц – абрисные формулировки по этому вопросу применительно к торговым иностранным юридическим лицам содержались в вводном законодательстве. По общему правилу иностранные юридические лица должны были получать разрешение от компетентного органа для осуществления хозяйственной деятельности на территории РСФСР (наделение торговой правоспособностью). В силу международного договора торговое иностранное юридическое лицо, учрежденное за границей, могло быть признано в РСФСР (наделение общей или тор-

¹ О введении в действие Гражданского кодекса РС.Ф.С.Р.: Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. [утратило силу] // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

говой правоспособностью). Вместе с тем разрешительный порядок не являлся следствием ограничения правоспособности юридического лица лишь по причине государственной принадлежности (националь-

ности) – отечественные юридические лица также обладали специальной правоспособностью. Ограничения правоспособности юридических лиц по ГК РСФСР 1922 г. первоначально следовали из формы собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крашенинников П. Страсти по праву: Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. 331 с.
2. Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010. 433 с.
3. Гражданский кодекс Р.С.Ф.С.Р. Комментарий / под ред. проф. А. Г. Гойхбарга и И. Г. Кобленца. М., Л.: Государственное издательство, 1925. 559 с.
4. Пашенцев Д. А. Особенности развития советского гражданского права на начальном этапе (1917–1922) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 22–27.
5. Гойхбарг А. Г. Международное право. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1928. 184 с.
6. Азаревич Д. Система римского права (университетский курс). Т. 1. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1887. 484 с.
7. Загурский Л. Н. Элементарный учебник римского права. Общая часть. Выпуск 1. Харьков: Типография И. М. Варшавчика, 1897. 246 с.
8. Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М.: Спарк, 2002. 1007 с.
9. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 224 с.
10. Стучка П. И. Курс советского гражданского права: учебное пособие. Т. 2: Общая часть гражданского права. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. 376 с.
11. Абрамов С., Ганин А., Зайцев С., Лебедев В. Практический комментарий Гражданского кодекса РСФСР (законодательный и ведомственный материал и судебная практика до 1 октября 1930 г.) / под ред. зам. предс. Верховного суда РСФСР Ф. М. Нахимсона. М.: Госюриздат, 1931. 872 с.
12. Законодательство и международные договоры Союза ССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц (систематизированные материалы с комментариями) / В. В. Егорьев, Г. Н. Лашкевич, М. А. Плоткин, Б. Д. Розенблюм. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1926. 592 с.
13. Костин А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 266 с.

REFERENCES

1. Krasheninnikov P. Passion for Law: Essays on the Law of War Communism and Soviet Law. 1917–1938. M.: Statut, 2018. 331 p. (In Russ.)
2. Makovsky A. L. On the codification of civil law (1922–2006). M., 2010. 433 p. (In Russ.)
3. 10. Civil Code R.S.F.S.R. Commentary / ed. prof. A. G. Goykhbarg and I. G. Koblenz. M., L.: State Publishing House, 1925. 559 p. (In Russ.)
4. Pashentsev D. A. Features of the development of Soviet civil law at the first stage (1917–1922) // Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2017. No. 4. P. 22–27. (In Russ.)
5. Goykhbarg A. G. International law. M.: Legal publishing house of the NKJ RSFSR, 1928. 184 p. (In Russ.)
6. Azarevich D. The system of Roman law (university course). Vol. 1. St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin, 1887. 484 p. (In Russ.)
7. Zagursky L. N. Elementary textbook of Roman law. A common part. Issue 1. Kharkiv: Printing house of I. M. Varshavchik, 1897. 246 p. (In Russ.)
8. Lunts L. A. Course of private international law: in 3 volumes. M.: Spark, 2002. 1007 p. (In Russ.)
9. Novitskaya T. E. Civil Code of the RSFSR 1922. M.: IKD «Zertsalo-M», 2002. 224 p. (In Russ.)

10. Stuchka P. I. The course of Soviet civil law: a textbook. Vol. 2: General part of civil law. M.: Publishing House of the Communist Academy, 1929. 376 p. (In Russ.)

11. Abramov S., Ganin A., Zaitsev S., Lebedev V. Practical commentary on the Civil Code of the RSFSR (legislative and departmental material and judicial practice until October 1, 1930) / ed. deputy chairman of the Supreme Court of the RSFSR F. M. Nakhimov. M.: Gosjurizdat, 1931. 872 p. (In Russ.)

12. Egoriev V. V., Lashkevich G. N., Plotkin M. A., Rozenblum B. D. M.: Legal publishing house of the NKJU USSR, 1926. 592 p. (In Russ.)

13. Kostin A. A. Legal grounds for the recognition and enforcement of foreign judgments in the Russian Federation: dis. ... cand. legal sciences. M., 2018. 266 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Блинова Ю. В., кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

Blinova Yu. V., Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 343.34:343.57

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕЗАКОННЫХ ПРОИЗВОДСТВА,
СБЫТА ИЛИ ПЕРЕСЫЛКИ НАРКОТИКОВ, СОВЕРШЕННЫХ ЛИЦОМ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Александр Евгеньевич Бельский

Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия
Alexanderbelsky548@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ общественной опасности деяний, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. В ходе исследования установлено, что отдельное выделение законодателем квалифицирующего признака «лицом с использованием своего служебного положения» свидетельствует о признании государством повышенной общественной опасности незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Повышенная общественная опасность указанного преступления может проявляться в трудной выявляемости, маскировке под выполнение лицом своих служебных или трудовых функций, в более широких возможностях избежать привлечения к уголовной ответственности и оказания противодействия превентивной и профилактической деятельности правоохранительных органов. По итогам исследования сформулирован вывод о том, что представляется важным всестороннее изучение преступности, связанной с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, с целью выявления ее специфики для последующей выработки эффективных мер профилактики и противодействия.

Ключевые слова: общественная опасность, использование служебного положения, незаконное производство, сбыт или пересылка наркотиков.

Для цитирования: Бельский А. Е. Общественная опасность незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 99–107.

Original article

**PUBLIC DANGER OF ILLEGAL DRUG PRODUCTION, SALE OR SHIPMENT
COMMITTED BY A PERSON USING HIS OFFICIAL POSITION**

Alexander E. Belsky

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Krasnoyarsk, Russia, Alexanderbelsky548@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of the public danger of acts provided for in paragraph “b” of Part 4 of Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In the course of the study, it was found out that the separate allocation by the legislator of the qualifying attribute “a person using his official position” indicates the recognition by the state of an increased public danger of illegal production, sale or shipment of drugs. The increased public danger of the specified crime may manifest itself in difficult detection, disguise under the performance of a person's official or labor functions, in broader opportunities to avoid criminal prosecution and to counteract the preventive activities of law enforcement agencies. Based on the results of the study, the author draws the conclusion that it is important to comprehensively study the crime associated with the illegal production, sale or shipment of drugs committed by a person using his

© Бельский А. Е., 2023

official position in order to identify its specifics for the subsequent development of effective prevention and counteraction measures.

Keywords: public danger, use of official position, illegal production, sale or shipment of drugs.

For citation: Belsky A. E. Public danger of illegal drug production, sale or shipment committed by a person using his official position // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 99–107.

Под общественной опасностью преступности традиционно принято понимать причинение вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. В отечественной криминологии долгое время большинство исследователей считали, что общественная опасность – это основополагающий, материальный признак преступности, который является объективным, существует независимо от каких-либо оценок, взглядов и мнений [1, с. 6–7; 2, с. 88; 3, с. 120–121]. В конце XX века в русле либеральных реформ, проводимых в стране, наметились и соответствующие изменения в криминологии. Были высказаны мнения о том, что «необходимо отказаться от материального признака преступления, а должен остаться только формальный, что общественная опасность не является величиной постоянной; материальный признак позволяет законодателю назвать преступным любое деяние, вторгающееся в сферу государственных интересов» [4, с. 76–86]. Содержательная сторона общественной опасности как признак преступления может меняться, так как охраняемые уголовным законом общественные отношения имеют свойство со временем меняться и преобразовываться. Таким образом, происходит совершенствование уголовного закона, который должен учитывать возникновение новых общественных отношений, качественное изменение уже существующих и соответствующим образом давать правовую оценку этим изменениям. Впервые особо квалифицирующий признак «незаконное производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершенные лицом с использованием своего служебного положения» был закреплен в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г. в п. «б» ч. 3 ст. 228.1

УК РФ. Таким образом, государство отреагировало на изменяющиеся общественные отношения в сфере здоровья населения и общественной нравственности. Ведь содержательная сторона общественной опасности преступления может трансформироваться со временем, значит, и его законодательное, формальное описание также должно меняться. Если в уголовном законе будет воспроизведено только формальное толкование общественной опасности преступления, то это «будет означать произвольное изменение круга преступных деяний в соответствии с сиюминутными потребностями правящей элиты, а не в связи с представлениями о преступлении, как о грехе, как о преступлении (нарушении общепринятых заповедей)» [5, с. 186]. Соответственно, Федеральным законом № 18-ФЗ от 1 марта 2012 г. данный особо квалифицирующий признак преступления был перемещен законодателем из п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ в п. «б» ч. 4 указанной статьи УК РФ. По нашему мнению, это связано с тем, что государство осознает и понимает повышенную степень общественной опасности этих преступлений, если они совершаются лицом, которое при этом использует свое служебное положение. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что наказание, предусмотренное четвертой частью более строгое, чем наказание, предусмотренное ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Так, санкция уголовно-правовой нормы, размещенной в третьей части, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (в совокупности с дополнительными наказаниями), тогда как в четвертой части закреплено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет (в совокупности с дополнительными наказаниями). Конкретные нюансы, особенности и аспекты общественной

опасности указанных преступных деяний, установленные в ходе настоящего исследования, будут изложены далее.

Содержательная сторона общественной опасности преступления состоит из вредоносности, а именно из «негативных изменений общественных отношений или угрозы их наступления» [6, с. 131–137; 7, с. 18–25; 8, с. 163, 188]. Вредоносность незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершаемых с использованием служебного положения «возможно рассмотреть через три аспекта: медицинский, социальный и психологический» [9, с. 88]. Медицинский аспект выражается в том, что из-за совершения наркопреступлений создается угроза приобретения людьми такого заболевания, как наркомания. Социальный аспект проявляется в том, что, распространяясь, наркомания влечет существенные негативные последствия для общества в целом. При этом именно общество вынуждено терпеть затраты на лечение наркозависимых граждан, причем не только от наркомании, но и от сопутствующих заболеваний, таких как ВИЧ и гепатит. Также наркозависимые – это объективно плохие работники из-за своего болезненного состояния. По медицинским статистическим данным, «в 2021 г. общее число пациентов с психическими и поведенческими расстройствами, связанными с употреблением наркотиков, зарегистрированной наркологической службой Российской Федерации, составило 388, 4 тыс., что на 1,8 % больше по сравнению с 2020 г. (381,5 тыс.). Из них 227,4 тыс. – пациенты с диагнозом «синдром зависимости», что на 1,5 % больше, чем в 2020 г. (224,2 тыс.), 161 тыс. – пациенты с диагнозом «пагубное употребление», что на 2,3 % больше, чем в 2020 г. (157,4 тыс.). Число смертельных отравлений наркотическими средствами в Российской Федерации в 2021 г. составило 9,2 тыс., а

в 2020 г. – 7 тыс.»¹. В качестве некоторого пояснения отметим мнение Т. Ю. Рублёвой, которая пишет, что «под диспансерным наблюдением находятся лица, обратившиеся в государственные наркологические медицинские учреждения, где на основании наличия клинических синдромов им выставлены диагнозы «алкоголизм», «токсикомания» или «наркомания» [10, с. 158–164]. Получается, что нет достоверных статистических данных о количестве граждан, страдающих именно наркоманией. Не говоря уже о статистике лиц, употребляющих наркотики эпизодически. Лица, употребляющие наркотики, создают свою субкультуру, объединяют вокруг себя других людей, вовлекая их в свой праздный и паразитический образ жизни, который часто сопровождается совершением противоправных действий. Психологический аспект проявляется в этической деградации личности человека, что может быть выражено в эгоизме, духовной опустошенности, неспособности к сочувствию и эмоциональному контакту с другими людьми.

Существуют и другие мнения относительно общественной опасности преступления. В частности, П. А. Фефелов относительно общественной опасности преступления считает, что она «обладает свойством прецедента, то есть свойством человеческой практики, примером для подражания, возможности повторения в будущем» [11, с. 52–63]. Прецедентность наркопреступлений в России хорошо просматривается исходя из статистики совершаемых преступлений: в 2016 г. в России зарегистрировано 201 165 наркопреступлений, в 2017 г. – 208 681, в 2018 г. – 200 306, в 2019 г. – 190 197, в 2020 г. – 189 905 и в 2021 г. – 179 732. За первое полугодие 2022 г. в Российской Федерации зарегистрировано 90 838 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков².

¹ Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2021 году (выдержка) // Официальный портал Государственного антинаркотического комитета. URL: <http://гак.мвд.рф/мониторинг-наркоситуации/> выдержка из докладов о наркоситуации (дата обращения: 15.07.2022).

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://www.crimestat.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

В свою очередь А. В. Шеслер и В. В. Жалыбин утверждают, что «нельзя признавать преступными деяния, хотя и причиняющие вред обществу, однако не обладающие свойствами человеческой практики. С другой стороны, человеческое поведение нельзя признавать преступным только на основе того, что оно несет в себе свойства человеческой практики» [12, с. 21]. Иначе говоря, деяние должно быть вредоносным и в то же время прецедентным, а также быть повторяемым, воспроизводимым людьми в будущем. Очевидным является, что наркопреступления обладают и вредоносностью и прецедентностью.

Соответственно, П. В. Тепляшин указывает, что «наркотизация российского общества, несмотря на консолидацию правоохранительных органов и активное противодействие транснациональной наркопреступности, представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности и основной фактор подрыва демографического и социально-экономического потенциала страны» [13, с. 148]. Интерес людей к наркотикам провоцирует их незаконно производить, сбывать и пересылать. В связи с этим утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации, установлено, что задача по обеспечению общественной безопасности в России должна выполняться, в том числе и путем борьбы с наркопреступлениями.

Уголовным законом ответственность за совершение наркопреступлений предусмотрена статьями 228, 228.1, 228.2, 229, 230, 231, 232 и 233 УК РФ. Больше половины из всех наркопреступлений – это незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков. В 2019 г. в России зарегистрировано преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ – 113 303; в 2020 г. – 113 193; в 2021 г. – 104 257, за январь – июнь 2022 г. – 57 104¹. Удельный вес незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков по

отношению ко всем наркопреступлениям в 2021 г. составил 58,1 %, а за первое полугодие 2022 г. – 62,9 %.

Проблема борьбы с наркопреступностью является комплексной. Для реализации каких-либо мер по борьбе с ней нужно изучить особенности общественной опасности этого феномена.

Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершаемые с использованием служебного положения, представляют общественную опасность по следующим направлениям:

1. Создается возможность приобщения людей к незаконному употреблению наркотиков, результатом которого может быть заболевание наркоманией, «которое причиняет физический и психический вред здоровью человека, а в некоторых случаях приводит к неизбежной смерти человека» [14, с. 62–66]. К сожалению, не удалось обнаружить какие-либо исследования, показывающие конкретное количество граждан, которые приобщились к немедицинскому потреблению наркотиков в результате преступлений незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных с использованием служебного положения. Однако, учитывая, что законодателем указанное наркопреступление включено в перечень, преступлений, посягающих на здоровье и общественную нравственность, то очевидно, что существует реальная возможность вовлечения граждан в употребление наркотиков, в результате любого из преступлений, предусмотренных статьями 228–233 УК РФ. Поэтому неправильно утверждать, что незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершаемые с использованием служебного положения, не оказывают никакого влияния на приобщение граждан к употреблению наркотиков.

2. Выявлено достаточно много лиц, которые совершили преступление в состоянии наркотического опьянения. В 2018 г. в России выявлено 11 998 лиц, совершивших

¹ Портал статистических сведений ФКУ ГИАЦ МВД России // URL: http://10.05.0.015/cms/статистические_сведения (дата обращения: 15.07.2022).

преступления в состоянии наркотического опьянения, в 2019 г. – 8 117, в 2020 г. – 6 787, в 2021 г. – 6 620, за январь – июнь 2022 г. – 3 098 таких лиц¹.

3. «Из десяти имущественных преступлений шесть совершены наркопотребителями» [15, с. 15] (скорее всего с целью изыскания денег для незаконного приобретения наркотиков).

4. «Незаконный оборот наркотиков как вид криминального предпринимательства приносит высокую теневую прибыль, а поэтому является одним из видов деятельности, на котором основывается и воспроизводится организованная преступность» [16, с. 11, 19–20]. Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции В. А. Колокольцев в своей статье «Наша стратегическая задача - подрыв экономических основ наркопреступности» обращает внимание на важность и необходимость борьбы с легализацией денежных средств, добытых путем осуществления незаконного оборота наркотиков [17, с. 6–10].

5. Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершаемые с использованием служебного положения, способствуют развитию коррумпированности органов государственной власти, так как преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, нуждаются в покровительстве со стороны правоохранительных органов.

Изложенное нами в пунктах 4 и 5 официально признано на уровне государства. Президент России В. В. Путин на заседании Совета Безопасности России заявил, что незаконные доходы наркобизнеса служат финансовой основой для коррупции, терроризма и экстремизма². Действительно, предусмотренное п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ преступление является коррупционным, так как для его совершения лицо задействует возможности своего служебного положения.

Указанное утверждение полностью укладывается в рамки определения легального термина «коррупция», данного в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

В рамках настоящего исследования были изучены тексты 34 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции по уголовным делам, поступившим в суд с квалификацией действий обвиняемого по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Тексты этих приговоров размещены в государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие») за период с 2012 г. по июнь 2022 г. Как следует из материалов судебной практики, обвиняемые, которые привлекались за сбыт наркотиков, являлись сотрудниками правоохранительных органов, то есть использовали свое служебное положение, позволяющее им бесконтрольно контактировать с подозреваемыми, обвиняемыми и лицами, содержащимися в местах лишения свободы. При этом свои преступные действия они совершали исходя из корыстной мотивации, то есть с целью получения денежного вознаграждения. По результатам изучения имеющихся в распоряжении текстов 34 приговоров установлено, что большинство обвиняемых, а именно 20 человек из 34 – это сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. В связи с этим хочется отметить мнение П. В. Тепляшина о том, что главным направлением антикоррупционной политики в уголовно-исполнительной сфере является совершенствование запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции. Ведь посредством подобных правовых установлений формируется мейнстрим конкретных мер противодействия правонарушениям и преступности, а также детализируются предупреждение и борьба с коррупцией [18, с. 68].

¹ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <http://www.crimestat.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

² Заседание Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64424> (дата обращения: 15.07.2022).

Кроме того, заметим, что незаконные производство, сбыт или пересылка наркотиков, совершаемые с использованием своего служебного положения, в какой-то части способствуют приобщению граждан к немедическому потреблению наркотиков. Так, в специальных исследованиях отмечается, что «наркоманы в силу плохого состояния здоровья, приобретенных психических аномалий, общей социальной дезадаптации обладают повышенной виктимностью, т. е. чаще других категорий людей становятся жертвами преступлений» [19, с. 16]. Следовательно, данное преступление вносит определенный вклад в ухудшение здоровья граждан, связанное с немедицинским употреблением наркотиков. С ухудшением здоровья граждан увеличивается вероятность того, что эти граждане станут объектом преступного посягательства. Граждане, употребляющие наркотики в немедицинских целях, обладают повышенной виктимностью.

Уголовным законом Российской Федерации предусмотрены разные квалифицирующие признаки незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков. Среди этих признаков менее изученным является признак, предусмотренный п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, – лицом с использованием своего служебного положения. А. И. Чучаева считает, что «использование служебного положения означает, что лицо при совершении преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, использует предоставленные ему по службе или по занимаемой должности полномочия, управленческие функции в коммерческих организациях, возможности государственного или муниципального служащего или иные возможности, обусловленные служебным положением виновного» [20, с. 20]. Имеющиеся у преступника полномочия, происходящие из его служебного положения, усиливают его возможности по деструктивному влиянию на общественные отношения. Так, В. С. Комиссаров пишет, что преступник, совершая свои противоправные действия, может использовать не только права и обязанности, соответствующие его служебному статусу,

а также использовать неофициальные возможности, так называемые «бонусы» – полезные знакомства, связи, авторитет, возможности взаимодействовать с нужными людьми [21, с. 477]. Наличие определенного служебного положения расширяет возможности лица по установлению так называемых нужных и полезных знакомств.

Повышенная общественная опасность незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных с использованием служебного положения, находит свое проявление в следующем:

1. Совершение преступления можно маскировать под вид осуществления законной служебной или трудовой деятельности. Следовательно, преступление трудно обнаружить и выявить правоохранительным органам.

2. Полномочия, вытекающие из служебного положения преступника, могут облегчать совершение преступления.

3. Наличие у преступника более широких возможностей по противодействию профилактической деятельности правоохранительных органов позволяет осуществлять негласное противодействие профилактической деятельности правоохранительных органов, внешне совершая так называемые «позитивные» действия, предусмотренные его должностной инструкцией, однако, наполняя их противоправным содержанием. Так, взаимодействие сотрудника правоохранительных органов с подозреваемым, обвиняемым или осужденным внешне может выглядеть обычным рядовым выполнением сотрудником своих служебных обязанностей: со стороны все кажется правомерным. Выше уже указывалось, что в целях настоящего исследования были изучены тексты приговоров, размещенные в ГАС «Правосудие» за период с 2012 по 2021 г., вынесенные по уголовным делам, поступившим в суд с квалификацией действий обвиняемого по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Изучение материалов судебной практики показало, что сотрудники правоохранительных органов, пользуясь возможностью бесконтрольно контактировать с подозреваемыми, обвиня-

емыми или осужденными, на самом деле не выполняли свои служебные обязанности, а лишь реализовывали свои преступные замыслы, направленные на незаконный сбыт наркотиков. Всего в ГАС «Правосудие» размещены тексты 34 приговоров по уголовным делам, поступившим в суд по п. «б» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. При их изучении установлено, что 33 обвиняемых проходили службу в таких правоохранительных органах, как Министерство внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации и Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации.

Указанные признаки могут способствовать возникновению у преступника чувства безнаказанности и делают его действия более дерзкими и решительными.

4. В силу того, что преступление совершается лицом, являющимся сотрудником правоохранительных органов, снижается авторитет данных органов.

5. У граждан может создаваться впечатление правового беспредела и беззакония, так как преступление совершает правоохранитель, то есть лицо, которое само должно строго соблюдать требования закона при осуществлении своей профессиональной деятельности и контролировать соблюдение закона любыми лицами.

6. Исходя из того, что сотрудники правоохранительных органов осуществляли незаконный сбыт наркотиков подозреваемым, обвиняемым или осужденным, они не только не способствовали их исправлению и перевоспитанию, но и более того осуществляли их морально-нравственное разложение.

7. В связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов осуществляли незаконный сбыт наркотиков подозреваемым, обвиняемым или осужденным, не осуществлялась должная профилактика рецидивной преступности.

Таким образом, нюансы общественной опасности незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, обосновывают необходимость пристального внимания к всесторонней и объективной оценке общественной опасности преступного деяния и свидетельствуют о необходимости разработки эффективных профилактических мер криминологического характера.

Обобщая вышеизложенное, резюмируем, что именно вредоносность и прецедентность являются признаками общественной опасности незаконных производства, сбыта или пересылки наркотиков, совершаемых с использованием своего служебного положения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кудрявцев В. Н. Что такое преступление. М., 1959. 62 с.
2. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2005. 556 с.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Изд-во «БЕК», 1996. 560 с.
4. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность. Ижевск, 1994. 140 с.
5. Шеслер А. В. Понятие преступления в Российском уголовном законодательстве // Вестник Владимирского юридического института ФСИН России. 2014. № 2 (31). С. 185–188.
6. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 244 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий М., 1958. 219 с.
8. Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996. 560 с.
9. Криминология и предупреждение преступлений: курс лекций / С. М. Мальков. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. 210 с.
10. Рублёва Т. Ю. Проблемы как следствие распространения наркомании в молодежной среде на современном этапе // Научный компонент. 2020. № 4 (8). С. 158–164.

11. Фефелов П. А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью. Екатеринбург, 1999. 251 с.
12. Шеслер А. В., Жалыбин В. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень: ООО «РГ «Проспект», 2006. 144 с.
13. Тепляшин П. В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // *Lex Russica*. 2017. № 10. с. 147–157.
14. Лисихина Н. В. К вопросу о проблеме смертельных отравлений различными психоактивными веществами в свете мониторинга наркоситуации // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. 2017. № 4 (29). С. 62–66.
15. Прохорова М. Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 287 с.
16. Булатов Р. М., Шеслер А. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. Казань: РИЦ «Школа», 1999. 176 с.
17. Колокольцев В. А. Наша стратегическая задача - подрыв экономических основ наркопреступности // *Финансовая безопасность*. 2020. № 28. С. 6–10.
18. Тепляшин П. В. Антикоррупционные меры безопасности сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы (в контексте их правового статуса) // *Петербургские пенитенциарные конференции: материалы конференций*. В 4 т. СПб: Университет ФСИИ России, 2021. Т. I. 416 с.
19. Шеслер А. В., Жалыбин В. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень: ООО «РГ «Проспект», 2006. 144 с.
20. Чучаев А. И., Ашин А. А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Владимир, 2006. 54 с.
21. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А. И. Чучаева. М., 2006. 672 с.

REFERENCES

1. Kudryavtsev V. N. What is a crime. M., 1959. 62 p. (In Russ.)
2. Criminal law of Russia. General part: textbook for universities / edited by N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. M.: Zertsalo, 2005. 556 p. (In Russ.)
3. Naumov A. V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. M.: Publishing house “BEK”, 1996. 560 p. (In Russ.)
4. Poniatovskaya T. G. Conceptual foundations of Russian criminal law: history and modernity. Izhevsk, 1994. 140 p. (In Russ.)
5. Shesler A. V. The concept of crime in Russian criminal legislation // *Bulletin of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2014. No. 2 (31). P. 185–188. (In Russ.)
6. Kudryavtsev V. N. The objective side of the crime. M., 1960. 244 p. (In Russ.)
7. Kuznetsova N. F. The meaning of criminal consequences M., 1958. 219 p. (In Russ.)
8. Naumov A. V. Criminal law. The general part. M., 1996. 560 p. (In Russ.)
9. Criminology and crime prevention: a course of lectures / S. M. Malkov. Krasnoyarsk: SibUI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 210 p. (In Russ.)
10. Rubleva T. Yu. Problems as a consequence of the spread of drug addiction among young people at the present stage // *Scientific component*. 2020. No. 4 (8). P. 158–164. (In Russ.)
11. Fefelov P. A. Criminal law concept of combating crime. Yekaterinburg, 1999. 251 p. (In Russ.)
12. Shesler A. V., Zhalybin V. V. Criminological characteristics and prevention of crimes related to illicit drug trafficking. Tyumen: LLC “RG “Prospect”, 2006. 144 p. (In Russ.)
13. Teplyashin P. V. The state of drug crime in the Russian Federation: basic criminological indicators and trends // *Lex Russica*. 2017. No. 10. P. 147–157. (In Russ.)
14. Lisikhina N. V. To the question on the problem of fatal poisoning by various psychoactive substances in the light of drug situation monitoring // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 4 (29). P. 62–66. (In Russ.)
15. Prokhorova M. L. Narcosis: criminal law and criminological research. St. Petersburg: Publishing house “Legal Center Press”, 2002. 287 p. (In Russ.)

16. Bulatov R. M., Shesler A. V. Criminological characteristics and prevention of crime related to illicit drug trafficking. Kazan: RIC "School", 1999. 176 p. (In Russ.)
17. Kolokoltsev V. A. Our strategic task is to undermine the economic foundations of drug crime // Financial security. 2020. No.28. P. 6–10. (In Russ.)
18. Teplyashin P. V. Anti-corruption security measures for employees and employees of the penal enforcement system (in the context of their legal status) // St. Petersburg Penitentiary Conferences: conference materials. In 4 volumes St. Petersburg: University of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2021. T. I. 416 p. (In Russ.)
19. Shesler A. V., Zhalybin V. V. Criminological characteristics and prevention of crimes related to illicit drug trafficking. Tyumen: LLC "RG "Prospect", 2006. 144 p. (In Russ.)
20. Chuchaev A. I., Ashin A. A. Crimes against public health and public morality. Vladimir, 2006. 54 p. (In Russ.)
21. Article-by-article commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / edited by A. I. Chuchaeva. M., 2006. 672 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 24.03.2023.

**ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ
ПО МНОГОЭПИЗОДНЫМ УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ****Виктор Николаевич Григорьев¹, Алексей Юрьевич Терехов²**¹ Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
grigorev.viktor@gmail.com² Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
terekhov.au@gmail.com

Аннотация. Нормативный порядок досудебного уголовного производства сложился таким образом, что за основу регулирования взята ситуация, когда одно преступление совершено одним лицом, по факту такого преступления возбуждается одно уголовное дело, которое принимает к производству и расследует соответственно один следователь. Вместе с тем на практике встречаются случаи, выбивающиеся с точки зрения указанных количественных критериев из общего порядка, в связи с чем возникают нового качества вопросы, для решения которых установленный регламент судопроизводства не предусматривает ответов. Обычно это обусловлено чрезмерно большим количеством одновременно совершенных преступлений, что характерно, например, для массовых беспорядков, когда в рамках одного уголовного дела может расследоваться до нескольких сотен, а в некоторых случаях – тысяч эпизодов преступлений. В статье раскрыты особенности изменившегося в этой связи порядка производства по делу, обоснованы рекомендации по спорным вопросам.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предварительное расследование, многоэпизодные уголовные дела, возбуждение уголовного дела, выделение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого.

Для цитирования: Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Из опыта работы по многоэпизодным уголовным делам // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 108–113.

Original article

FROM WORK EXPERIENCE ON MULTIPLE CRIMINAL CASES**Victor N. Grigoriyev¹, Alexei Yu. Terekhov²**¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
grigorev.viktor@gmail.com² Ufa Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
terekhov.au@gmail.com

Abstract. The normative procedure for pre-trial criminal proceedings has developed in such a way that the situation is taken as the basis for regulation when one crime is committed by one person, one criminal case is initiated on the fact of such a crime, which is accepted for proceedings and investigated, respectively, by one investigator. At the same time, in practice, there are cases that stand out from the point of view of the indicated quantitative criteria from the general order, in connection with which questions of a new quality arise, for the solution of which the established rules of procedure do not provide answers. This is usually due to an excessively large number of simultaneously committed crimes, which is typical, for example, for mass riots, when up to several hundred, and in some cases, thousands of episodes of crimes can be investigated within a single criminal case. The article reveals the features of the procedure for the proceedings that have changed in this regard, and substantiates recommendations on controversial issues.

© Григорьев В. Н., Терехов А. Ю., 2023

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, preliminary investigation, multi-episode criminal cases, criminal proceedings, allocation of a criminal case, bringing in as a defendant.

For citation: Grigoriyev V. N., Terekhov A. Yu. From work experience on multiple criminal cases // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 108–113.

Нормативный порядок досудебного уголовного производства сложился таким образом, что за основу регулирования взята ситуация, когда одно преступление совершено одним лицом, по факту такого преступления возбуждается одно уголовное дело, которое принимает к производству и расследует соответственно один следователь. На практике такие ситуации преобладают. Случаи, когда преступление совершают двое или даже несколько лиц, качество такой ситуации в целом не меняют. Сложности здесь возникают главным образом при уголовно-правовой квалификации содеянного соучастниками.

Наряду с этим в законе отражены достаточно очевидные ситуации, которые отличаются от означенной выше схемы. Например, когда по одному факту возбуждены в разное время (или в разных местах) несколько уголовных дел. Нормативный порядок предлагает в таких случаях логичный выход, предусматривающий объединение указанных уголовных дел в одно производство (ст. 153 УПК РФ). Или уголовное дело может оказаться сложным или большим по своему объему. В этом случае нормативный порядок предусматривает возможность поручения производства предварительного следствия по уголовному делу группе следователей (ст. 163 УПК РФ) или дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ).

Указанные случаи в целом укладываются в обычный порядок производства по уголовному делу. Вместе с тем, на практике встречаются случаи, выбивающиеся с точки зрения указанных количественных критериев из общего порядка, в связи с чем возникают нового качества вопросы, для решения которых установленный регламент судопроизводства не предусматривает ответов. Это может быть обусловлено, прежде всего, чрезмерно большим количеством одновременно совершенных преступлений, что

характерно, например, для массовых беспорядков, когда в рамках одного уголовного дела может расследоваться до нескольких сотен, а в некоторых случаях – тысяч эпизодов преступлений.

Впервые с подобной ситуацией один из авторов данной статьи столкнулся еще студентом, когда З. В. Макарова, в те годы доцент Куйбышевского государственного университета, принесла на занятие обвинительное заключение по уголовному делу о массовых беспорядках в одной из местных исправительных колоний, которое дал клиент – ее подзащитный по этому делу. В то время это было необычным, однако позже вся эта необычность померкла на фоне того, с чем довелось столкнуться в ходе службы.

В следственной группе по погромам в г. Степанакерте, например, было взято на учет свыше 200 эпизодов преступлений, совершенных за три дня, что оказалось больше, чем там было зарегистрировано за последние три года вместе взятых. По массовым беспорядкам в Кировабаде в рамках одного уголовного дела расследовалось свыше тысячи эпизодов, в Ошской области – свыше 5 тысяч. Первые впечатления от общего количества первичных материалов по отдельным эпизодам непосредственного участника в работе следственной группы Прокуратуры Союза ССР по расследованию массовых беспорядков в Ошской области – на настойчивые требования предъявить весь массив материалов для их систематизации и рациональной организации работы предъявили один из кабинетов в здании Ошской городской прокуратуры, вся площадь стандартного помещения которого была устлана стопками бумаги толщиной от 0,5 до 0,7 м. Нетрудно было сориентироваться, что все эти документы представляли совокупность первичных материалов по отдельным эпизодам беспорядков, каждый из которых вклю-

чал в себя типовой набор: заявление или рапорт о преступлении, протокол осмотра места происшествия, объяснения заявителя, объяснения 1–2 очевидцев. Иногда этот комплект дополнялся списком похищенного или уничтоженного имущества, попадались всякие бумаги штабного характера, документы на похищенную или уничтоженную собственность.

В связи с означенными ситуациями пришлось решать конкретные проблемы конкретных производств. Они касались главным образом порядка возбуждения многоэпизодных уголовных дел, выделения материалов по отдельным эпизодам в самостоятельное производство, исчисления по ним срока следствия и некоторых других вопросов [1, с. 151–155].

При возбуждении уголовных дел по множеству фактов отдельных эпизодов нередко допускается ошибка, когда по каждому такому эпизоду выносится отдельное постановление о возбуждении уголовного дела.

В качестве современного примера приведем ситуацию, когда в 20** году организация N в г. Уфа под предлогом осуществления социального ремонта могильных сооружений жертв военных конфликтов собрала денежные средства с родственников погибших. При этом составлялся договор, согласно которому ремонт должен быть осуществлен как за счет средств данной организации, так и за счет средств, выплаченных родственниками погибших в пропорции, где большая часть приходилась на долю организации. При этом заявленная услуга оказана не была, пострадавшие, численность которых превысила 200 человек, поспешили обратиться в правоохранительные органы. На тот момент было принято решение о самостоятельном возбуждении уголовного дела по каждому заявлению и создании следственной группы. В процессе расследования все дела были объединены в одно уголовное дело, содержащее соответствующее количество эпизодов. В настоящее время сложно определить, чем руководствовались при принятии решения о необходимости возбуждения уголовных дел по каждому

заявлению, возможно они были рассмотрены как совокупность преступлений, в то же время очевидно, что все преступления объединены единым умыслом и уместнее было рассматривать его в качестве продолжаемого [2, с. 75].

При возбуждении уголовных дел по фактам массовых беспорядков трудно на этом этапе отделить друг от друга различные эпизоды преступных действий, точно определить их временные и пространственные границы. На практике в подобных ситуациях стали принимать решения не по отдельным заявлениям или сообщениям, а сразу в целом по всей совокупности преступных фактов, относящихся к одному региону. В результате возбуждается одно уголовное дело по нескольким десяткам, иногда сотням, в отдельных случаях – тысячам фактов. В Ошской области, например, по всем фактам массовых беспорядков было возбуждено два уголовных дела: одно по Узгенской зоне, другое – по Ошской, в то время как только в Узгенской зоне было учтено свыше пяти тысяч заявлений и других первичных материалов о преступлениях, совершенных во время массовых беспорядков.

Аналогичный порядок возбуждения уголовных дел наблюдается и в других регионах. Он позволяет сократить время на трудоемких процедурах, связанных с возбуждением уголовных дел (вынесение постановления, направление его копии прокурору, выставление статистической карточки на выявленное преступление, регистрация дела и др.), наиболее рационально организовать расследование, максимально сосредоточиться на производстве неотложных следственных действий.

В некоторых случаях подобный порядок вначале не применялся, следователи действовали традиционным образом – по каждому ставшему известным факту массовых беспорядков и других совершенных в ходе них преступлений возбуждалось отдельное уголовное дело. Последующая работа убеждала в нерациональности такого порядка и приводила к необходимости объединять все возбужденные уголовные дела.

В Душанбе, например, по всем фактам массовых беспорядков сразу же было возбуждено одно общее уголовное дело, однако, несмотря на это, следователи стали возбуждать отдельные дела по каждому ставшему им известным эпизоду преступления. После того как возбудили несколько сотен таких дел, руководство следственной группы пришло к выводу о необходимости их объединения. Все они были соединены с основным делом, от которого в последующем отпочковались четыре уголовных дела – по одному на каждый район города. В конечном счете в производстве следственной группы оказалось всего пять основных уголовных дел. Аналогичную ошибку допустили в Северо-Кавказском регионе, где по фактам массовых беспорядков и вооруженных столкновений на первоначальном этапе возбуждено 91 уголовное дело, которые затем все пришлось соединять.

С учетом сказанного предлагается закрепить в законе сложившийся порядок возбуждения уголовных дел о чрезвычайных обстоятельствах, предусмотрев возможность возбуждения одного уголовного дела по фактам нескольких связанных друг с другом преступлений.

В связи с необычно большим количеством эпизодов уголовных дел о чрезвычайных обстоятельствах и многочисленным составом работающих по ним следственных групп необходимо более детально урегулировать порядок производства при выделении материалов по отдельным эпизодам преступлений из основного уголовного дела в самостоятельное производство. При этом следует исходить, на наш взгляд, из общих условий предварительного следствия, правового значения акта принятия дела к производству, учитывать внутреннюю связь и взаимозависимость материалов следственного производства.

С учетом объективных потребностей практики представляется необходимым закрепить в законе, в частности, следующие нормы: при расследовании уголовного дела группой следователей выделить какие-то его материалы в самостоятельное произ-

водство полномочен только руководитель группы, принявший дело к своему производству (неактуальная в обычных условиях, такая норма приобретает совершенно иное звучание, когда в группе работают несколько сотен следователей); выделение проверочных материалов, по которым в последующем предстоит разрешать вопрос об уголовном преследовании, допускается только при условии, если данные о новом преступлении не были получены путем следственных действий и не облучены, соответственно, в их протоколы; материалы, полученные в ходе расследования по основному делу и в последующем выделенные в самостоятельное производство, сохраняют по новому уголовному делу свое доказательственное значение и оцениваются в совокупности с другими собранными доказательствами; срок следствия по объединенному уголовному делу является единым для материалов обо всех эпизодах преступлений, которые расследуются в его рамках, и в случае выделения каких-то из них в самостоятельное производство сохраняет для него свое значение.

Применительно к рассматриваемой ситуации ранее давалась еще одна рекомендация – в случае выделения уголовного дела в самостоятельное производство не требуется выносить отдельное постановление о его возбуждении [1, с. 154]. Такая рекомендация отражала современные представления о сущности и назначении акта возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства и в последующем получила подтверждение в ряде решений Верховного Суда Российской Федерации [3, с. 84].

Однако в последующем по мере развития правовой ситуации в стране данная позиция была пересмотрена [4, с. 68–69]. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 23 октября 2014 г. № 2475-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сомова Станислава Владиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями

91, 92, частью первой статьи 108, статьями 171 и 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹, в частности, записал: «...Перечисленные нормы [ст. 46, 91, 92, 108, 140, 146, 171, 172 УПК РФ] не предполагают возможность привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого и применения в отношении него меры пресечения в связи с совершением им преступления, по признакам которого уголовное дело не возбуждалось...»

Самая свежая судебная практика по этому вопросу получила отражение в Касса-

ционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 89-УДП20-10, которая отменила приговор в части осуждения по обвинению, по которому уголовное дело не возбуждалось².

В этой связи применительно к рассматриваемой ситуации соответствующая рекомендация будет выглядеть следующим образом – в случае выделения уголовного дела в самостоятельное производство одновременно с этим требуется выносить отдельное постановление о его возбуждении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия МВД России, 1993. 565 с.
2. Терехов А. Ю., Латыпов В. С., Гимазетдинова И. Н. Осуществление уголовного судопроизводства в условиях сложности и большого объема уголовного дела: монография / под ред. докт. юрид. наук, профессора В. Н. Григорьева. М.: Юрлитинформ, 2022. 183 с.
3. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. О взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 79–90.
4. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 1 (95). С. 61–70.

REFERENCES

1. Grigoriev V. N. Investigation of crimes in emergency conditions (legal support, organization, methodology): dis. ... doc. legal sciences. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1993. 565 p. (In Russ.)
2. Terekhov A. Yu., Latypov V. S., Gimazetdinova I. N. Implementation of criminal proceedings in the conditions of complexity and large volume of criminal cases: monograph / ed. doc. legal sciences, Professor V. N. Grigoriev. M.: Yurlitinform, 2022. 183 p. (In Russ.)
3. Grigoriev V. N., Terekhov A. Yu. On the relationship and correlation of acts of initiation of a criminal case and involvement as an accused // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (94). P. 79–90. (In Russ.)
4. Grigoriev V. N., Terekhov A. Yu. Initiation of a criminal case and involvement as an accused // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (95). P. 61–70. (In Russ.)

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сомова Станислава Владиславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 91, 92, частью первой статьи 108, статьями 171 и 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 г. № 2475-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2023).

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г. № 89-УДП20-10 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.02.2023).

Информация об авторах:

Григорьев В. Н., доктор юридических наук, профессор;
Терехов А. Ю., кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

Grigoriyev V. N., Doctor of Law, Professor;
Terekhov A. Yu., Candidate of Law. Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

**ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПРОФИЛАКТИКИ****Наталья Николаевна Окутина¹, Любовь Владимировна Забелич²**^{1,2} Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия,¹ocutina@mail.ru, ²zabelich@gmail.com

Аннотация. Преступность несовершеннолетних вполне обоснованно следует считать одним из показателей социального развития государства. Однако высокая латентность рассматриваемого вида преступности осложняет процесс установления ее реальной динамики и фактического уровня. В данной статье авторами предпринята попытка изучения отдельных аспектов состояния преступности несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества. Среди социальных факторов, влияющих на формирование преступности несовершеннолетних, авторами рассматриваются семейное неблагополучие, негативное влияние окружения, отсутствие досуговой деятельности, а также негативное воздействие информационно-телекоммуникационных сетей и средств массовой информации. Предметом исследования выступили статистические данные об уровне преступности несовершеннолетних в России. Методологию исследования составили общенаучные методы: анализ, синтез, индукция и частнонаучные методы сравнения данных о состоянии изучаемого вида преступности. Авторами рассмотрены отдельные правоприменительные проблемы, предложены пути их решения в целях профилактики преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, преступность, личность преступника, предупреждение, профилактика преступного поведения.

Для цитирования: Окутина Н. Н., Забелич Л. В. Преступность несовершеннолетних в России: состояние и меры профилактики // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 114–121.

Original article

**JUVENILE DELINQUENCY IN RUSSIA:
CONDITION AND PREVENTIVE MEASURES****Natalya N. Okutina¹, Lyubov V. Zabelich²**^{1,2} Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia,¹ocutina@mail.ru, ²zabelich@gmail.com

Abstract. Juvenile delinquency should reasonably be considered one of the indicators of the social development of the state. However, the high latency of this type of crime complicates the process of establishing its real dynamics and actual level. In this article, the authors attempt to study certain aspects of juvenile delinquency at the present stage of development of Russian society. Among the social factors influencing the formation of juvenile delinquency, the authors consider family problems, the negative impact of the environment, the lack of leisure activities, as well as the negative impact of information and telecommunications networks and mass media. The study focused on statistical data on the level of juvenile delinquency in Russia. The methodology of the study consisted of general scientific methods: analysis, synthesis, induction and private scientific methods of comparing data on the state of the studied type of crime. The authors considered some law enforcement issues, proposed ways to solve them in order to prevent juvenile delinquency.

Keywords: juvenile delinquency, criminality, criminal identity, prevention, prevention of criminal behavior.

For citation: Okutina N. N., Zabelich L. V. Juvenile delinquency in Russia: condition and preventive measures // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 114–121.

В настоящее время преступность несовершеннолетних – это одна из самых актуальных проблем, стоящих перед государством и обществом. Подтверждением тому является тот факт, что тема преступности несовершеннолетних стала основной на февральском заседании коллегии МВД России в 2022 г., в рамках которой Президент России В. В. Путин заявил о необходимости сформировать единую государственную систему по ее предупреждению.

На современном этапе развития отечественной уголовно-правовой науки многие ученые, представители институтов гражданского общества, органов государственной власти, сотрудники правоохранительных органов заняты изучением этой проблемы и поиском ее решения. В последние годы вопросы преступности несовершеннолетних стали предметом рассмотрения широкого круга представителей отечественной уголовно-правовой школы: А. Л. Санташова [1], Н. Н. Болтенко [2], А. Н. Малышевой [3], З. Л. Шхагапсоевой [4], И. В. Романовской [5] и т. д.

Существующие в настоящее время известные методы профилактики правонарушений нуждаются в переосмыслении, требуют новых подходов и действующие межведомственные программы. Определенные шаги в обозначенном направлении уже предприняты. В частности, в 2022 г. в рамках государственной политики в интересах детей и молодежи было учреждено всероссийское движение школьников «Большая перемена». Однако борьба с преступностью несовершеннолетних весьма многогранна и должна включать в себя целый комплекс мероприятий, в их числе и правовое оздоровление – это важнейший шаг на пути к декриминализации всего нашего общества.

Преступность несовершеннолетних представляет угрозу национальной безопас-

ности, поскольку способствует распространению криминального образа жизни. Кроме того, преступность несовершеннолетних характеризуется высокой степенью латентности и служит основой для «взрослой» преступности. В частности, согласно статистическим исследованиям, каждый второй рецидивист совершил свое первое преступление до своего совершеннолетия, т. е. до достижения возраста 18 лет. Это обуславливается тем, что «именно в юном возрасте личность наиболее подвержена внешним негативным факторам, криминальной субкультуре, преступному окружению» [6, с. 170].

Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации за последние 10 лет наметилась положительная тенденция сокращения преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В 2021 г. данный показатель достиг абсолютного минимума – 31 865 преступлений, что более чем в два раза меньше, чем в 2011 г. Только за минувшие пять лет удалось снизить преступность подростков на 30 %. Таким образом, наглядно прослеживается тенденция ежегодного сокращения данной группы преступлений, но тем не менее показатели остаются достаточно высокими.

Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 г. свидетельствуют о том, что доля несовершеннолетних, осужденных за совершение преступлений в структуре численности всех приговоренных к уголовной ответственности за групповые преступления, составила порядка 8 %. Однако серьезную обеспокоенность вызывает ситуация в отдельных регионах страны, где коэффициент преступности несовершеннолетних существенно превышает общенациональный показатель. К таковым относятся Республика Карелия (6,7 %), Магаданская (6,7 %) и Новгородская области (6,1 %) ¹.

¹ Показатель удельного веса преступлений, совершенных несовершеннолетними, от общего числа расследованных преступлений.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на протяжении последних восьми лет порядка 49–50 % несовершеннолетних, совершивших преступления, были осуждены за кражу. Это позволяет утверждать о преимущественно корыстном умысле при совершении несовершеннолетними преступлений. Формально они могут выражаться в зависти, фактах поиска дополнительных материальных средств, неудовлетворительном материальном состоянии семьи.

Более 3 % несовершеннолетних в 2021 г. в России были осуждены за совершение насильственных преступлений, что подтверждает наличие эмоциональной готовности подростков к реальному проявлению враждебности и причинению физического вреда (см. таблицу).

Особую обеспокоенность вызывает вовлечение несовершеннолетних в рассматриваемую преступную деятельность. Согласно статистическим данным, 30,4 % от общего числа лиц, совершающих убийства по экстремистским мотивам, – несовершеннолетние. Риск развития экстремистских установок среди несовершеннолетних можно охарактеризовать в качестве серьезного «вызова» для систем молодежной политики в мировом масштабе [7, с. 36].

Радикализация изучаемой возрастной группы является одной из острейших международных проблем, которая требует комплексного решения. В противном случае «деформированное» правосознание молодежи, состоящей в джихадистских и неонацистских группах, сегодня станет серьезной

Таблица – Характеристика осужденных в возрасте от 14 до 17 лет в Российской Федерации¹

Преступления	Год / удельный вес преступлений (%)								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Убийство и покушение на убийство	0,9	1,0	1,0	1,0	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	2,8	3,2	3,2	2,6	2,6	2,5	3,1	2,5	2,7
Изнасилование и покушение на изнасилование	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7
Кража	49,2	43,8	44,9	49,0	49,4	48,4	49,8	48,2	48,7
Грабеж	13,8	13,6	12,1	11,7	12,6	12,5	12,1	11,0	10,4
Разбой	3,5	4,3	4,1	3,5	3,5	3,3	3,2	2,9	2,7
Вымогательство	1,1	1,2	1,1	1,1	1,3	1,8	1,6	1,5	1,4
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	11,1	11,9	11,7	10,1	9,8	10,1	9,7	12,	11,7
Наркопреступления	7,3	11,5	12,4	10,4	9,4	9,6	8,4	9,0	9,5
Хулиганство	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2021 годы / Управление Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2021 г. // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 28.10.2022).

угрозой для стабильного развития стран уже завтра. Особенно в последнее время ввиду осложнившейся внешнеполитической ситуации крайне высоким оказался «градус» риторики радикалов, «проповедующих» культурное и национальное превосходство, необходимость силового решения проблем.

Анализ вышеуказанной проблемы показал отсутствие общемировой статистики по количеству совершенных преступлений на почве экстремизма, совершенных лицами, относящихся к категории молодежи, что также создает проблему разработки методов, по борьбе с радикализацией молодежи.

В 2021 г. Национальный Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет провел социологическое исследование. По результатам опроса 25 000 респондентов было установлено, что наиболее уязвимыми категориями граждан России для распространения экстремистской идеологии являются школьники и студенты (см. рисунок) [8, с. 24]. Указанный тезис вполне соотносится с призывами глав экстремистских и террористических преступных сообществ о необходимости усиления пропагандистской работы.

Экстремизм представляет собой особую форму активности несовершеннолетних, которая выходит за рамки общепринятых норм, типов, форм поведения и направлена на разрушение социальной, морально-этической и нравственной систем. К тому же идеологическим обоснованием экстремизма являются различные идеологические кон-

цепции, такие как национализм, фашизм, исламизм, и т. д.).

Экономический и социальный кризисы ведут к маргинализации населения. Обычно под удар первой попадает молодежь как наиболее незащищенная социальная группа. Деформация механизма социализации – это и есть причина появления молодежных преступных сообществ. Такое изменение направления социализации является следствием влияния психологических, социальных, экономических, политических, нравственно-духовных, организационно-управленческих факторов. Рассмотрим подробнее социальные факторы, влияющие на формирование преступности несовершеннолетних.

1. Семейное неблагополучие. В основном к таким семьям относятся те, что отличаются низким уровнем материальной обеспеченности, искажением семейной структуры, жесткостью педагогической позиции членов семьи (физическое, психическое насилие), иным аморальным и асоциальным поведением. Доля населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже установленных границ, на 2020 г. в России составила порядка 65 %. В том же году ниже прожиточного минимума получало около 12 % населения России. Также по данным за 2020 г. по Российской Федерации из 17,5 млн семей число матерей-одиночек составило более 5 млн человек, а отцов-одиночек – 655 тыс. человек (данный показатель вырос на 30 %).

В неблагополучных семьях зачастую процветает насилие, особенно к детям. Не-

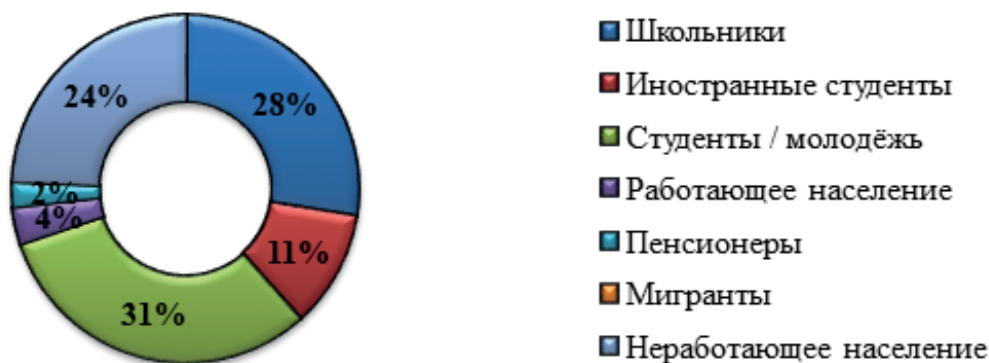


Рисунок. Уязвимость социальных групп экстремистской идеологии

смотря на то, что показатель выявленных случаев жестокого обращения с детьми в 2020 г. снизился (составляет 81 % по отношению к 2019 г.), сколько родителей на самом деле применяют насилие в отношении своих детей, сказать невозможно. Подобное поведение родителей приводит к вытеснению детей «на улицы». Количество выявленных беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в настоящее время превышает 58 тыс. человек.

2. Негативное влияние иного социального окружения, в частности одноклассников, студенческой группы, трудового коллектива и т. п. При этом отдельного внимания заслуживает такое явление, как буллинг.

3. Отсутствие досуговой деятельности. Кроме того, в условиях пандемии деятельность таких учреждений была существенно ограничена, например, сокращено количество детей в группах и сокращены лагерные смены, запрещены массовые мероприятия.

4. Тенденция увеличения негативного воздействия СМИ и Интернета в последние годы. Они оказывают существенное криминогенное влияние на массовое сознание, в том числе и среди молодых людей, в связи с широким распространением культа насилия среди подростков. Согласно анализу контента социальных сетей Рунета в 2017–2021 гг. в них действуют деструктивные объединения молодежи, такие как: националистические, движения ультра и иные.

Таким образом, указанные социальные факторы зачастую становятся тем самым фундаментом для последующего криминального поведения и формирования молодежных организованных групп.

Государство в настоящее время все чаще уделяет внимание идеологическому и патристическому воспитанию молодежи, тем самым осуществляя профилактику правонарушений среди данных лиц. Представляется, что одним из новых и эффективных направлений деятельности формируемого в 2022 г.

в нашей стране объединения школьников «Большая перемена» станет развитие традиционных нравственных целей и многонациональных традиций российского общества. Думается, что деятельность нового всероссийского движения учащихся будет способствовать достижению целей, определяемых Указом Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, главным образом, формированию понимания гражданской идентичности молодых граждан.

Кроме того, новое объединение может стать площадкой для создания единого школьного движения информационной безопасности. Его участники получают навыки ведения мониторинга деструктивного медиаконтента и формирования благоприятной информационной среды, прививающей гражданские ценности, способствующие повышению уровня правовой грамотности.

Принимая во внимание перспективу развития киберугроз, важно отметить проблему расследования данной группы преступных деяний. Учитывая возросший дефицит компетентных специалистов юристов в сфере информационных технологий, особое внимание следует обратить на формирование соответствующих информационных компетенций у студентов профильных вузов. Востребованность указанных специалистов настолько высока в настоящее время, что эта чрезвычайно важная проблема требует скорейшего решения.

Наличие проблем в рассматриваемой сфере обуславливается также неурегулированностью вопросов криминализации негативных явлений, проявляемых в интернет-пространстве, а также отсутствием в ряде составов преступлений такого квалифицирующего признака, как «использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, фактически

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации № 204 // Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 28.10.2022).

определяющего значительную общественную опасность совершения преступлений. Очевидно, что представляется целесообразным дополнить содержание отдельных норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), например, ст. ст. 119, 205.1 УК РФ, вышеуказанным положением. Также рекомендуется внести следующие дополнения в действующее уголовное законодательство России. В частности, дополнить ст. 63 УК РФ таким обстоятельством, отягчающим наказание, как «совершение преступления с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

Не вдаваясь в вопросы сущности и целей наказания несовершеннолетних, следует отметить, что социальная адаптация несовершеннолетнего призвана стать основой целеполагания. В этой связи в поле зрения правоприменителя должны входить вопросы реализации мер частной превенции на основе детального изучения личности несовершеннолетнего, а не его преступного деяния.

Среди мер профилактики преступности несовершеннолетних следует также выделить развитие служб психологической помощи в образовательных организациях, службы школьной медиации. Во многом специалисты данных служб способны оказывать существенное влияние на коррекцию правосознания несовершеннолетнего, оказывая существенную помощь правоохранительным органам в реализации профилактических мероприятий с несовершеннолетними.

В рамках настоящего исследования считаем необходимым затронуть вопрос трудоустройства. Несовершеннолетние чаще, чем лица, отнесенные к другим возрастным группам, пребывает в состоянии незанятости в силу отсутствия трудового опыта.

Подобная деформация механизма социализации, зачастую выражается в девиантном поведении.

В целях реализации долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года и снятия барьеров в трудоустройстве депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2023 г. планируют рассмотреть законопроект, призванный повысить уровень трудоустройства несовершеннолетних¹. Он предполагает внесение изменений в ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно исключить необходимость получения обязательного согласия органов опеки и попечительства при трудоустройстве несовершеннолетнего лица, достигшего возраста 14 лет. Представляется необходимым в этой связи также предусмотреть возможность дачи обязательного согласия одного из родителей несовершеннолетнего посредством Единого портала госуслуг.

Отметим, что не более 10 % несовершеннолетних преступников становятся на путь исправления. Во многом это обуславливается необходимостью дальнейшего развития действующей системы профилактики. Не умаляя результатов деятельности по предупреждению ювенальной преступности органов внутренних дел, системы образования и здравоохранения, следует рассмотреть вопрос о введении института «общественных воспитателей». Вопреки устоявшемуся мнению, согласно которому указанный институт является достижением зарубежного уголовно-исполнительного законодательства, отметим, что учреждение попечительства над несовершеннолетними преступниками берет свое начало в Российской империи во второй половине XIX века [9]. Исторический опыт в настоящее время успешно применяется в ряде субъектов Российской Федерации. Представляется

¹ О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части вопросов регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет: законопроект № 231551-8 // Система обеспечения законодательной деятельности https://sozd.duma.gov.ru/bill/231551-8#bh_note (дата обращения: 28.10.2022).

целесообразным распространить подобную практику в государственных масштабах с учетом национальных и религиозных особенностей отдельных регионов.

Кроме того, видится целесообразным разработать программы дополнительного образования для сотрудников социальных и психологических служб, правоохранительных органов, работников общеобразовательных организаций и учреждений дополни-

тельного образования, специализирующихся на работе по коррекции отклоняющегося поведения несовершеннолетних, оздоровлению условий их семейного воспитания. Указанные меры необходимо реализовывать в рамках межведомственного взаимодействия с привлечением широкой общественности, в том числе и активных представителей среди несовершеннолетних учащихся общеобразовательных организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Санташов А. Л. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2021. № 6. С. 61–63.
2. Болтенко Н. Н., Кондраткова Н. В., Черкасова Е. С. Суицидальное поведение несовершеннолетних: психолого-криминологический подход в реализации расследования // Российский следователь. 2021. № 4. С. 68–71.
3. Малышев А. Н., Заряев В. А. Профилактика рецидивной преступности несовершеннолетних // Российское правосудие. 2022. № 4. С. 73–81.
4. Шхагапсоев З. Л., Гутиева И. Г. Актуальные проблемы профилактики и борьбы с проявлениями терроризма в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 125–128.
5. Романовская И. В. Особенности детерминации преступности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 397–398.
6. Лебешев И. С. Профилактика преступлений несовершеннолетних как форма борьбы с рецидивной преступностью // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 169–171.
7. Коновалов И. А. Радикализация молодежи: основные модели и профилактика. Зарубежный опыт // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 36 – 42.
8. Восприятие экстремизма и других информационных угроз в образовательной среде // Обзор НЦПТИ. 2022. № 1 (28). С. 19–28.
9. Мнение Государственного Совета об устройстве исправительных приютов для малолетних преступников // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 41. Отд. 2-е. Спб., 1868.

REFERENCES

1. Santashov A. L. Criminological and criminal-legal aspects of countering juvenile delinquency // Russian investigator. 2021. No. 6. P. 61–63. (In Russ.)
2. Boltenko N. N., Kondratkova N. V., Cherkasova E. S. Suicidal behavior of minors: a psychological and criminological approach to the implementation of the investigation // A Russian investigator. 2021. No. 4. P. 68–71. (In Russ.)
3. Malyshev A. N., Zaryayev V. A. Prevention of recidivism of minors // Russian justice. 2022. No. 4. P. 73–81. (In Russ.)
4. Shkhagapsoev Z. L., Gutieva I. G. Actual problems of prevention and combating manifestations of terrorism in the youth environment // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 125–128. (In Russ.)
5. Romanovskaya I. V. Features of the determination of juvenile delinquency // Eurasian Legal Journal. 2022. № 1 (164). P. 397–398. (In Russ.)
6. Lebeshev I. S. Prevention of juvenile delinquency as a form of combating recidivism // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 12 (180). P. 169–171. (In Russ.)
7. Kononov I. A. Radicalization of youth: basic models and prevention. Foreign experience // Psychology and pedagogy of official activity. 2021. No. 1. P. 36–42. (In Russ.)

8. Perception of extremism and other information threats in the educational environment // Review of the NCPTI. 2022. No. 1 (28). P. 19–28. (In Russ.)

9. Opinion of the State Council on the arrangement of correctional shelters for juvenile delinquents // Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 41. 2nd ed. St. Petersburg, 1868. (In Russ.)

Информация об авторах:

Окутина Н. Н., кандидат юридических наук, доцент;
Забелич Л. В., без ученой степени.

Information about the authors:

Okutina N. N., Candidate of Law, Associate Professor;
Zabelich L. V., no academic degree.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 24.03.2023.

**ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ УБИЙСТВА
МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА (СТ. 106 УК РФ)****Айсылу Рамисовна Позднякова**Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия
Khatyamova-aislu@mail.ru

Аннотация. В статье проводится исследование признаков объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка. Автором было проведено исследование 63 приговоров за убийство новорожденного ребенка, вынесенных судами Российской Федерации с 2010 по 2021 годы по ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что деяние, направленное на убийство новорожденного, в большинстве случаев совершается путем активного действия. Выявляется необходимость совершенствования диспозиции состава преступления «убийство матерью новорожденного ребенка», предлагается его новая редакция.

Ключевые слова: лишение жизни, признак потерпевшего, новорожденный ребенок, действие, бездействие, привилегированное убийство.

Для цитирования: Позднякова А. Р. Особенности признаков объективной стороны убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 122–127.

Original article

**FEATURES OF THE SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE
OF THE MURDER OF A NEWBORN CHILD BY A MOTHER
(ARTICLE 106 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)****Aisylu R. Pozdnyakova**Kazan Law Institute of the Ministry of Internal of Russia,
Kazan, Russia, Khatyamova-aislu@mail.ru

Abstract. The article examines the signs of the objective side of the corpus delicti, which provides for responsibility for the murder of a newborn child by a mother. The author conducted a study of 63 sentences for the murder of a newborn child, handed down by the courts of the Russian Federation from 2010 to 2021 under Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the act aimed at killing a newborn is in most cases committed through active action. The need to improve the disposition of the composition of crime “murder of a newborn child by a mother” is revealed, its new version is proposed.

Keywords: deprivation of life, sign of the victim, newborn child, action, inaction, privileged murder.

For citation: Pozdnyakova A. R. Features of the signs of the objective side of the murder of a newborn child by a mother (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 122–127.

Убийство является одним из давних и тяжких преступлений. Общественная опасность данного преступления очевидна, поскольку в результате невосвратимо утрачивается ценнейшее благо – жизнь.

Ответственность за убийство новорожденного ребенка предусмотрена п. «в» ч. 2 ст. 105 и ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Законодатель с введением УК РФ впервые предусмо-

трел привилегированный состав убийства новорожденного. Согласно УК РСФСР 1960 г., в случае убийства матерью новорожденного ребенка, ответственность предусматривалась на общих основаниях, санкция статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы от трех до десяти лет.

Наличие привилегированного состава убийства новорожденного ребенка в УК РФ до сих пор вызывает дискуссию. В частности, спорными представляются признаки объективной стороны состава ст. 106 УК РФ, имеющей сложную конструкцию.

В диспозиции состава ст. 106 УК РФ состав преступления описывается как совершение действия. Однако, не исключается совершение убийства и путем бездействия. Э. Ф. Побегайло указывает, что ответственность за убийство путем бездействия может быть признана исключительно по признаку обязанности субъекта действовать [1, с. 28]. Согласно норме ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации, родители обязаны заботиться о своем ребенке.

Объективная сторона преступления имеет важное значение при отграничении убийства от смежного состава «оставление в опасности». В доктрине доминирует положение о том, что значимым критерием разграничения этих составов является субъективная сторона: при умышленном поставлении в опасность, в результате которого наступила смерть, при наличии умышленного отношения к последствиям, деяние надлежит квалифицировать как убийство [2, с. 120; 3, с. 13, 14]. Однако, следует отметить, что установление умысла виновного зачастую следует из анализа объективной стороны деяния, как элемента, легче поддающегося исследованию и конкретизации.

Е. В. Серегина указывает, что оставление ребенка в опасных для жизни условиях, исключающих возможность выживания, – признак лишения жизни новорожденного путем бездействия [4, с. 88]. Так, Г. находясь

в саду, родила младенца женского пола, после чего решила убить новорожденного ребенка. Реализуя свой преступный умысел, Г. сделала рядом с собой в земле углубление, куда положила обнаженного новорожденного ребенка, присыпала его землей и ушла домой. Новорожденный ребенок скончался на указанном месте в результате острой гипотермии (переохлаждения). Подсудимая Г. в судебном заседании вину в инкриминируемом ей деянии признала частично, показав, что умысла на убийство ребенка у нее не было, в саду оставила, чтобы его нашел кто-либо из лиц, гуляющих с собаками, и настаивала на переквалификации преступления по ст. 125 УК РФ. Суд к показаниям Г. отнесся критически, указав в приговоре, что осуществление родов в безлюдном месте, в антисанитарных условиях, в холоднее время года (при температуре воздуха от 4,0 до 6,8 градусов и температуре почвы от 3,0 до 8,2 градусов С), помещение ребенка в специально созданное для этих целей углубление, присыпание землей и оставление матерью в условиях, исключающих жизнедеятельность новорожденного, свидетельствуют об умысле подсудимой на убийство¹. Судом действия Г. были квалифицированы по ст. 106 УК РФ. Описанная в приговоре оценка суда служит наглядным примером разграничения ст. 106 и ст. 125 УК РФ по признакам объективной стороны преступления.

Думается, что поставление ребенка в условия, в которых он не может выжить или создание таких условий, является совершением убийства в форме действий, поскольку в данном случае происходит поставление жертвы в такие условия, которые исключают возможность выживания, или создание таких условий. Это не может не осознаваться виновным лицом и свидетельствует о его умысле на убийство.

Убийство является преступлением с материальным составом и считается оконченным в момент наступления общественно

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 14.04.2011 г. // Доступ из справ.-правовой системы «Право.ru». URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/16867401/14350497/> (дата обращения: 25.02.2022).

опасного последствия в виде смерти. В случае, если смерть новорожденного не наступила по независящим от виновного обстоятельствам, деяние подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 ст. 106 УК РФ.

Для наличия причинной связи деяния и последствия необходимы следующие условия: действие (бездействие) должно быть до наступления смерти или иных последствий (в случае покушения), являться обстоятельством, обуславливающим наступление смерти, или создавать реальную возможность наступления последствия – смерти.

Объективная сторона состава ст. 106 УК РФ в качестве обязательных признаков включает также обстановку совершения преступления и время. Диспозиция нормы указывает на 4 признака объективной стороны: 1) во время родов; 2) сразу же после родов; 3) в условиях психотравмирующей ситуации; 4) в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости. Указанные признаки являются привилегирующими, что позволяет разграничить состав ст. 106 с составом п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Время совершения преступления – это конкретный временной период, характеризующийся определенным событием либо временным промежутком [5, с. 135]. Описание законодателем времени в формулировке «сразу же после родов» является не конкретным. С. Бородин писал, что преступление совершается в небольшой промежуток времени, который подлежит определению в каждом конкретном случае. При этом, если мать начала кормить ребенка, то следует считать, что период «во время или сразу же после родов» завершился [6, с. 174]. Подобного мнения придерживается также Н. В. Лысак, полагая, что рассматриваемый период не должен составлять длительный временной промежуток [7, с. 18]. Некоторыми авторами указывается, что признак состава «непосредственно после родов» следует отнести к оценочным [8, с. 94–114]. Т. Н. Нуркаева указывает, что период «сразу после родов» должен быть для всех одинаковым и ограниченным сутками с момента родов, поскольку психологическое и физио-

логическое состояние женщины в этот временной интервал наиболее приближенное к состоянию во время родов [9, с. 57–58].

В медицинской литературе период «после родов» указывается как последовый период и начинается он после изгнания плаценты [10, с. 382]. Однако вряд ли он применим для целей уголовного права, так как возможны случаи и его задержки. В связи с этим определить однозначно временной интервал периода «сразу же после родов» нельзя, поскольку он является индивидуальным для каждой родильницы. Получается, что термин «сразу же после родов» является дискуссионным с точки зрения определения его границ, расплывчатым, не поддающимся конкретизации.

Еще одним признаком, характеризующим обстановку совершения преступления, является совершение убийства матерью новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации или психического расстройства, не исключающего вменяемости.

К психотравмирующей ситуации авторы относят следующие обстоятельства: психическое состояние женщины, отсутствие семьи у этой женщины и условий для проживания с ребенком [6, с. 178], возникновение беременности в результате сексуального насилия, отсутствие средств к существованию, травля со стороны родственников, отказ отца ребенка признавать его, отклонения в здоровье ребенка, излишняя беспокойность новорожденного [11, с. 116]. Вместе с тем, бесспорно, что «психотравмирующая ситуация» подлежит установлению в каждом конкретном случае. Она является ключевым элементом привилегированности убийства матерью новорожденного ребенка. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, характеризуется психическими аномалиями, которые подлежат установлению судебно-медицинским экспертом.

Выборочное исследование 63 приговоров по ст. 106 УК РФ, вынесенных судами Российской Федерации в течение последних 10 лет, показало, что в 54 случаях виновная женщина была осуждена за убийство ново-

рожденного, совершенное сразу же после родов, при этом каких-либо временных болезненных состояний психики по результатам судебно-психиатрических экспертиз обнаружено не было. Признак «во время родов» был указан в трех приговорах. В остальных 5 случаях убийство было совершено в условиях психотравмирующей ситуации, в одном – в условиях психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключающего вменяемости.

Одним из редких случаев привлечения к уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ в условиях психотравмирующей ситуации и психического расстройства, не исключающего вменяемости, является следующий приговор. Так, Д., являясь матерью, совершила убийство своего новорожденного ребенка сразу после родов в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, при следующих обстоятельствах: Д. родила ребенка мужского пола, и, осознавая, что он является живорожденным, желая скрыть факт родов, решила убить его. С этой целью Д. сдавила шею новорожденного ребенка, тем самым лишив доступ кислорода к органам дыхания потерпевшего, и удерживала его в таком состоянии до момента, пока последний не перестал подавать признаки жизни. Смерть новорожденного ребенка наступила на месте происшествия в результате механической странгуляционной асфиксии в результате сдавления органов шеи тупым плотно-эластичным предметом (руками) при давлении. При оценке ситуации преступления Д. не могла в полной мере осознавать фактический характер своих действий и руководить ими. Во время совершения инкриминируемого деяния Д. находилась в состоянии эмоционального напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, которое в сочетании с индивидуально-психологическими особенностями, обусловленными психическим расстрой-

ством, оказало влияние на поведение Д. в указанной ситуации¹.

Результаты анализа судебной практики доказывают, что многие убийства совершаются сразу же после родов и зачастую не обусловлены особым психическим состоянием роженицы. Думается, это вряд ли верно, в случаях совершения преступления с заранее обдуманном умыслом, из эгоистических побуждений, только в связи со временем совершения преступления.

Исследование способов совершения убийств новорожденных показало насколько многообразны, циничны и хладнокровны действия убийц, в том числе матерей жертв преступлений. Согласно проведенного исследования 63 приговоров за убийства, совершенные в отношении новорожденного ребенка, физический признак действия проявлялся в следующем: нанесение удара в область головы, нанесение колото-резаных ран ножом, смывание ребенка в унитаз, помещение в помойное ведро, оставление в выгребной яме туалета, сбрасывание с высоты, нанесение множественных ударов кулаком по телу, обертывание в пакет, оставление в ванной, наполненной водой, помещение в морозильную камеру, удушение.

Следует отметить, что женщина в современном мире имеет широкие возможности отказаться от ребенка в родильном отделении. Кроме того, в некоторых городах имеются «беби-боксы», в которых женщина анонимно имеет возможность оставить своего ребенка, развита система установления опекунов и передачи ребенка приемным родителям. В связи с этим, думается, что смягчение ответственности за детоубийство, при отсутствии психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, излишне. Кроме того, представляется, что это не согласуется с принципом справедливости, отраженным в ст. 6 УК РФ, и закрепленным в ст. 67.1 Конституции Российской

¹ Приговор Лузского районного суда Кировской области от 17 июля 2020 г. по делу № №1-49/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «Судебные и нормативные акты РФ». URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.02.2022).

Федерации положением, согласно которому дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации.

В. Л. Сердюк отмечает, что жестокость матери является иллюзией жестокости по сравнению с жестокостью других умышленных убийств, если вникнуть в суть психологии формирования мотива убийства [12, с. 182]. В подтверждение своей позиции он приводит историю уголовного преследования несовершеннолетней М., подозреваемой в совершении преступления предусмотренного ст. 106 УК РФ. М. была отвергнута родителями, отцом ребенка, пыталась совершить аборт и самоубийство из-за страха жизни с новорожденным ребенком без поддержки близких [12, с. 183]. Данный пример, на наш взгляд, наглядно показывает наличие психотравмирующей ситуации у М., в условиях которой и было совершено преступление.

К. В. Дядюн указывает, что изначально закрепление критерия «во время родов или сразу же после родов» обусловлено именно особым психическим состоянием женщины. Несмотря на то, что законодателем на это прямо не указано, не вызывает сомнения, что именно особое психическое состояние женщины является главным аргументом при отнесении исследуемого состава убийства к числу привилегированных [13, с. 14–19].

Эта позиция представляется убедительной. Думается, что признаки – психотравмирующая ситуация или состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости, являются ключевыми при при-

знании убийства новорожденного привилегированным. Полагаем, что отсутствие каких-либо отклонений в психологическом состоянии матери, при совершении убийства, должно исключать ответственность по ст. 106 УК РФ и предполагать квалификацию по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В связи с этим полагаем, что диспозиция статьи 106 УК РФ нуждается в изменении.

Таким образом, проведенный анализ признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ позволяет сделать следующие выводы:

1. Убийство новорожденного может быть совершено путем как действия, так и бездействия. При этом в большинстве случаев имеет место убийство новорожденного путем активного действия субъекта.

2. В подавляющем большинстве случаев убийств новорожденных, квалифицированных по ст. 106 УК РФ, привилегированным признаком выступает признак, отражающий время совершения преступления – «сразу же после родов», при отсутствии признаков «в условиях психотравмирующей ситуации», «в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости».

3. В целях охраны жизни новорожденных лиц предлагается исключить смягчающие признаки убийства новорожденного «во время» и «сразу же после родов» и изложить диспозицию ст. 106 УК РФ в новой редакции: «Убийство матерью новорожденного ребенка, обусловленное психотравмирующей ситуацией или психическим расстройством, не исключающим вменяемости...».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Побегайло Э. Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Воронеж, 1965. 206 с.
2. Александрова Н. Г. Ответственность за оставление в опасности по уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. 186 с.
3. Горелик И. И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 72 с.
4. Серегина Е. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты охраны жизни новорожденного ребенка: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 219 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. М.: Проспект, 2014. 448 с.

6. Бородин С. В. Преступления против жизни. СПб: Юридический центр Пресс, 2003. 467 с.
7. Лысак Н. В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18. С. 16–19.
8. Антонян Ю. М., Гончарова М. В., Кургузкина Е. Б. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Противодействие преступности. 2018. № 3. С. 94–114.
9. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод. Вопросы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2017. 255 с.
10. Петровский Б. В. Популярная медицинская энциклопедия: в 1 Т. М.: Советская энциклопедия, 1987. 704 с.
11. Ткаченко В. В., Ткаченко С. В. Уголовная ответственность за убийство: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 144 с.
12. Сердюк Л. В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. М.: Юрлитинформ, 2002. 384 с.
13. Дядюн К. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: вопросы объективной стороны состава // Адвокат. 2013. № 11. С. 14–19.

REFERENCES

1. Pobegailo E. F. Intentional murders and struggle against them. Criminal law and criminological research. Voronezh, 1965. 206 p. (In Russ.)
2. Alexandrova N. G. Responsibility for leaving in danger under criminal law: dis. ... cand. legal sciences. Moscow, 2000. 186 p. (In Russ.)
3. Gorelik I. I. Responsibility for leaving in danger under Soviet criminal law. M.: State publishing house of legal literature, 1960. 72 p. (In Russ.)
4. Seregina E. V. Criminal law and criminological aspects of protecting the life of a newborn child: dis. ... cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2004. 219 p. (In Russ.)
5. Criminal law. General part: textbook / ed. A. N. Tarbagaeva. M.: Prospekt, 2014. 448 p. (In Russ.)
6. Borodin S. V. Crimes against life. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 467 p. (In Russ.)
7. Lysak N. V. Some controversial issues of qualifying the murder of a newborn child by a mother // Russian investigator. 2008. No. 18. P. 16–19. (In Russ.)
8. Antonyan Yu. M., Goncharova M. V., Kurguzkina E. B. Murder of a newborn child by a mother: criminal law and criminological problems // Counteracting crime. 2018. No. 3. P. 94–114. (In Russ.)
9. Nurkaeva T. N. Criminal law protection of the individual, her rights and freedoms. Questions of theory and practice: monograph. M.: Prospekt, 2017. 255 p. (In Russ.)
10. Petrovsky B. V. Popular medical encyclopedia: in 1 T. M.: Soviet encyclopedia, 1987. 704 p. (In Russ.)
11. Tkachenko V. V., Tkachenko S. V. Criminal liability for murder: monograph. M.: INFRA-M, 2018. 144 p. (In Russ.)
12. Serdyuk L. V. Violence: criminological and criminal law research. M.: Yurlitinform, 2002. 384 p. (In Russ.)
13. Dyadyun K. V. Murder by a mother of a newborn child: questions of the objective side of the composition // Lawyer. 2013. No. 11. P. 14–19. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 18.10.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 01.03.2022; approved after reviewing 18.10.2022; accepted for publication 24.03.2023.

**О ПРИНЦИПЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****Павел Михайлович Титов**

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, titov1995@ya.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируется сфера действия принципа состязательности в досудебных стадиях уголовного процесса. Рассматриваются спорные вопросы осуществления судебного контроля за органами предварительного расследования, утверждается, что суд не разрешает спор, а проверяет и оценивает законность ходатайств органов предварительного расследования. Аргументируется необходимость учета судом позиций как прокурора, так и следователя, при несовпадении подходов указанных участников судопроизводства. Обосновывается правомерность отнесения следователя к стороне обвинения, акцентируется внимание на том, что реализация функции обвинения несовместима с обвинительным уклоном.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, состязательность, смешанный уголовный процесс, предварительное расследование, судебный контроль, сторона обвинения, следователь.

Для цитирования: Титов П. М. О принципе состязательности в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 128–134.

Original article

ON THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS**Pavel M. Titov**Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian, Ekaterinburg, Russian
titov1995@ya.ru

Abstract. The article deals with the issues of the adversarial principle in the criminal proceedings of the Russian Federation. The scope of the adversarial principle in the pre-trial stages of the criminal procedure is analyzed. The controversial issues of the implementation of judicial control over the bodies of preliminary investigation are considered, it is claimed that the court does not resolve the dispute, but checks and evaluates the legality of the petitions of the bodies of preliminary investigation. It is argued that the court should take into account the positions of both the prosecutor and the investigator, if the approaches of these participants in the proceedings do not coincide. The legitimacy of referring the investigator to the side of the prosecution is substantiated, attention is focused on the fact that the implementation of the function of the prosecution is incompatible with the accusatory bias.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, competitiveness, mixed criminal procedure, preliminary investigation, judicial control, prosecution, investigator.

For citation: Titov P. M. On the adversarial principle in criminal proceedings // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 128–134.

Начало 1990-х годов для российского уголовного судопроизводства характеризуется воплощением в основу правового регу-

лирования либеральных идей. В Концепции судебной реформы в РСФСР¹ предлагались весьма революционные изменения норма-

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР: Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=15&nd=102012853 (дата обращения: 24.08.2022).

тивной регламентации уголовно-процессуальной деятельности. Многие из этих идей были реализованы в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), принятом в 2001 г. и вступившим в силу в 2002 г. Во многом изменилась парадигма уголовного процесса в сравнении с ранее действующим законодательством. Если УПК РСФСР провозглашал приоритет публичного начала, то УПК РФ, не отказываясь от публичности как фундамента уголовного судопроизводства, значительно сместил акценты, выводя на первый план состязательность уголовно-процессуальной деятельности.

При этом, как справедливо отметил А. В. Смирнов, «в теории судопроизводства в качестве идеальных типов фигурируют понятия состязательного и розыскного процессов. Но ни одна реальная уголовно-процессуальная система не знает состязательных или розыскных процедур в их абсолютно чистом виде. Каждый позитивный порядок процесса, в отличие от идеального, есть результат исторических наслоений, воплощающий в той или иной степени обе названные модели» [1, с. 14]. С этим мнением необходимо согласиться. Никакой порядок судопроизводства не может долгое время оставаться в первозданном виде, поскольку реальная действительность намного сложнее абстрактных схем, и нормативная регламентация должна «подстраивать» под потребности общества те цели, которые оно ставит перед уголовно-процессуальной деятельностью. Соответственно, должны учитываться конкретные исторические, социальные и иные обстоятельства, в контексте которых существует и модернизируется уголовное судопроизводство. Дореволюционный теоретик И. Я. Фойницкий в связи с этим верно отметил: «всякий положительный процесс – есть продукт исторических наслоений, совмещающий оба порядка, и в чистом виде действительности не известен ни розыскной, ни состязательный порядок, так как всякий положительный процесс складывается из институтов того и другого» [2, с. 61].

Построение уголовного судопроизводства на состязательных началах предполагает разрешение спора на основе состязания самих сторон, доказывание самими заинтересованными лицами оспариваемых фактов, применяемых правовых норм и их толкования. Состязательность означает разделение функций обвинения и защиты между различными сторонами, невозможность совмещения этих функций и отделение суда от сторон. В таких условиях стороны процессуально равноправны. При этом, как уточняет А. М. Ларин, «состязательность – не равенство сторон, а их равные права в процессе доказывания. Ни о каком фактическом или юридическом равенстве не может быть и речи. Равенства сторон нет и не может быть, а их равноправие абсолютно необходимо как органическая часть принципа состязательности» [3, с. 57].

Следует отметить, что состязательное построение судопроизводства не отрицалось и до принятия УПК РФ. Другой вопрос, что в период действия УПК РСФСР состязательность распространялась только на судебные стадии производства.

Закрепление Конституцией Российской Федерации состязательности как основного начала уголовного судопроизводства, не разграничивая действие этого начала в досудебных и судебных стадиях, привело некоторых ученых к выводу, что отныне состязательность должна одинаково распространяться на все стадии уголовного процесса [4].

Вместе с тем такой подход вызвал неприятие другой части специалистов. Так, В. Ю. Стельмах отмечал, что «главным препятствием в вопросах внедрения тотальной состязательности уголовного судопроизводства выступают прагматические и рациональные соображения. По сути, предлагаемый путь ввергнет российскую правоприменительную практику в абсолютно непродуманный и необоснованный эксперимент. Гораздо правильнее сосредоточиться не на утопических по своей сущности идеях полной смены типа уголовного судопроизводства, а на совершенствовании существующих процессуальных конструкций» [5, с. 299].

Действующий УПК РФ в принципе сохранил построение досудебных процессуальных стадий по розыскному типу, но с широким внедрением элементов состязательности. Так, предусмотрен судебный контроль за предварительным расследованием, невластные участники судопроизводства получили значительные правомочия по участию в собирании доказательств путем не только заявления ходатайств следственным органам, но и путем самостоятельного получения информации, представляющей доказательственную ценность.

Внедрение состязательных начал в досудебное производство объективно диктует необходимость значительной корректировки теоретических представлений о содержании функций уголовного процесса, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [6].

В частности, представляет интерес содержание функций суда. В условиях состязательного типа уголовного судопроизводства основное предназначение суда – разрешение спора между сторонами обвинения и защиты. При этом, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «возложение на суд обязанности в той или иной форме выполнять функцию обвинения препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия»¹. Вместе с тем осуществление судебного контроля за органами предварительного расследования вряд ли можно считать разрешением спора. Если при избрании мер процессуального принуждения спор между сторонами обвинения и защиты в какой-то мере имеет место, поскольку представители обеих сторон приглашаются в судебное заседание, в котором рассматривается соответствующее ходатайство органа предварительного расследования, то при разрешении ходатайств о производстве следственных действий ситуация иная. Та-

кие ходатайства рассматриваются без участия лица, в отношении которого планируется проведение следственного действия.

Нельзя полагать, что суд как бы заменяет собой отсутствующую сторону защиты и обязан оценить те аргументы, которые гипотетически выдвинула бы эта сторона, если была бы допущена к участию в судебном заседании. Суд в любом случае не вправе изначально переходить на позицию какой-либо стороны и представлять эту сторону в судебном заседании. Более того, предназначение суда при рассмотрении ходатайств в порядке предварительного судебного контроля – оценить законность и обоснованность данных ходатайств без предрешения вопроса о виновности того или иного лица в инкриминируемом деянии. Исходя из этого, для разрешения таких ходатайств, в отличие от рассмотрения дела по существу, суду достаточно изучения материалов, представленных стороной, инициирующей ходатайство (то есть органом предварительного расследования).

Кроме того, нельзя считать, что суд должен разрешать спор «внутри» стороны обвинения – между прокурором и следственным органом. В практической деятельности иногда складывается ситуация, когда представитель прокуратуры не поддерживает ходатайство органа предварительного расследования. Однако нельзя утверждать, что суд призван разрешать подобный спор. Во-первых, наличие такого спора изначально не подразумевается, такой спор не лежит в основе положения, он далеко не обязателен и возникает далеко не во всех случаях. Этим указанный спор отличается от спора сторон при избрании меры процессуального принуждения, когда сторона защиты всегда отстаивает необходимость избрания менее строгой принудительной меры. Во-вторых, разрешение спора между представителями

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений ст.ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1.

одной стороны в принципе не следует относить к компетенции суда. В связи с этим при осуществлении судебного контроля суд не разрешает спор различных государственных органов, представляющих одну сторону, а лишь оценивает законность и обоснованность заявленного ходатайства.

При этом весьма упрощенной представляется иногда выдвигаемая в научной литературе точка зрения о принципиальной недопустимости спора между прокурором и следователем и абсолютном приоритете в подобном случае позиции прокурора [7, с. 8]. Необходимо учитывать, что предварительное расследование осуществляет не прокурор, а следователь либо дознаватель. Именно эти субъекты ответственны за принятие по делу законного и обоснованного решения, для чего требуется формирование фактической базы, что, в свою очередь, осуществляется прежде всего путем проведения следственных действий. Исходя из этого, орган предварительного расследования должен иметь право на собственную точку зрения относительно целесообразности производства тех или иных следственных действий, и на то, чтобы его позиция была полноценно доведена до сведения суда и учтена им. Нельзя не учитывать и то, что суд обязан принимать по любому рассмотренному им материалу собственное решение, не сводящееся к дублированию и воспроизведению позиции одной из сторон. Таким образом, при разногласиях прокурора и следственного органа по вопросу о рассмотрении ходатайств об избрании меры процессуального принуждения или производстве следственного действия, суд обязан учесть мнения каждого из названных субъектов, оценить их и принять собственное решение [5, с. 299; 8, с. 161–162].

При этом не следует включать в компетенцию суда разрешение споров прокурора и органа предварительного расследования, касающихся реализации прокурором своих надзорных полномочий за следствием и дознанием. В частности, суд не должен наделяться правомочиями по рассмотрению жалоб следователей и дознавателей на полученные от прокуроров указания либо на

принятие прокурорами процессуальных решений. Правовая природа отмеченных ситуаций такова, что они, безусловно, подлежат разрешению в рамках системы органов, отнесенных к уголовному преследованию. Включение суда в подобные споры противоречит функциям судебного органа, поскольку неминуемо повлечет поддержку судом одной из позиций, а следовательно, связанность суда этой позицией при последующем рассмотрении уголовного дела.

Еще одна немаловажная проблема в условиях наличия элементов состязательности в досудебном производстве – это место в соответствующей конструкции следователя. Ю. К. Якимович обозначил в качестве проблемы, что следователь отнесен законодателем к стороне обвинения [9, с. 111].

Вместе с тем необходимо исходить из того, что функция обвинения – это не обвинительный уклон в расследовании. Реализация функции обвинения подразумевает точное выяснение всех обстоятельств преступления для привлечения к уголовной ответственности лица, реально причастного к совершению данного деяния, поскольку только таким образом уголовное судопроизводство выполнит свое социальное предназначение [10]. При таком подходе практически все сложности устраняются. Следователь, относясь к стороне обвинения, обязан расследовать уголовное дело не с обвинительным уклоном, а полно, всесторонне и объективно. Именно на это однозначно нацеливают нормы УПК РФ, посвященные предмету доказывания, поскольку они подразумевают обязательное выяснение обстоятельств, не только подтверждающих, но и опровергающих виновность обвиняемого (подозреваемого), и презумпции невиновности, так как они закрепляют невозможность привлечения лица к уголовной ответственности в условиях недоказанности его виновности. Одностороннее ведение расследования, обвинительный уклон, заключающиеся в том числе в игнорировании ходатайств стороны защиты о производстве следственных действий, отказ в приобщении к уголовному делу доказательств, не соответствующих

версии следственного органа, что иногда имеет место в правоприменительной практике¹, представляет собой не реализацию следователем функции обвинения, а, напротив, грубое нарушение содержания этой функции. В подобной ситуации, помимо неустановления реального виновного, что само по себе является крайне негативным фактором, наступают и тяжелые последствия социально-политического характера – дискредитация государства как гаранта соблюдения законности и противодействия преступности. Именно с учетом изложенных факторов в ст. 16 УПК РФ закрепляется обязанность органа предварительного расследования обеспечивать законные права обвиняемых (подозреваемых). Такая конструкция в наибольшей степени соответствует месту следователя как представителя стороны обвинения в публичном уголовном процессе.

Установив непричастность к совершению преступления лица, привлеченного в качестве подозреваемого или обвиняемого, следователь обязан прекратить в отношении него уголовное преследование. При этом нельзя сказать, что следователь тем самым выполняет процессуальные действия, входящие в содержание функции защиты [11, с. 108]. Напротив, это органическое продолжение функции обвинения, поскольку прекращение уголовного преследования невиновного лица дает возможность продолжить установление того, кто реально совершил преступление.

Таким образом, уголовное судопроизводство в Российской Федерации строится на состязательных началах. При этом состязательность является не самоцелью, а важнейшим механизмом установления истины по уголовному делу, что, в свою очередь, выступает непременным условием принятия законного и обоснованного решения. Наличие у следователя сильного и дееспособного «оппонента» в лице наделенного значительными процессуальными правами

обвиняемого (подозреваемого) и защитника неизбежно стимулирует самого следователя на более качественную работу по собиранию доказательств, проверке всех версий произошедшего.

Состязательность не может одинаково проявляться на всех стадиях уголовного судопроизводства. Если судебные стадии полностью основаны на состязательности, то досудебные стадии в целом построены по розыскному типу, но с допущением наличия элементов состязательности. Именно такая конструкция является оптимальной, как с учетом романо-германской правовой системы, к которой традиционно принадлежит Россия, так и с учетом конкретных потребностей государства, общества и отдельных граждан в установлении по каждому делу лица, реального совершившего преступление.

Роль суда в осуществлении судебного контроля в досудебном производстве нельзя сводить к разрешению спора. Эта деятельность имеет более широкий круг аспектов, требующих дальнейшей научной разработки.

Следователь, относясь к стороне обвинения, обязан руководствоваться правилами объективности, полноты и всесторонности при установлении обстоятельств совершения преступления, поскольку функция обвинения не может быть реализована при наличии обвинительного уклона.

Для наиболее конкретного примера проявления принципов состязательности и равноправия будут рассмотрены случаи из судебной практики. Согласно статье 16 УПК РФ подозреваемому обеспечивается право на защиту, то есть возможность разъяснения судом, прокурором, следователем или дознавателем обвиняемому лицу его прав, и обеспечение возможности защиты всеми незапрещенными уголовно-процессуальными средствами и способами. В своей практике московский адвокат Елена Лебедева-Романова² столкнулась с обвинительным приго-

¹ Лебедева-Романова Е. Управляющий партнер адвокатского бюро г. Москвы «Лебедева-Романова и партнеры» // <https://stolypinforum.mirtesen.ru/blog/43234242220/TSentr-obschestvennyih-protsedur-Biznes-protiv-korrupsii-vruchi> (дата обращения: 24.08.2022).

² Там же.

вором в отношении двух предпринимателей, совершивших преступление в сфере экономической деятельности. Приговор опирался на признательных показаниях одного из осужденных, что смягчило его наказание и в отношении него не было вынесено строгое решение по избранию меры пресечения на время предварительного расследования по уголовному делу, второй же не признавал свою вину и в результате данного не раскаившегося поведения всю стадию предварительного расследования находился с избранной в отношении него мерой пресечения в виде заключения под стражу. Пытаясь всеми доступными и законными силами защищать свою позицию, в результате получил наказание выше среднего предела по санкции статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Не признавший себя виновным во время стадии предварительного расследования ходатайствовал о назначении судебной экспертизы, а также настаивал о проведении очных ставок с оговорившими его лицами. Несмотря на необходимость установления объективной истины и обстоятельств по уголовному делу, в праве на защиту, о котором говорится в ст. 16 УПК РФ, а именно в ходатайстве, ему было отказано. Казалось бы, право на защиту было нарушено, но следователь в данном случае использовал дискреционные полномочия, то есть действовал по своему усмотрению согласно ч. 1 ст. 191 УПК РФ. Следует сделать вывод, что следователь все-таки действовал в интересах стороны обвинения, так как очная ставка была объективно необходима в целях установления обстоятельств и истинности по уголовному делу. В практической деятельности, к глубокому сожалению, подобные неутешительные

примеры существуют. При этом, если говорить о стороне защиты, то она преследует иные цели. Даже такой представитель данной стороны процесса, как защитник, не только не наделен обязанностью, но даже не вправе направлять свои действия на сбор доказательств виновности своего доверителя.

В заключение необходимо сделать следующие выводы о том, что принцип состязательности сторон в отечественном уголовном процессе является основным на сегодняшний день. Этот вид судопроизводства регламентируется в первую очередь Конституцией Российской Федерации и уголовно-процессуальным законодательством. Теория нам показывает, что действующее законодательство является универсальным и его соблюдение – неотъемлемая часть уголовного судопроизводства, но как выяснилось на практике, большую роль играет его истолкование; а также некоторые пробелы приводят к дополнительным противоречиям и требуют доработки. Из судебной практики стало известно, что из-за вышеназванных обстоятельств и нюансов принцип состязательности осуществляется в разных объемах на различных стадиях и этапах уголовного процесса. Что касается тесно переплетенного с ним принципа равенства сторон, то в этом случае чаще всего в заведомо выигрышном положении находится сторона обвинения. Из этого следует вывод о том, что в принципе состязательности не всегда есть место равноправию, именно по этой причине данный принцип не осуществляется в полной мере, хоть он и является фундаментальным в существующем уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб: «Наука», ООО Издательство «Альфа», 2000. 224 с.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. / под ред. А. В. Смирнова. СПб: Альфа, 1996. 607 с.
3. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России. Москва, 1997. С. 57–59.
4. Кронов Е. В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 2. С. 141–149.

5. Стельмах В. Ю. Некоторые проблемы состязательности в российском уголовном процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3 (26). С. 292–302.
6. Стельмах В. Ю. Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 28–31.
7. Манова Н. С., Рыгалова К. А. Роль прокурора при решении судом вопроса о применении мер пресечения // Законность. 2017. № 12. С. 6–10.
8. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 523 с.
9. Якимович Ю. К. Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 1 (14). С. 110–118.
10. Стельмах В. Ю. Следователь как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения // Вестник Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 2. С. 37–40.
11. Латыпов В. С., Исмагилов Р. А. Размышления о законодательной классификации участников уголовного судопроизводства // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5. С. 103–111.

REFERENCES

1. Smirnov A. V. Models of the criminal process. St. Petersburg: “Nauka”, LLC “Alfa” Publishing House, 2000. 224 p. (In Russ.)
2. Foinitsky I. Ya. The course of criminal proceedings. T. 1. / ed. A. V. Smirnova. St. Petersburg: Alfa, 1996. 607 p. (In Russ.)
3. Larin A. M., Melnikova E. B., Savitsky V. M. Criminal process in Russia. Moscow, 1997. P. 57–59. (In Russ.)
4. Kronov E. V. On the implementation of the principles of competitiveness and equality of parties in the criminal process of Russia // Journal of Russian law. 2008. No. 2. P. 141–149. (In Russ.)
5. Stelmakh V. Yu. Some problems of competitiveness in the Russian criminal process // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2016. No. 3 (26). P. 292–302. (In Russ.)
6. Stelmakh V. Yu. The need for the development of theoretical ideas about criminal procedural functions // Russian justice. 2020. No. 1. P. 28–31. (In Russ.)
7. Manova N. S., Rygalova K. A. The role of the prosecutor in deciding the question of the application of preventive measures by the court // Legality. 2017. No. 12. P. 6–10. (In Russ.)
8. Stelmakh V. Yu. The system of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: problems of theory, regulation and practice: dis. ... Dr. jurid. sciences. Yekaterinburg, 2022. 523 p. (In Russ.)
9. Yakimovich Yu. K. Participants in the criminal process and subjects of criminal procedure // Bulletin of the Omsk University. Series: Law. 2008. No. 1 (14). P. 110–118. (In Russ.)
10. Stelmakh V. Yu. Investigator as a participant in criminal proceedings on the part of the prosecution // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 2. P. 37–40. (In Russ.)
11. Latypov V. S., Ismagilov R. A. Reflections on the legislative classification of participants in criminal proceedings // Lex russica. 2021. V. 74. No. 5. P. 103–111. (In Russ.)

Информация об авторе:

Титов П. М., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Titov P. M., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 01.12.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 01.12.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК: 343.13

**ПАРАДИГМА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ
ПОДОЗРЕВАЕМОМ (ОБВИНЯЕМОМ), НЕ КОРРЕЛИРУЮЩИХ
С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА (АВТОРСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ)**

Ольга Александровна Тучина

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
tuchehka@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ российского уголовно-процессуального законодательства в отношении правового регулирования мер пресечения, избираемых несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), свидетельствующий о необходимости дальнейшей их гуманизации. Предложена авторская парадигма мер пресечения, предполагающая: расширение возможностей избрания мер, которые не связаны с изоляцией от общества; минимизацию применения мер, имеющих отношение к изоляции; отражение обстоятельств, необходимых для учета при избрании меры пресечения с учетом возраста несовершеннолетия; учет правовых основ воспитательного (наряду с пресекательным) воздействия мер пресечения, которые не связаны с изоляцией; необходимость привлечения к процессу избрания мер пресечения психолога, законного представителя; особое профилактическое воздействие мер, не связанных с изоляцией (отсутствие корреляции с изменением образа жизни; с утратой семейной связи, с включением в новые социальные процессы).

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, подозреваемый, обвиняемый, меры пресечения, изоляция от общества.

Для цитирования: Тучина О. А. Парадигма мер пресечения несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), не коррелирующих с изоляцией от общества (авторская репрезентация) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 135–141.

Original article

**PARADIGM OF PREVENTIVE MEASURES FOR JUVENILE SUSPECTS
(ACCUSED) THAT DO NOT CORRELATE WITH ISOLATION FROM SOCIETY
(AUTHOR'S REPRESENTATION)**

Olga A. Tuchina

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russia, tuchehka@mail.ru

Abstract. The article analyzes the Russian criminal procedure legislation in relation to the legal regulation of preventive measures chosen by a minor suspect (accused), indicating the need for further humanization. The author's paradigm of preventive measures is proposed, which implies: expanding the possibilities of choosing measures that are not associated with isolation from society; minimizing the application of measures related to isolation; reflection of the circumstances necessary to be taken into account when choosing a preventive measure, taking into account the age of the minor; taking into account the legal foundations of the educational (along with the preventive) impact of preventive measures that are not related to isolation; the need to involve a psychologist, a legal representative in the process of choosing measures of restraint; special preventive impact of non-isolation measures (lack of correlation with lifestyle changes; with the loss of family connection, with inclusion in new social processes).

Keywords: criminal proceedings, minor, suspect, accused, preventive measures, isolation from society.

© Тучина О. А., 2023

For citation: Tuchina O. A. Paradigm of preventive measures for juvenile suspected (accused) that do not correlate with isolation from society (author's representation) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 135–141.

Прогрессивность любой правовой семьи (системы), как и отдельного государства, определяется вниманием к правам, свободам и интересам несовершеннолетних, к обеспечению их защиты, в т. ч. в сфере уголовного судопроизводства. В указанной связи российский законодатель, формируя нормы национального права, стремится соответствовать международным стандартам, направленным на гуманизацию права и отраженным во Всеобщей декларации прав человека¹, Международном Пакте о гражданских и политических правах², Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод³. Особую значимость приобрели Минимальные стандарты ООН по вопросам отправления правосудия⁴ и Конвенция о правах ребенка⁵, положения которых подчеркивают: несовершеннолетний, совершивший правонарушение, не может подвергаться произвольной изоляции от общества.

В России основы правового регулирования уголовного преследования, назначения наказания несовершеннолетним отвечают указанным международным документам, целям правосудия, что получает отражение

на высоком государственном уровне: в выступлениях Президента Российской Федерации⁶, в стратегических документах Правительства Российской Федерации⁷.

При этом, несмотря на тот факт, что несовершеннолетняя преступность признана одной из актуальных проблем всего мирового сообщества, как сложное и динамично развивающееся многофакторное социально-правовое явление, подверженное рискам криминогенного и виктимогенного характера и порождаемое комплексом детерминант вне зависимости от гендерной, этнической, конфессиональной принадлежности и социально-экономического положения [1, с. 30], озабоченность вызывает отсутствие должного внимания законодателя к системе и к правовым особенностям мер пресечения, избираемым исключительно несовершеннолетним. Изложенная позиция характеризуется научным единством: несовершеннолетие как особый возрастной период жизни влияет на комплекс прав, обязанностей субъекта права, который необходим для учета при избрании соответствующей меры пресечения [2, с. 8].

¹ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

² Международный Пакт о гражданских и политических правах Организации Объединенных Наций от 19 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

³ Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила от 29 ноября 1985 г.) // URL: <https://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁵ Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

⁶ Владимир Путин принял участие в заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации. Март. 2021 // URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 10.01.2022); Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2019–2023 годы: постановление Правительства Российской Федерации от 25 октября 2018 г. № 1272 // URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 10.01.2022).

В указанной связи полагаем: во-первых, избрание лицам возраста несовершеннолетия, преследуемым правосудием, предусмотренных законом мер пресечения должно быть реализовано посредством прогнозирования деструктивного поведения; во-вторых, мера пресечения может быть избрана в исключительных случаях, т. е. при совершении преступления, при наличии улик, а также в ситуации, когда оставление несовершеннолетнего на свободе признано опасным для общества, как и в случаях отсутствия явной возможности предъявления обвинения. При этом при избрании меры пресечения в отношении несовершеннолетнего достаточно важным является вопрос об избрании наиболее гуманной меры пресечения, т. е. не имеющей связи с изоляцией от общества.

Между тем статистика свидетельствует о значительном применении мер пресечения, коррелирующих изоляции: ежегодно удовлетворяется около 90 % ходатайств. По данным 2019 г. в отношении несовершеннолетних удовлетворено 833 из 1156 ходатайств (72,1 %) (в т. ч. 255 из 343 (74,3 %) по особо тяжким преступлениям, 329 из 577 (74,4 %) – по тяжким, 149 из 251 (59,4 %) – по преступлениям категории средней тяжести)¹. Аналогичная ситуация складывается во всех субъектах Российской Федерации. Так, в Тракторозаводском районном суде г. Челябинска за 2019 г. рассмотрено 207 ходатайств о продлении несовершеннолетним срока заключения под стражу, при этом отказано в удовлетворении четырем ходатайствам. В трех из четырех случаев мера пресечения подлежала замене на домашний

арест. В результате, в 2019 г. удовлетворено около 98 % подобных ходатайств, что соответствует данным 2020 и 2021 гг.²

Кроме того, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в 9 из 10 случаев и ее продление в 9,8 (в среднем показателе) из 10 случаев – основание для формирования впоследствии обвинительного приговора с назначением уголовного наказания в виде лишения свободы³.

Изложенное свидетельствует о необходимости изменения обвинительно-карательной направленности мер пресечения, избираемых несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, о признании в качестве приоритетных мер, которые не имеют связи с изоляцией (подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁴), личное поручительство (ст. 103 УПК РФ), а также пристав за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым (ст. 105 УПК РФ), запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) и залог (ст. 106 УПК РФ).

Данные проблемы признаны в национальной доктрине [3, с. 55; 4, с. 39], в актах Верховного Суда Российской Федерации⁵.

Прежде всего, полагаем: в целях достижения целей правосудия в результате избрания несовершеннолетним, преследуемым правосудием, мер пресечения, которые не коррелируют изоляции лица от общества, и, соответственно, уменьшения избрания мер, связанных с изоляцией, целесообразно одновременное применение двух и более мер пресечения.

¹ Судебный департамент Российской Федерации // URL: <http://www.cdep.ru> (дата (дата обращения: 10.01.2022).

² Официальный сайт Тракторозаводского районного суда г. Челябинска // URL: <http://trz.chel.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

³ Автором проведен анализ 320 уголовных дел (г. Санкт-Петербург и Ленинградская обл.) за период 2015–2020 г.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4932.

⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

В действующей редакции УПК РФ отражена возможность избрания запрета определенных действий одновременно при назначении домашнего ареста (ст. 106 УПК РФ) и залога (ст. 107 УПК РФ). Между тем позиция законодателя (ст. 106, 107 УПК РФ) в отношении возможности избрания одновременно с названными мерами запрета входит в противоречие с ч. 1 ст. 97 УПК РФ: Дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения.

В указанной связи необходимо устранить названный пробел, указав в ст. 423 УПК РФ, что при избрании мер пресечения, не коррелирующих изоляции, правоприменитель вправе возложить на правонарушителя обязанность по соблюдению одного (нескольких) запретов, что обеспечит как цели правосудия, безопасность участников процесса, так и позволит правоприменителю более часто избирать несовершеннолетним меры, не имеющие связи с учреждениями исполнительной системы.

Данная позиция получила осмысление в научном сообществе: предлагается отдельной нормой закона с учетом личности подозреваемого, обвиняемого и обстоятельств уголовного дела закрепить право за следователем, дознавателем, судом при избрании меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, избирать любые запреты определенных действий, указанные нормативно, что позволит индивидуализировать подход к каждому подозреваемому, обвиняемому, повысив эффективность мер, не имеющих отношение к изоляции [5, с. 197].

Подобным образом отражена позиция законодателя отдельных иностранных государств. Так, на основании ч. 2 ст. 60 Кодекса о правосудии в отношении несовершеннолетних 3708-III¹ к обвиняемым,

помимо иных мер пресечения, могут избираться одно, несколько мер пресечения (ч. 2 ст. 199 УПК Грузии²): запрет на осуществление определенной деятельности, профессию; обязательство находиться в указанные часы в конкретном месте (без такового); обязательство не покидать установленное место или запрет на проникновение в него; запрет на встречи с отдельными лицами; обязательство по сдаче паспорта, иного документа, удостоверяющего личность; иная мера, необходимая для целей правосудия.

Определенными особенностями российского правового регулирования характеризуется такая мера пресечения, как залог, особенности избрания которого в отношении несовершеннолетнего также требуют совершенствования. Названная мера пресечения обладает сущностью, которая должна подлежать учету при избрании несовершеннолетним: обвиняемый (подозреваемый), как и третье лицо, заинтересованные в судьбе обвиняемого (подозреваемого), в целях исключения возможности применения меры, связанной с изоляцией, исключают из личного обращения материальные блага и размещают их в депозит суда (иного правоохранительного органа, осуществляющего производство по делу), временно лишаясь вещных прав в отношении имущества. При этом при подтверждении факта уклонения от правосудия у залогодателя возникает риск, имеющий отношение к потере предмета залога посредством обращения в доход государства, мотивируя субъектов данной меры.

Несмотря на сущность залога, его преимущества, практика демонстрирует: избрание данной меры пресечения в отношении несовершеннолетних осуществляется крайне редко. Между тем в соответствии с законом залог может быть применен к данным лицам наиболее часто при наличии личного

¹ Кодекс о правосудии в отношении несовершеннолетних от 15 мая 2015 г. 3708-III // Законодательный Вестник Грузии. 2015. № 7 // URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view> (дата обращения: 10.01.2022).

² Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. // URL: <https://civil.ge/ru/archives/321436> (дата обращения: 10.01.2022).

имущества или самостоятельного источника дохода (в силу трудовой правосубъектности – ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации¹, п. «з» ч. 1 ст. 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»²).

По нашему мнению, нуждаются в совершенствовании другие положения уголовно-процессуального российского закона, регулирующие меры пресечения, не связанные с изоляцией несовершеннолетнего от общества:

– при избрании в качестве меры пресечения личного поручительства поручитель (поручители) должен устанавливаться из числа как близких родственников, так и иных родственников, близких лиц, работников образовательных организаций, в которых обучается несовершеннолетний, равно как и должностных лиц специализированных учреждений, где находится несовершеннолетний, иных лиц, которые заслуживают доверия;

– при избрании в качестве меры пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении, помимо обязательств (ст. 102 УПК РФ), возлагается обязательство еженедельно являться к избравшим данную меру пресечения следователю, дознавателю, в суд. Неявка без уважительных причин – основание для избрания более строгой меры пресечения.

Представляется, что меры пресечения, не имеющие отношение к изоляции несовершеннолетнего от общества, при этом обеспечивающие исключительность применения связанных с изоляцией от общества мер пресечения в отношении данных обвиняемых (подозреваемых), могут быть эффективно реализованы с учетом индивидуального подхода к особенностям правового статуса несовершеннолетнего [6, с. 27],

а также посредством участия в процессе избрания меры пресечения как законного представителя несовершеннолетнего, так и психолога.

В силу изложенного предлагается редакция ч. 4–11 ст. 423 УПК РФ:

«(4). При избрании меры пресечения несовершеннолетнему следователь, дознаватель, суд вправе привлекать участвовавшего в допросе либо иного психолога в целях получения заключения об особенностях личности несовершеннолетнего. При рассмотрении вопроса об избрании несовершеннолетнему меры пресечения, применяемой на основании судебного решения, суд по ходатайству сторон истребует заключение психолога об особенностях личности несовершеннолетнего.

(5). Подписка о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, просмотр за несовершеннолетним, залог, запрет определенных действий в отношении несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого могут быть избраны в качестве меры пресечения одновременно с иными мерами пресечения из данного перечня.

(6). Заключение под стражу и домашний арест избираются в качестве мер пресечения в отношении несовершеннолетнего при невозможности применения иной (иных) менее строгой меры пресечения.

(7). При избрании меры пресечения несовершеннолетнему наряду с обстоятельствами, указанными в ст. 99 УПК РФ, учитываются характер взаимоотношений с близкими и иными родственниками, с близкими лицами, педагогическими работниками образовательных организаций, в которых обучается несовершеннолетний, устанавливаемый на основании заключения психолога; уровень интеллектуального развития.

(8). При избрании несовершеннолетнему в качестве меры пресечения подписки о

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

невыезде и надлежащем поведении, помимо обязательств, предусмотренных ст.102 УПК РФ, возлагается обязательство еженедельно являться к избравшим данную меру пресечения следователю, дознавателю или в суд. Неявка без уважительных причин является основанием для избрания несовершеннолетнему более строгой меры пресечения.

(9). При избрании несовершеннолетнему в качестве меры пресечения личного поручительства поручитель или поручители определяются из числа его близких родственников, родственников, близких лиц, педагогических работников образовательных учреждений, в которых обучается несовершеннолетний, должностных лиц специализированных детских учреждений, в которых находится несовершеннолетний, иных заслуживающих доверия лиц на основании заключения психолога. При подготовке заключения психолог вправе потребовать от поручителя несовершеннолетнего представления данных, характеризующих его личность и его взаимоотношения с обвиняемым или подозреваемым.

(10). В случае отказа личного поручителя и (или) лица, осуществляющего присмотр за несовершеннолетним, от дальнейшего выполнения обязанностей либо появления иных оснований для изменения мер пресечения вопрос об изменении меры разрешается следователем, дознавателем, судом на основании заключения психоло-

га. При этом может быть принято решение о продолжении применения в качестве мер личного поручительства и (или) присмотра за несовершеннолетним с заменой лиц, выступающих в качестве поручителей, и (или) лиц, осуществляющих присмотр, и (или) с применением иной (иных) мер пресечения.

(11). При избрании несовершеннолетнему в качестве меры пресечения залога в орган предварительного расследования или в суд вносится (передается) имущество (ч. 1 ст. 106 УПК РФ), принадлежащее несовершеннолетнему, а при отсутствии такового либо в части, не покрывающей размер залога – другому физическому (юридическому) лицу».

Таким образом, эффективная трансформация национальной системы мер пресечения, применяемых к несовершеннолетним, возможна путем расширения содержания ст. 423 УПК РФ в отношении общих положений об особенностях мер, применяемых к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, системы особенностей мер пресечения и норм, регламентирующих правовые особенности каждой из мер. Предложенная концепция расширяет возможность избрания несовершеннолетним мер пресечения, не коррелирующих изоляции от общества, минимизируя применение мер, связанных с таковой, способствуя профилактике преступности, а также личной и национальной безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буренкова О. Е. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 1. С. 3–35.
2. Марковичева Е. В. Ювенальное уголовное судопроизводство. Модели, функции, принципы: монография. М., 2010. 272 с.
3. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения, состоящие в изоляции несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого: реализация международных стандартов в отечественном законодательстве // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 54–58.
4. Сердюкова Е. В., Чуниха А. А., Волкова Е. Ю. Проблемы применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых // American Scientific Journal. 2020. № 38. С. 38–42.
5. Диваев А. Б. Система мер пресечения в уголовном процессе нуждается в совершенствовании // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник трудов XXIII Международной научной конференции (Иркутск). 2018. С. 195–200.

6. Аптаева С. У., Манжукова О. А. Особенности правового регулирования статуса несовершеннолетних // Актуальные проблемы права: материалы V Международной научной конференции (г. Москва, декабрь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 26–29.

REFERENCES

1. Burenkova O. E. The current state and trends in juvenile delinquency in the Russian Federation // Bulletin of the Penza State University. 2020. No. 1. P. 3–35. (In Russ.)
2. Markovicheva E. V. Juvenile criminal proceedings. Models, functions, principles: monograph. M., 2010. 272 p. (In Russ.)
3. Muravyov K. V. Measures of procedural coercion, consisting in the isolation of a minor suspect, accused: the implementation of international standards in domestic legislation // Criminal Justice. 2020. No. 15. P. 54–58. (In Russ.)
4. Serdyukova E. V., Chunikha A. A., Volkova E. Yu. Problems of application of coercive educational measures against juvenile suspects, accused // American Scientific Journal. 2020. No. 38. P. 38–42. (In Russ.)
5. Divaev A. B. The system of preventive measures in the criminal process needs to be improved // The activities of law enforcement agencies in modern conditions: a collection of proceedings of the XXIII International Scientific Conference (Irkutsk). 2018. P. 195–200. (In Russ.)
6. Aptaeva S. U., Manzhukova O. A. Features of the legal regulation of the status of minors // Actual problems of law: materials of the V International Scientific Conference (Moscow, December 2016). M.: Buki-Vedi, 2016. P. 26–29. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 24.03.2023.

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СПЕЦИАЛИСТА С АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ
ПРЕДМЕТАМИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПНЫХ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Татьяна Николаевна Янина**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
s.yanin1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена специфике минимальной обработки, упаковки и транспортировки следов – археологических предметов, обнаруживаемых на месте происшествия по фактам совершения преступных посягательств на археологическое наследие народов Российской Федерации. Сделан вывод не только о важности подобных объектов, имеющейся на них криминалистически значимой информации, но и как о носителях исторических сведений, важных для науки. С учетом анализа литературных источников, нормативной базы сделан вывод об отсутствии криминалистических рекомендаций для членов следственно-оперативных групп по работе с указанными следами-предметами. Сформулированы предложения относительно привлечения специалиста археолога-реставратора к участию в следственных действиях, направленных на возможное изъятие археологических предметов, получению его консультативной помощи в дистанционном формате; предложен порядок действий специалиста в случае обнаружения и необходимости изъятия археологических предметов; рассмотрены виды упаковочного материала в зависимости от изымаемых объектов для первичной консервации и транспортировки; отмечены варианты пояснительных надписей на наружной стороне упаковки.

Ключевые слова: археологическое наследие, расследование, специалист, следы, археологические предметы, изъятие, упаковка.

Для цитирования: Янина Т. Н. Особенности работы специалиста с археологическими предметами в ходе расследования преступных посягательств на археологическое наследие народов Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 142–149.

Original article

**FEATURES OF THE SPECIALIST'S WORK WITH ARCHAEOLOGICAL
OBJECTS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMINAL INFRINGEMENTS
ON THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF THE PEOPLES
OF THE RUSSIAN FEDERATION****Tatyana N. Yanina**Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Volgograd, Russia, s.yanin1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the specifics of the minimum processing, packaging and transportation of traces – archaeological objects found at the scene of the commission of criminal encroachments on the archaeological heritage of the peoples of the Russian Federation. The conclusion is made not only about the importance of such objects, the forensically significant information they contain, but also as carriers of historical information important for science. Taking into account the analysis of literary sources, the regulatory framework, it was concluded that there are no forensic recommendations for members of the investigative-operational groups on working with the indicated traces-objects. Proposals have been formulated regarding

the involvement of a specialist archaeologist-restorer in investigative actions aimed at the possible seizure of archaeological objects, obtaining his advisory assistance in a remote format; the procedure for actions of a specialist in case of discovery and the need to confiscate archaeological objects is proposed; the types of packaging material are considered depending on the objects seized for primary conservation and transportation; options for explanatory inscriptions on the outside of the package are noted.

Keywords: archaeological heritage, investigation, specialist, traces, archaeological items, seizure, packaging.

For citation: Yanina T. N. Features of the specialist's work with archaeological objects during the investigation of criminal infringements on the archaeological heritage of the peoples of the Russian Federation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 142–149.

Успешность раскрытия и расследования преступления находится в прямой зависимости от объема информации, которой обладают субъекты такой деятельности, относительно обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В связи с этим главной задачей следователя является поиск и «процессуализация» данных сведений, вычленение их из всего массива исходных данных, касающихся расследования, превращение в доказательство по уголовному делу, с помощью которого будут установлены значимые факты.

Получить такую информацию возможно как вербальным путем от лиц, наблюдавших факт противоправного деяния, либо связанных с данным событием иным образом, так и от «немых» источников – следов, оставленных на месте происшествия и в иных местах. И если в первом случае результат по большей части зависит от профессионализма следователя, степени его владения тактическими приемами допроса, то во втором – во многом определяется качеством работы специалиста со следовой картиной, иными вещественными доказательствами. Его привлечение лицами, осуществляющим расследование преступлений, для оказания помощи в осмотре места происшествия, проведении ряда других следственных действий, очевидно, повлияет на результативность последних в части повышения эффективности работы с материальными следами совершенного преступления, а именно их грамотного выявления, фиксации, изъятия, упаковки и транспортировки. Вместе с тем, как справедливо

отмечают О. В. Полешук, С. В. Саксин и В. В. Яровенко, «следователь должен четко представлять себе возможности каждого сведущего лица, а также то, какие трудности могут возникнуть при производстве следственного действия, и уже исходя из этого – подбирать себе специалистов» [1, с. 15].

При этом основной целью участия лиц, обладающих специальными знаниями, является, по сути, обнаружение и должная фиксация «овеществленной» информации, из которой в дальнейшем формируется доказательственная база расследования. Как верно отмечает А. И. Дикунов, «значимость информации, именуемой в дальнейшем «следовой картиной» расследуемого криминального события, состоит в том, что она является исходной информационной основой расследования, базой всех логических построений следователя и критерием верификации всех доказательственных систем» [2, с. 3].

Все вышесказанное в полной мере относится к преступлениям, посягающим на археологическое наследие народов России, процесс раскрытия и расследования которых увязан с особенностями сферы сохранения и использования объектов культурного (в частности, археологического), наследия. Последнее «является важной стороной деятельности человека, которая затрагивает интересы и чувства не только многих людей, но и государства в целом, отражается на морально-этической, социальной и экономической жизни общества» [3, с. 338].

Очевидно, что насколько способы совершения деликтов определяются их видом, настолько и следы зависят от способа. Соответственно, следовой картиной детерми-

нирована и специфика работы специалиста в каждом конкретном случае.

Незаконные раскопки, являясь способом совершения преступления анализируемого вида, предусматривают определенную следовую картину [4, с. 243; 5, с. 29]. Результаты ее исследования экспертными методами позволяют установить значимые для следствия обстоятельства, то есть трансформировать обнаруженные материальные объекты в необходимую доказательственную базу.

При этом необходимо отметить, что, в отличие от преступлений иных видов, где следы ценны не сами по себе, а информацией, которую можно установить с их помощью, обнаруженные в ходе производства следственных действий объекты, являющиеся археологическими предметами, представляют ценность для исторической науки, причем настолько значимую, что федеральным законодательством¹ закреплено право исключительной государственной собственности на них.

Следы – археологические предметы зачастую обнаруживаются в ходе осмотра места происшествия по факту несанкционированных раскопок, обысков (выемок) у нелегальных копателей, изымаются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение такой деятельности. Задачей специалиста, работающего с такими предметами, является их сохранение для дальнейшего использования как в уголовном судопроизводстве, так и научных целях.

Таким образом, работа с такими следами-предметами призвана не только установить с их помощью интересующие следствие обстоятельства, но и сохранить артефакт в надлежащем виде для включения в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

К сожалению, криминалистические источники не содержат сведений о должном порядке работы с такими следами. Поэтому

мы считаем целесообразным интегрировать ряд практических положений исторической науки, посвященных порядку проведения археологических полевых работ, предложив субъектам расследования и привлекаемым специалистам некоторые рекомендации по работе с археологическими предметами в ходе расследования преступлений рассматриваемой категории. Эти предложения касаются правильного изъятия обнаруженных в ходе производства следственных действий артефактов, включающего их очистку от наслоений и упаковку.

Как известно, эффективная работа следственно-оперативной группы (далее – СОГ) на месте происшествия обусловлена во многом компетентностью ее членов. Поэтому на подготовительном этапе, еще до выезда на осмотр места незаконных раскопок, следователь, помимо прочих вопросов организационного характера, должен обратить особое внимание на состав СОГ и принять все возможные меры для того, чтобы включить в него, помимо специалиста-криминалиста, еще и профильного специалиста – археолога-реставратора, что обусловлено необходимостью качественного сохранения обнаруженных археологических предметов. Обычный археолог, хотя и имеющий соответствующее образование, но не являющийся реставратором, безусловно, может оказать следователю консультативную помощь в грамотном описании обнаруженных артефактов, их наименовании, по характеру и типу почвы, топографическим особенностям местности дать разъяснения о принципах работы и назначении оставленных (брошенных) преступниками или изъятых при обыске инструментов и т. п. Археолог-реставратор же как специалист в области консервации археологических предметов будет более полезен следователю: он является, по сути, единственным компетентным лицом, владеющим знаниями и навыками опреде-

¹ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

ления и реализации конкретных способов консервации обнаруженных объектов, направленных на то, чтобы как можно дольше сохранить предметы старины в том состоянии, в котором они находились на момент обнаружения. Именно грамотными действиями археолога-реставратора с обнаруженными в ходе осмотра места происшествия, иных следственных действий с археологическими предметами (бережная очистка от наслоений, правильная упаковка, безопасная транспортировка и соблюдение должных правил хранения) обуславливается дальнейший благоприятный исход их исследования в лабораторных условиях, получение доказательственной информации и сохранение для истории.

Однако, как отмечают Н. Е. Берлизов и И. И. Кузин, практика показывает, что «даже в составе археологических экспедиций, где по установленным требованиям наличие реставратора обязательно, таковой бывает далеко не всегда» [6, с. 113]. В этом случае его работу берут на себя археологи, что, конечно, не может не сказаться на качестве проведенных работ.

В случае, если следователю по каким-либо причинам все же не удастся привлечь к осмотру узких специалистов очно, мы рекомендуем использовать современные возможности телекоммуникации, позволяющие получать консультации сведущих лиц дистанционно, посредством использования, например, различных мессенджеров, обеспечивающих отправку фото- или видеoinформации. Соответственно, при обнаружении артефакта, свойства которого не известны следователю, специалисту-криминалисту, и нет ясности, например, в вопросе его корректного описания, упаковки и транспортировки, можно посредством таких программ получить ориентирующие рекомендации от профильного специалиста. Предложенный способ обусловлен необходимостью оперативного проведения следственного осмотра, комплекса иных

действий, когда у следователя отсутствует возможность вернуть обнаруженный предмет в «привычную» среду и ожидать прибытия реставратора (тогда как такой порядок действий практикуется археологами при проведении раскопок).

Не секрет, что археологические предметы в зависимости от свойств почвы, в которой они хранились долгое время, могут находиться в неудовлетворительном состоянии. Выброшенные нелегальными копателями как не представляющие для них ценности либо не замеченные ими артефакты оказываются в агрессивной для них среде – на свежем воздухе, под дождем, солнцем и ветром, что может еще больше усугубить их состояние вплоть до полного разрушения.

Так, например, Семенов, обнаружив на территории Владимирской области клад серебряных монет Суздальского, Ростовского, Дмитровского и иных удельных княжеств, изъял их из места залегания, оставив там осколки керамического горшка, в котором они находились¹. Между тем, в подобных случаях археологами изымаются все археологические предметы, включая их тару, что помогает точно датировать находку и установить значимые для историков сведения.

К подобным негативным последствиям могут также привести неумелые действия по изъятию обнаруженных археологических предметов, в случае, когда у специалиста, принимающего участие в осмотре места происшествия, отсутствуют знания и навыки обращения с такими объектами, их временной «консервации».

Однако мы можем говорить в данной статье не о консервации в том смысле, какой вкладывается в нее археологами, а об элементарных приемах первичной работы с обнаруженными предметами с целью их грамотного изъятия и лишь в том смысле, в каком это под силу специалисту-криминалисту, не знакомому со специфическими методами, применяемыми в археологии. На самом деле эти приемы не представляют осо-

¹ Приговор № 1-1/2019 1-76/2018 от 14 января 2019 г. по делу № 1-1/2019 // Архив Юрьев-Польского районного суда Владимирской области. 2019.

бой сложности в практическом применении. Главное – руководствоваться элементарными первичными рекомендациями специалистов в области полевой археологии.

По сути, задачей специалиста при изъятии артефакта является выемка его из почвы с соблюдением мер предосторожности и минимальное снятие с его поверхности при помощи различных кистей наслоений грунта. Как рекомендует Д. А. Авдусин, «загрязненные вещи, если они сухие, очищают кистью, если мокрые – прополаскивают или, в крайнем случае, моют мягкой кистью. Предметы со следами раскраски мыть нельзя» [7, с. 63].

Так, для очищения объектов, найденных в сухой, но твердой почве, хорошо подходят хозяйственные кисти, с толстыми, грубоватыми щетинками. Для работ с предметами, обнаруженными в рыхлой почве, оптимальными будут хозяйственные кисти, преимущественно плоские. Для более хрупких изделий лучше всего подходят художественные кисти – из тонкого верблюжьего или беличьего волоса. Стоит отметить, что и дактилоскопические кисти для немагнитных дактилоскопических порошков, входящие в состав криминалистических чемоданов, предварительно очищенные от имеющихся загрязнений, прекрасно справятся с этой задачей. О приобретении хозяйственных кистей (как не входящих в состав экспертного чемодана) специалисту-криминалисту необходимо позаботиться заранее.

Кроме того, в ходе изъятия обнаруженных археологических предметов специалисту в целях исключения их порчи либо разрушения недопустимо:

- отделять друг от друга слипшиеся, «сросшиеся» предметы;
- грубо счищать с поверхности объектов налет и землю (все манипуляции производить лишь вышеперечисленными не травмирующими кистями с целью удаления излишних загрязнений);
- использовать с целью «очищения» химические вещества;
- расправлять заломы и отделять «лишние» фрагменты изделий.

После первичной обработки обнаруженные предметы описываются в протоколе по общим правилам, на которых мы не будем останавливаться в данной статье, и упаковываются.

Обеспечить доставку артефактов для последующего исследования, проведения с ними следственных действий призвана надлежащая упаковка. Последняя, как представляется, является одним из определяющих условий сохранения археологических предметов как вещественных доказательств и одновременно исторических ценностей.

Необходимо отметить, что общей задачей упаковки изымаемых в ходе осмотра места происшествия, иных следственных действий объектов является их защита:

- от механических повреждений с целью сбережения таких объектов в первоначальном виде и сохранения имеющихся на них следов для последующего исследования в специализированной лаборатории;
- от перепадов температур, повышенной влажности или сухости окружающей среды;
- от вредоносных биологических организмов, способных нанести непоправимый вред самим объектам либо имеющейся на них доказательственной информации.

В случае изъятия археологических предметов как следов преступного события, к перечисленным выше задачам добавляется также недопущение возможности их разрушения или механического повреждения ввиду представляемой ими культурной, исторической или научной ценности.

Для этих целей мы считаем целесообразным предложить следующие рекомендации, сформулированные исходя из анализа специализированной археологической литературы и адаптированные к требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Не допускается упаковка объектов во влажном состоянии, но просушивать их необходимо с соблюдением правил работы с объектами, обладающими специфическими свойствами, которые могут быть изменены или утрачены под воздействием факторов внешней среды. К таким факторам относят-

ся воздействие прямых солнечных лучей, ветер, влияние нагревательных приборов и т. п. Соответственно, просушивание должно осуществляться с условием сбережения от этих факторов.

«Чтобы сохранить деревянные изделия, дошедшие до археолога в состоянии наивысшей влажности, отмечается в специальной литературе, проще всего их поместить в полиэтиленовый пакет или завернуть в такую же пленку. Берестяные грамоты распариваются в воде, нагретой до 60–80°C, после чего осторожно распрямляются и кладутся между двумя стеклами. Между стеклами же хранят и найденные обрывки тканей, не пропитывая их ничем» [7, с. 68] (в приведенном примере подобные манипуляции являются как первичной консервацией, так и упаковкой с целью безопасной транспортировки объектов к месту проведения исследования).

Наиболее же подходящим упаковочным материалом для большинства археологических объектов, обнаруженных в ходе производства следственных действий, представляются крафт- и гофркартон, фланель, воздушно-пузырчатая пленка, а также бумага – папиросная, микалентная, тишью, упаковочная (плотная). С учетом того, что все вышеперечисленные материалы не способны полностью обеспечить сохранность объекта от механических повреждений, ему требуется дополнительная твердая оболочка, роль которой выполняют картонные коробки разных размеров и ящики, предпочтительно изготовленные из фанеры. Все эти материалы полностью экологичны и однозначно не нанесут вреда содержимому. В связи с тем, что в составе экспертных чемоданов наличие подобных материалов не предусмотрено, необходимо заранее позаботиться о его наличии во избежание варианта упаковки «на скорую руку» в полиэтиленовые пакеты за не имением лучшего.

Необходимо помнить, что предмет должен быть зафиксирован внутри тары таким образом, чтобы при транспортировке он не мог свободно в ней перемещаться. Образовавшиеся пустоты заполняются любым мягким материалом из перечисленных нами

ранее. Приведем пример стандартной упаковки керамического черепка. Изделие из керамики обворачивают микалентной бумагой, затем каким-либо мягким материалом, например, воздушно-пузырчатой пленкой. Пленку фиксируют липкой лентой для того, чтобы избежать раскручивания образовавшегося «коккона». Липкая лента не должна касаться самого объекта. Далее упакованный таким образом объект вкладывают в картонный короб, пустоты заполняют мягким материалом – поролоном, смятой в комки папиросной или иной упаковочной бумагой и т. п. Подобным образом работают также с изделиями из стекла, фарфора и металла. Как свидетельствует изученная нами судебно-следственная практика, чаще всего в ходе производства следственных действий обнаруживались археологические предметы именно из таких материалов.

Монеты, медали и подобные изделия возможно упаковывать в бумажные конверты, если зрительно на их поверхности не имеется сильных повреждений (временем и средой пребывания) и они не относятся к хрупким. При этом категорически запрещается упаковывать металлические предметы в фольгу, так как в этом случае образуется гальваническая пара и может возобновиться процесс коррозии. Кроме того, при обнаружении большого числа однородных предметов, например, черепков от посуды, запрещено упаковывать их навалом, в одну тару. Это может привести к тому, что сами объекты нанесут друг другу непоправимые механические повреждения в виде царапин, надломов, раскрашивания краев и пр. Допускается транспортировать их в одной объемной таре, либо разделенной на ячейки для каждого объекта с обязательным использованием любой мягкой подложки, либо уложенными на торец, предварительно обвернутый упаковочным материалом в соответствии с общими правилами.

В случае, если процесс изъятия и упаковки объекта независимо от материала, из которого он изготовлен, проходил в холодное время года, и разница в температурном режиме между «естественным» местом пре-

бывания и местом хранения и исследования объекта будет значительной, то рекомендуется вскрыть упаковку с объектом не ранее, чем через сутки, не допуская резкой, «болезненной» для объекта смены условий пребывания.

На упаковке (если позволяет материал), либо на прикрепляемой бирке необходимо сделать пояснительную надпись, удостоверенную подписями участников следственного действия. Описывать содержащийся в данной упаковке археологический предмет (при отсутствии в составе следственно-оперативной группы специалиста-археолога) предлагается максимально обезличенно, по общим криминалистическим правилам, во избежание возможных ошибок, которые могут впоследствии повлечь недоверие стороны защиты, а также суда к результатам экспертного исследования обнаруженных артефактов и возможное признание доказательств недопустимыми на этом основании.

В пояснительной надписи предлагаем отображать вид предмета, его цвет, форму, размер, материал (используя общие фор-

мулировки по аналогии с систематизацией музейных предметов в фондах¹, например, предметы из керамики, стекла, кости; предметы из металла и камня; предметы из дерева; предметы из ткани и т. п.). Такие надписи помогут впоследствии сориентироваться по необходимым мерам последующего хранения изъятых предметов, ведь длительное хранение в ненадлежащих условиях может стать «катализатором» дальнейшего разрушения археологического предмета.

Представляется, что соблюдение специалистами, а также субъектами расследования преступлений в отношении археологического наследия народов России предложенных нами рекомендаций позволит, во-первых, сохранить для науки обнаруживаемые археологические предметы, во-вторых, улучшить возможности их экспертного исследования, что в свою очередь положительно повлияет на качество доказательственной базы по делу и в будущем способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями данного вида и сохранению археологического наследия в нашей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полещук О. В., Саксин С. В., Яровенко В. В. Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2007. 232 с.
2. Дикунов А. И. Криминалистический анализ следовой картины расследуемого события с признаками преступления: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.
3. Аккаева Х. А. Предупреждение и борьба с незаконным поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания (ст. 243.2 УК РФ) // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 338–340.
4. Янин С. А. К вопросу о содержании некоторых элементов механизма преступления, предусмотренного статьей 243.2 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3 (98). С. 236–245.
5. Янин С. А., Янина Т. Н., Горелов М. Г. Организация расследования уничтожения или повреждения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 108 с.
6. Берлизов Н. Е., Кузин И. И. Условия работы с археологическими предметами из металлов в полевых условиях // Культурная жизнь Юга России. № 2 (73). 2019. С. 112–117.
7. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.

¹ Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23 июля 2020 г. № 827 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.05.2022).

REFERENCES

1. Poleshchuk O. V., Saksin S. V., Yarovenko V. V. Theory and practice of applying special knowledge in modern criminal justice. M.: Yurlitinform, 2007. 232 p. (In Russ.)
2. Dikunov A. I. Forensic analysis of the trace picture of the event under investigation with signs of a crime: Abstract of the thesis. ... cand. legal sciences. M., 2005. 25 p. (In Russ.)
3. Akkaeva Kh. A. Prevention and fight against illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the places of occurrence (Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Gaps in Russian legislation. 2018. No. 3. P. 338–340. (In Russ.)
4. Yanin S. A. To the question of the content of some elements of the crime mechanism provided for by Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 3 (98). P. 236–245. (In Russ.)
5. Yanin S. A., Yanina T. N., Gorelov M. G. Organization of the investigation of the destruction or damage to objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation. Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 108 p. (In Russ.)
6. Berlizov N. E., Kuzin I. I. Working conditions with archaeological objects made of metals in the field // Cultural life of the South of Russia. No. 2 (73). 2019. P. 112–117. (In Russ.)
7. Avdusin D. A. Field archeology of the USSR: textbook. 2nd ed., revised. and additional M.: Higher school, 1980. 335 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.05.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 24.05.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 8'81.80

**УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
С СЕМОЙ «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО»**

Елена Ивановна Беглова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
beglova-elena@yandex.ru

Аннотация. Предметом статьи явились лексика и фразеологические единицы, связанные с семой «делопроизводство», извлеченные из толковых и фразеологических словарей русского языка, содержащих языковую норму разных исторических периодов. Методом сплошной выборки из словарей были отобраны лексемы и фразеологические единицы, прежде всего устаревшие (архаизмы), с семой «делопроизводство». Цель статьи заключается в том, чтобы на материале слов и фразеологических единиц выявить в диахронии именованная, связанные с делопроизводством в России, установить их этимологию, а также эксплицировать общественную оценку, заключенную в словах и фразеологических единицах русского языка.

В результате проведения лексико-семантического и фразеолого-семантического анализа соответственно слов и фразеологических единиц были сделаны выводы о том, что с этимологической точки зрения, большая часть слов – это слова латинского происхождения, когда они являются терминами делопроизводства. Что касается фразеологических единиц, то в их основе лежит метафора на основе сходства по роду деятельности, выполняемой человеком функцией. Установлено, что фразеолого-семантическое поле «делопроизводство» составляют фразеологические единицы: служащие названием документа или его вида; называющие лицо по роду занятия, должности, профессии; обозначающие место, где ведется работа с деловыми бумагами. Сделан вывод о том, что большую часть лексико-семантического поля и фразеолого-семантического поля составляет устаревшая лексика и фразеология, свидетельствующая о пренебрежительном или шутивно-ироническом отношении со стороны общества к человеку, который связан с оформлением и написанием деловых бумаг.

Ключевые слова: лексема, лексико-семантическое поле, фразеологическая единица, фразеолого-семантическое поле, делопроизводство, устаревшая лексика и фразеология, словари.

Для цитирования: Беглова Е. И. Устаревшая лексика и фразеология с семой «делопроизводство» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 150–156.

Original article

OBSOLETE VOCABULARY AND PHRASEOLOGY WITH SEME “PAPERWORK”

Elena I. Beglova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russian,
Nizhny Novgorod, Russia, beglova-elena@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the vocabulary and phraseological units associated with the seme “paperwork”, extracted from the explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language, containing the language norm of different historical periods. Using the continuous sampling method, lexemes and phraseological units (hereinafter referred to as phraseological units), primarily obsolete ones (archaisms), with the seme “documentation” were selected from dictionaries. The purpose of the article is to use the material of

© Беглова Е. И., 2023

words and phraseological units to identify in diachrony the naming associated with office work in Russia, to establish their etymology, and to explicate the social assessment contained in the words and phraseological units of the Russian language.

As a result of the lexico-semantic and phraseological-semantic analysis of words and phraseological units, respectively, it was concluded that from an etymological point of view, most of the words are words of the Latin origin, when they are terms of paperwork. As for phraseological units, they are based on the metaphor of similarity in the type of activity performed by a person. It has been established that the phraseological and semantic field “paperwork” consists of phraseological units: serving as the name of a document or its type; naming a person by occupation, position, profession; denoting the place where work with business papers is carried out. It is concluded that most of the lexico-semantic field and the phraseological-semantic field is made up of outdated vocabulary and phraseology, indicating a dismissive or jokingly ironic attitude on the part of society towards a person who is associated with the design and writing of business papers.

Keywords: lexeme, lexico-semantic field, phraseological unit, phraseological-semantic field, paperwork, obsolete vocabulary and phraseology, dictionaries.

For citation: Beglova E. I. Obsolete vocabulary and phraseology with seme “paperwork” // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 150–156.

Предметом данной статьи явились устаревшая лексика и фразеология, отражающие лексико-семантическое поле «делопроизводство». Цель статьи заключается в том, чтобы на материале слов и фразеологических единиц (далее – ФЕ) выявить в диахронии именованная, связанные с делопроизводством в России, установить их этимологию, а также эксплицировать общественную оценку, заключенную в словах и фразеологических единицах русского языка. Это является актуальным, так как делопроизводство существует во всех организациях, с отделами делопроизводства связан каждый человек, поэтому важно проследить его отношение к этой сфере в диахронии. Интерес для автора представляет главным образом устаревшая лексика и фразеология с семой «делопроизводство».

Чтобы произвести семантический и этимологический анализ лексем и ФЕ с семой «делопроизводство», необходимо определить ключевые понятия лексико-семантического поля с аналогичной семой. Главным понятием лексико-семантического и фразеолого-семантического полей с семой «делопроизводство» является лексема «документ», которое необходимо определить, выявив его словарные значения. Документ – слово латинского происхождения; “documentum” в переводе означает «свидетельство» или «доказательство». Из истории слова известно, что термин «документ» в русский язык ввел

Петр I и объяснил его как «письменное свидетельство или доказательство». В толковом словаре XIX века В. И. Даля зафиксировано следующее определение: документ – «всякая важная деловая бумага» [1, т. 1, с. 459]. В современном толковом словаре русского языка, составленном С. И. Ожеговым, дано три значения: «Документ – деловая бумага, подтверждающая какой-либо факт или право на что-нибудь; 2) то, что официально удостоверяет личность представителя (паспорт и др.); 3) письменное свидетельство о чем-нибудь» [2, с. 153]. Как термин лексема «документ» определяет следующее понятие: это информация с реквизитами, зафиксированная на материальном или электронном носителе, позволяющими ее идентифицировать» [3, с. 6]. Реквизит – от латинского “requisition” – в переводе означает «требуемое, необходимое»; юридическое: формальные элементы, обязательные данные в составе сделки или документа, отсутствие которых лишает сделку или документ юридической силы [4, с. 698]. Таким образом, реквизиты документа – это ряд постоянных элементов деловой бумаги, расположенных в определенном порядке. Лексема «документ» является ядром лексико-семантического поля и фразеолого-семантического поля с семой «делопроизводство», которые мы изучим в данной работе, включая устаревшую лексику. Следует отметить то, что в современном русском литературном языке

в ядро исследуемого нами лексико-семантического поля входят актуальные лексемы, составляющие словообразовательное гнездо с ключевым словом «документ»: *документальный* – «свойственный документу» – *документация* – «собирательное, документы» – *документировать* – «обосновывать документами» [2, с. 153]. В данном словообразовательном гнезде, выстроенном на основе однокорневых слов, извлеченных из толкового словаря С. И. Ожегова, отмечаются существительные, называющие предмет, явление (*документ, документация*), прилагательные, обозначающие принадлежность документу или свойство документа (*документальный*), и глаголы, обозначающие действия, связанные с документом (*документировать*). Однако словообразовательную цепочку этого словообразовательного гнезда можно продолжить. Прежде всего, логически и семантически здесь необходимо слово, которое называет лицо, осуществляющее действия, связанные с документом – *делопроизводитель* – это сложное слово обозначает лицо, которое производит документ; это название лица по профессии, по должности: *делопроизводитель* – должностное лицо, в ведении которого находятся канцелярские дела [4, с. 154].

Поскольку нас интересует не только лексика современного русского литературного языка, но и устаревшая лексика, которая демонстрирует истоки делопроизводства в России, обратимся более подробно именно к устаревшей лексике, чтобы показать важность этого дела и специальной профессии – *делопроизводитель, писец* и др., пользуясь словарями русского языка разных исторических периодов и отражающих лексическую норму разных времен. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (XIX век) зафиксировано несколько устаревших лексем с точки зрения современной языковой нормы, которые были лексической нормой в XVIII–XIX вв. [1, т. 1–4]. Кроме лексемы «документ», зафиксированы следующие лексемы: *делопроизводство* – должностная бумажная переписка [1, т. 1, с. 511]; *делопроизводитель* – секретарь, правитель

дел, на ком лежит деловая переписка [1, т. 1, с. 511]. Как видим, по графической и словообразовательной форме, а также в целом по семантике названные лексемы совпадают с современными. Устаревшими синонимами к слову «делопроизводитель», называющими лицо по профессии, по выполняемой функции, можно отнести следующие устаревшие лексемы-существительные: *дьяк* – писмовод, писмоводитель, секретарь, правитель канцелярии [1, т. 1, с. 439]; *подьячий* – приказной служитель, писец в судах; крючок, бумажная душа, чернильная душа [1, т. 3, с. 219]; *экзакутор* – чиновник при канцелярии и присутственном месте, на ком лежат полицейские и хозяйственные обязанности [1, т. 4, с. 663]; *повытчик* – устаревшее, должностное лицо, ведавшее делопроизводством в *повытье* – специальном отделении государственного приказа. Уже в словаре В. И. Даля XIX в. указывается, что слово «повытье» устаревшее: отделение, доля, пай письменных или приказных дел в судах или стол, коим ведает повытчик, столоначальник [1, т. 3, с. 150]. От слова «повытчик» наблюдались производные в значении существительного – «повыточные» или «повытошные» – устаревшее; это деньги, взимавшиеся за услуги в делопроизводстве [5, с. 137].

Таким образом, выявлен синонимический ряд имен существительных, называющих лицо по профессии, по выполняемой им функции, должности: современное слово «делопроизводитель» и устаревшие лексемы в том же значении: *повытчик, столоначальник, дьяк, подьячий*. Если соотнести устаревшие лексемы с конкретной исторической эпохой, то можно утверждать, что каждая лексема связана с видом делопроизводства на Руси, прежде всего, это приказное делопроизводство, которое существовало на Руси в XV–XVII вв. Во главе приказа стоял приказной судья, назначенный из думских чинов (Боярской думы), в ведении которого состояли дьяки, а у дьяков в подчинении находились подьячие. В крупных приказах подьячие объединялись в «стола», или «повытья» – территориальные подразделения приказов. [3, с. 6–8]. Должность

эксекютора была утверждена в коллежском делопроизводстве, которое учредил российский государь Петр I, именно он ввел в обращение с 1699 г. гербовую бумагу, а в 1700 г. издал указ об отмене столбцовой формы документа и переходе к тетрадной его форме [3, с. 6–8]. При Петре I в обязанности эксекютора входили запись всех исходящих указов в особые книги, контроль за их отправкой и исполнением на местах. При задержке исполнения указа эксекютор должен был доносить об этом генерал-прокурору. В результате реформ делопроизводства, проведенных Петром I, главным лицом канцелярии становится секретарь. В состав канцелярии входили также нотариус, актуариус, канцеляристы, копиисты, переводчики, толмачи (для устного перевода). Нотариус вел реестр нерешенных дел, актуариус вел общий журнал всех входящих документов, регистратор вел регистрационные книги с краткой записью содержания дел, копиисты писали копии, толмач – переводил с одного языка на другой. Все названные лексемы фиксируются в толковом словаре В. И. Даля, некоторые из них уже в XIX веке отмечались с пометой «устаревшее, старинное».

Нотариус – присяжный чиновник, свидетельствующий договоры, обязательства и другие сделки между частными людьми, что маклер для купцов [1, т. 2, с. 556].

Актуариус – этимологически соотносится с лексемой «акт» в значении «бумаги, заключающие в себе решение, постановление, свидетельство, сделку, грамоту; документ, письмо» – чиновник, у которого акты, приказные дела на руках [1, т. 1, с. 9].

Регистратор – этимологически соотносится с лексемами «регистр», «реестр» – опись, оглавление, перепись сподряд вещей, предметов, дел; регистратура – в делопроизводстве: записка входящих и исходящих бумаг, роспись в шнуровой книге всем поступающим и отсылаемым бумагам, с разными отметками [1, т. 4, с. 89].

Толмач – этимологически соотносится с глаголом «толмачить» – толковать, объяснять, заставить понять; – устный словесный переводчик [1, т. 4, с. 412].

Копиист – этимологически соотносится с лексемой «копия»: писец, переписчик, канцелярский служащий [1, т. 2, с. 158].

Канцелярист – этимологически соотносится с лексемой «канцелярия» – 1) состав чиновников и писцов, при лице или месте, для письма; 2) место, дом, комната, где дела эти производятся; канцелярист – канцелярский служащий или писец без классного чина [1, т. 2, с. 86].

В толковых словарях современного русского литературного языка некоторые слова не фиксируются по причине их архаичности, например, *актуариус* (как лицо по профессии); другая часть устаревших лексем, составляющих лексико-семантическое поле «делопроизводство», фиксируется с пометой «устаревшее», например: *копиист* – устаревшее; писец, снимающий копии с документов, рукописей, переписчик [4, с. 289; 2, с. 261]; регистратор – от латинского “*regerere*” – составляет словообразовательную цепочку: *регистрировать, регистратура* – это официальное лицо, осуществляющее регистрацию кого или чего-либо [4, с. 695; 2, с. 599]; толмач – устаревшее; переводчик (обычно посредник в беседе, разговоре) [4, с. 833; 2, с. 711]. Фиксируется слово «канцелярия» – от латинского “*cancellaria*” – отдел учреждения, занятый делопроизводством [4, с. 260], но не отмечается лексема «канцелярист» как существительное, именуемое лицо по профессии, должности, но которая наблюдается в толковом словаре С. И. Ожегова как устаревшая в значении «служащий в канцелярии» [2, с. 236].

Итак, лексико-семантическое поле «делопроизводство» в диахроническом плане, включая устаревшую лексику, можно представить следующими лексемами: 1) современные лексемы, отражающие сему «документ»: *документ – документация – документировать – документовед – реквизи́ты документа*; 2) лексемы, именующие лицо по роду занятия, профессии, должности: современные: *делопроизводитель, секретарь* и *нотариус*, а также устаревшие: *писец, дьяк, подьячий, эксекютор, повытчик, столоначальник; секретарь, канцелярист,*

актуариус, регистратор, копиист, толмач; 3) лексемы, обозначающие места, помещения, где ведут государственные дела: устаревшие слова: *повытья, столы, канцелярия*; 4) образные наименования лица, пишущего деловые бумаги: *крючок, бумажная душа, чернильная душа*. В последнюю группу лексики, извлеченную нами из словаря В. И. Даля, вошли ФЕ: *бумажная душа, чернильная душа* [1, с. 3, 219].

Обратимся к ФЕ, составляющим фразеолого-семантическое поле «делопроизводство». Мы изучили материалы нескольких фразеологических словарей русского языка [6; 7; 8; 9] и методом сплошной выборки извлекли ряд ФЕ, именующих документы, лиц, имеющих дело с документами и пр. Итак, мы обнаружили следующие по семантике ФЕ, в том числе устаревшие:

1) ФЕ, служащие названием документа или его вида: *открытый лист* – устаревшее, специальное; документ, дающий право беспрепятственно пользоваться в дороге ямскими или этапными лошадьми [6, с. 387]; *волчий билет* – устаревшее, дореволюционное; документ, закрывающий доступ на государственную службу, в учебное заведение и пр. лошадьми [6, с. 51]; *желтый билет* – устаревшее; паспорт, который выдавали женщинам легкого поведения; им паспорта печатали на желтых бланках [6, с. 51]; *желтый билет* – документ, удостоверяющий личность, выдаваемый полицией некоторым лицам позорного поведения; [7, т. 1, с. 292];

2) ФЕ, обозначающие место, где ведется работа с деловыми бумагами: *присутственное место* – устаревшее; государственное учреждение: департамент, канцелярия, контора и др. [8, с. 297];

3) ФЕ, называющее лицо по роду занятия, профессии:

– *дьяк, в приказах поседельй* – устаревшее, книжное, пренебрежительное или шутовское; о старых, опытных чиновниках; выражение возникло из фразы Григория, героя трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) [6, с. 214];

– *человек двадцатого числа* – устаревшее, о мелком чиновнике; значение ФЕ свя-

зано с реальностью: чиновники получали жалованье двадцатого числа каждого месяца [6, с. 747];

– *канцелярская (чернильная) крыса* – просторечное, презрительное; 1) чинуша, бюрократ, формалист; 2) служащий учреждения, имеющий дело с бумагами; прилагательные определяют род деятельности человека, который работает в канцелярии, пишет чернилами бумаги; [8, с. 268]; чернила – красящая жидкость для писания [2, с. 782], которой пользовались при письме в XV–XIX вв.;

– *чернильная тиявка* – устаревшее, презрительное; писец, крючкотвор [8, с. 381]; в основе этимологии лежит метафора: именование человека по роду деятельности (писец) с применением чернил, как и в двух других последующих ФЕ;

– *чернильная строка* – устаревшее, пренебрежительное; приказной, судейский чиновник, писец [8, с. 526];

– *чернильное племя* – пренебрежительное; мелкие чиновники [8, с. 382].

Выводы.

Исследовав материал нескольких толковых и фразеологических словарей русского языка, содержащих лексическую и фразеологическую норму разных исторических периодов, мы составили лексико-семантическое поле «делопроизводство», включив в него устаревшую лексику, главным образом архаизмы: *писец, дьяк, подьячий, экзекутор, повытчик, столоначальник; секретарь, канцелярист, актуариус, регистратор, копиист, толмач; повытья, столы, канцелярия*. В названном ряду слов отмечаются семантические архаизмы – *секретарь, нотариус, канцелярия*, которые в современном русском языке существуют в следующих значениях: *секретарь* – 1) лицо, ведающее деловой перепиской и текущими канцелярскими делами учреждения или отдельного лица; 2) составитель протокола собрания, заседания; 3) руководитель какого-либо органа или организации; слово развило многозначность [4, с. 732]; *нотариус* (от латинского “notaries” – писец, секретарь) – это не просто писец, а это

должностное лицо, в обязанности которого входит совершение нотариальных актов [4, с. 419]; *канцелярия* (от латинского “cancellaria”) – отдел учреждения, занятый делопроизводством; помещение этого учреждения [4, с. 260].

Лексико-семантическое поле продолжает и дополняет фразеолого-семантическое поле, которое демонстрирует шутливое или пренебрежительное отношение к лицам, производящим деловые бумаги, например: *дык, в приказах поседелый, канцелярская (чернильная) крыса, человек двадцатого числа, чернильная пиявка, чернильная строка, чернильное племя*. Это фразеоло-

го-семантическое поле составляют главным образом устаревшие ФЕ, включая ФЕ *открытый лист* (вид документа), *волчий билет, желтый билет*.

Перечисленные ФЕ свидетельствуют о русской ментальности, в частности, эксплицируют отношение человека к чиновникам, писцам, которые влияли на исход дел правильным или неправильным оформлением деловых бумаг, сроками их написания (во время или долго писали), в связи с чем ФЕ отражают либо пренебрежительное отношение к лицам, занимающим разные должности в канцеляриях (присутственных местах), либо ироничное, шутливое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Москва: Русский язык, 1978–1980. Т. I. А–З. 1978. 699 с.; Т.2. И–О. 1979. 779 с.; Т. III. П. 1980. 555 с.; Т. IV. Р–В. 1980. 683 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 14-е изд. стер. Москва: Русский язык, 1983. 816 с.
3. Линецкая Л. М. Документация и делопроизводство /отв. ред. С. Д. Чуркин. Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия им. Зайнаб Биисшевой, 2010. 160 с.
4. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А Кузнецов. Москва: Ридерз Дайджест, 2004. 960 с.
5. Глинкина Л. А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII–XIX веков. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1998. 280 с.
6. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.
7. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Москва: ТЕРРА, 1997. 624 с.
8. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. Москва: Топикал, 1995. 608 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.

REFERENCES

1. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. Moscow: Russian language, 1978–1980. T. I. A–Z. 1978. 699 p.; T. 2. I–O. 1979. 779 p.; T. III. P. 1980. 555 p.; T. IV. R–V. 1980. 683 p. (In Russ.)
2. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language: 14th ed. erased Moscow: Russian language, 1983. 816 p. (In Russ.)
3. Linetskaya L. M. Documentation and office work / отв. ed. S. D. Churkin. Sterlitamak: Sterlitamak state. ped. academy. Zainab Biisheva, 2010. 160 p. (In Russ.)
4. Modern explanatory dictionary of the Russian language. / ch. ed. S. A. Kuznetsov. Moscow: Reader’s Digest, 2004. 960 p. (In Russ.)
5. Glinkina L. A. Illustrated Dictionary of Forgotten and Difficult Words from Works of Russian Literature of the 18th–19th Centuries. Orenburg: Orenburg book publishing house, 1998. 280 p. (In Russ.)
6. Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. M.: Astrel: AST: Keeper, 2007. 926 p. (In Russ.)

7. Mikhelson M. I. Walking and well-aimed words: a collection of Russian and foreign quotations, proverbs, sayings, proverbial expressions and individual words (allegory). Moscow: TERRA, 1997. 624 p. (In Russ.)

8. Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late XVIII–XX centuries. / ed. A. I. Fedorov. Moscow: Topikal, 1995. 608 p. (In Russ.)

9. Phraseological dictionary of the Russian language / under. ed. A. I. Molotkov. Moscow: Russian language, 1986. 543 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Беглова Е. И., доктор филологических наук, профессор.

Information about the author:

Beglova E. I., Doctor of Philology, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 23.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 372.881.111.1

**РАБОТА С ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫМ ТЕКСТОМ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
С ОБУЧАЮЩИМИСЯ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

Олеся Алексеевна Безземельная

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, olesik_2009@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена принципам развития умений чтения у обучающихся неязыковых образовательных организаций высшего образования на основе иноязычных профессионально ориентированных текстов. Автором рассматриваются эффективные методы работы с профессионально ориентированным текстом на занятиях по иностранному языку, способствующие развитию у обучающихся навыков чтения, говорения, аудирования и письма, а также приводятся критерии отбора учебных текстов и примерные задания для развития умений чтения.

Ключевые слова: профессионально ориентированный текст, обучение чтению, дотекстовый, текстовый, послетекстовый этапы.

Для цитирования: Безземельная О. А. Работа с профессионально ориентированным текстом на занятиях по иностранному языку с обучающимися в неязыковом вузе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 157–161.

Original article

**WORKING WITH A PROFESSIONALLY ORIENTED TEXT
IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES WITH STUDENTS
AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY**

Olesya A. Bezzemel'naya

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, olesik_2009@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the principles of reading abilities development of non-linguistic educational institutions of higher education on the basis of foreign professionally oriented texts. The author considers effective methods of working with professionally oriented texts in foreign language classes that facilitate the development of reading, speaking, listening and writing skills of the students, also the criteria of educational texts selection and exemplary exercises for reading abilities development are given in the article.

Keywords: professionally oriented texts, teaching reading, pre-reading, reading, post-reading stages.

For citation: Bezzemel'naya O. A. Working with a professionally oriented text in foreign language classes with students at a non-linguistic university // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 157–161.

Современное высшее образование предъявляет новые требования для подготовки выпускников. Конкурентоспособность специалиста определяется не только высокой профессиональной квалификацией, но и готовностью решать возникающие профессиональные задачи на иностранном

языке. Знание родного и иностранного языков подтверждает профессионализм специалиста, что позволяет работать с информацией, доступной международному сообществу и общаться с коллегами из других регионов и иностранных государств. Обучающиеся, владеющие одним, двумя или более ино-

© Безземельная О. А., 2023

странными языками, имеют больше возможностей к трудоустройству и профессиональной мобильности.

В сфере профессионально ориентированного обучения иностранному языку особое место уделяется обучению информационному поиску и чтению иноязычных профессионально ориентированных текстов. Профессионально ориентированный текст – это сложная коммуникативная единица, состоящая из наименьших лексических единиц, находящихся в определенной позиции, которая способствует получению практических знаний, необходимых в будущей профессии¹.

Профессионально ориентированные тексты применяются при обучении разным видам речевой деятельности (чтению, письму, говорению, аудированию) [1]. Так, например, обучение чтению с использованием данного типа текстов способствует обучению монологической речи, поскольку совместно с другими аспектами языка они определяют правильность устной речи и грамотность письменной.

При организации работы над профессионально ориентированным текстом на иностранном языке необходимо выделить критерии отбора текстов:

1. В первую очередь, необходимо определить уровень владения иностранным языком и профессиональными способностями обучающихся. Нецелесообразно предлагать тексты профессионального характера обучающимся на первом курсе, которые только начинают изучать иностранный язык для специальных целей и не имеют фоновых профессиональных знаний. На первом и на втором этапах обучения необходимо знакомить обучающихся с текстами небольшого размера. В третьем и четвертом семестре содержание текстов соответствует профессиональным интересам обучающихся [2].

2. Подобрать аутентичные тексты, которые отражают естественное использование языка, соответствуют современным

лексическим и грамматическим стандартам изучаемого языка. Обучающиеся осознают необходимость получения знаний из иностранных источников информации, которые увеличивают мотивацию обучения у обучающихся.

3. Типы текстов должны соответствовать видам чтения. Для развития навыков просмотрового чтения подбираются тексты большие по объему, но легкие по содержанию. При изучающем чтении тексты должны быть научно-популярными и маленькими по объему. Обучение поисковому чтению может быть организовано при работе с маленькими текстами. Учитывая вид чтения, обучающиеся смогут целесообразно организовать работу над иностранным текстом, научиться использовать вид чтения в зависимости от цели, а также увеличить скорость работы во время чтения текста на иностранном языке.

4. Информационное содержание и важность текстового материала играют большую роль в познавательной деятельности обучающихся. Тексты продвинутого уровня, описывающие актуальную проблему, увеличат познавательную деятельность, повысят мотивацию обучающихся на поиск и изучение иностранных источников информации в профессиональной сфере.

5. Следует учитывать будущую профессиональную деятельность обучающихся. Уровень языковой подготовки позволяет использовать профессионально ориентированные тексты с небольшим содержанием профессиональной терминологии на третьем и четвертом семестрах изучения иностранных языков в неязыковых образовательных организациях. Это значительно увеличивает познавательную деятельность обучающихся и мотивацию к чтению иностранных профессионально-ориентированных текстов.

6. Функционально-стилистическая и жанровая соотнесенность со специальностью, получаемой обучающимися, требует согласованного использования учеб-

¹ Seitenova S. S. Language Training with Professionally-Oriented Texts // Режим доступа: [https://www.idosi.org/mejsr/mejsr13\(sesh\)13/38.pdf](https://www.idosi.org/mejsr/mejsr13(sesh)13/38.pdf) (дата обращения: 15.12.2022).

ного материала и устного общения по специальности. Преподавателю необходимо осуществлять подбор таких профессионально ориентированных текстов, которые бы способствовали в дальнейшем использовать их при развитии умений различных видов речевой деятельности. Здесь наблюдается соотнесенность развития умений чтения профессионально ориентированных текстов и дальнейшее использование полученной информации в реальной иноязычной коммуникации. В юридической сфере такими текстами могут выступать статьи, законы, акты Парламента иностранных государств, международные соглашения, конвенции, кодексы¹.

Процесс работы обучающихся над текстами по поиску и извлечению необходимой информации должен строиться так, чтобы сама работа обучала их на основе заданий, составленных преподавателем. Такие задания включаются в этапы работы над текстами. В методике обучения чтению выделяют следующие этапы работы:

I. Предтекстовый этап направлен на снятие языковых трудностей, определение тематики и проблематики текста, ключевых терминов: работа с заголовками, работа с новой лексикой на основе языковой догадки, ответы на вопросы до прочтения текста, «мозговой штурм»².

Примеры некоторых упражнений и заданий:

1. Работа с заголовком: определить тематику текста “International Police Cooperation in Combating Cross-Border Crime”.

2. Работа с новой лексикой и определение тематики/проблематики текста на основе языковой догадки.

Слова к тексту обучающиеся выписывают и переводят заранее: night watch, in charge of, fire protection, disorder, apprehension,

database, liaison officer, corruption, nuclear. Далее обучающиеся по цепочке называют русские эквиваленты следующих интернационализмов: cross-border, organized, international, transnational, police, convention, activities, communication, cooperation, consolidate.

3. Ответить на вопросы до чтения текста:

1. Do you know any international organizations fighting international crimes?

2. What is a transnational crime?

3. Is it necessary for international organizations to combine their efforts and why?

II. Текстовый этап включает в себя коммуникативные установки с указанием на вид чтения (просмотровое, изучающее, поисковое) и на решение заданных познавательных-коммуникативных задач: вставьте подходящие по смыслу слова или словосочетания, пропущенные в тексте; ответьте на предложенные вопросы; догадайтесь о значении слова по контексту; найдите предложения со следующими грамматическими явлениями в тексте; подберите соответствующий заголовок к абзацу.

На текстовом этапе обучающиеся читают и переводят текст по предложениям либо читают текст самостоятельно с целью детального понимания содержания, затем выполняют ряд упражнений:

1. Find the English equivalents in the text:

1) постоянный рост международных обменов; 2) бороться с международной преступностью; 3) предупреждать международные преступления; 4) финансовые преступления и преступления в сфере высоких технологий; 5) оказывать помощь в зарубежных расследованиях; 6) доступ к международной базе данных.

2. Match the words with an opposite meaning:

1) development a) law-abiding citizen

¹ Шарапова С. И. Критерии отбора содержательно-текстовой базы для обучения студентов неязыкового вуза профессионально ориентированному чтению на иностранном языке // Режим доступа: https://lib.herzen.spb.ru/text/sharapova_102_319_322.pdf (дата обращения: 15.12.2022).

² Рыжикова В. Н. Этапы работы с текстом на уроках английского языка // Режим доступа: <https://multiurok.ru/blog/etapy-raboty-s-tiekstom-na-urokakh-anghliiskogho-iazyka.html> (дата обращения: 15.12.2022).

- | | |
|-------------|---------------|
| 2) criminal | b) obey |
| 3) security | c) worsening |
| 4) violate | d) insecurity |
| 5) illicit | e) legal |

3. Make up word combinations:

- | | |
|------------------|----------------|
| 1) cross-border | a) facilities |
| 2) subsequent | b) proportion |
| 3) alarming | c) crime |
| 4) money | d) extradition |
| 5) sophisticated | e) laundering |

III. Послетекстовый этап заключается в проверке понимания прочитанного текста, контроле сформированности умений чтения и дальнейшего использования полученной информации в профессиональной деятельности. Данный этап позволяет научить обучающихся использовать прочитанный материал для формирования умений устной и письменной речи [3]. Задания могут быть следующими: определите, верно или ложно утверждение; выразите свое мнение по тематике прочитанного текста; составьте аннотацию прочитанного текста; выберите высказывание, которое больше подходит к тексту и обоснуйте свой выбор.

Примеры некоторых упражнений и заданий:

1. Look through the text again and complete the sentences with a suitable word from the box: *telecommunications, the national police force, money laundering, database, smugglers, organized crime, drug trafficking*.

1) Interpol's work is focused on terrorism, ..., ... and

2) National Central Bureau (NCB) is staffed by

3) The international criminals are those who operate in more than one country, such as

4) The information about all categories of international criminals is sent over Interpol's ... network.

5) Interpol maintains a large ... keeping unsolved crimes and both convicted and wanted criminals.

2. Find in the text and comment on the following points:

- types of crimes Interpol deals with;
- the main categories of international criminals;

– the work of National Central Bureau (NCB);

– Interpol's database.

3. Answer the questions:

1) What factors provide more and more opportunities for international criminal activity?

2) What makes police departments in different countries work together in combating international crime successfully?

3) Where and when was Interpol set up?

4) What are Interpol's priority activities?

5) Who makes a request to place the criminals on the Interpol wanted list? Who must track and arrest them?

Вопросно-ответную беседу по содержанию прочитанного можно организовать так: один курсант задает вопрос и назначает отвечающего, тот в свою очередь, ответив на вопрос, задает следующий другому курсанту и так далее.

На заключительном этапе послетекстовой работы обучающиеся получают задание написать аннотацию на основе данного текста с использованием следующих фраз-клише:

1. The title of the text is ...

2. The main idea of the text is ...

3. The text is devoted to the problem ...

4. The main attention is paid to ...

5. The first (second) part (paragraph) stresses that ...

6. The author points out, that ...

7. In conclusion the author writes (speaks) about ...

Таким образом, прорабатывая текст, используя наибольшее количество упражнений, можно смело утверждать, что чтение текстов на иностранном языке в огромной мере способствует расширению лексического запаса, умению понимать значения незнакомых слов из контекста, закреплению различных разделов грамматики, совершенствованию речевых навыков. Нельзя отрицать и воспитательный характер чтения: чтение повышает культуру человека, заставляя его задуматься над различными проблемами и аспектами нашей жизни.

Несомненно, работу над иноязычным профессионально ориентированным текстом необходимо организовывать не только

во время практических занятий иностранному языку, но и во время организации самостоятельной подготовки обучающихся. В данном случае преподаватель будет осу-

ществлять контроль за результатами обучающихся, что позволит им правильно и с минимальными затратами времени развить навыки чтения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Образцов П. И., Иванова О. Ю. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов: учебное пособие / под ред. П. И. Образцова. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
2. Prokhorets E. K., Sysa E. A., Rudneva E. L. Teaching of Autonomous Foreign Language Reading in Technical University: Criteria for the Selection of Textual Material, *Procedia – Social and Behavioral Sciences* / Tomsk. 2015. P. 256–259.
3. Массальская Ю. В. Формирование навыков чтения и перевода на практических занятиях по английскому языку у обучающихся образовательных организаций МВД России: учебно-практическое пособие / Ю. В. Массальская, Л. И. Ихсанова, Г. Ф. Гизатова. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2020. 32 с.

REFERENCES

1. Obraztsov P. I., Ivanova O. Yu. Professionally-oriented teaching of a foreign language at non-linguistic faculties of universities: study guide / edited by P. I. Obraztsov. Orel: OSU, 2005. 114 p. (In Russ.)
2. Prokhorets E. K., Sysa E. A., Rudneva E. L. Teaching of Autonomous Foreign Language Reading in Technical University: Criteria for the Selection of Textual Material, *Procedia – Social and Behavioral Sciences* / Tomsk. 2015. P. 256–259.
3. Massalskaya Yu. V. Formation of reading and translation skills in practical classes in English for students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia: an educational and practical manual / Yu. V. Massalskaya, L. I. Ihsanova, G. F. Gizatova. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 32 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

**ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА
ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. А. ШОЛОХОВА**

Анастасия Васильевна Внуковская
Ростовский юридический институт МВД России,
Ростов-на-Дону, Россия, vnykastyu@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о значении контекста в семантизации фразеологических единиц и особенностях их функционирования в художественном тексте. Автор отмечает специфику сочетаемости фразеологизмов с единицами того же языкового уровня в произведениях М. А. Шолохова. На основании проведенного анализа художественных текстов писателя делается вывод о том, что концентрированное использование фразеологических единиц является характерной чертой его идиостиля.

Автор отмечает, что типичной сочетаемостью фразеологизмов является их соположение с лексемами. Взаимодействие фразеологических единиц между собой – явление более редкое, объясняющееся самой их природой. Подчеркивается, что особенности функционирования фразеологизмов в тексте и возможности их сочетаемости зависят от структуры фразеологического значения. Концентрированное использование фразеологизмов детерминирует их семантику и способствует усилению образности и экспрессивности текста. Следовательно, концентрация фразеологических единиц выполняет эстетическую, экспрессивную и воздействующую функцию.

Ключевые слова: фразеологическая единица, контекст, концентрация фразеологизмов, идиостиль, М. А. Шолохов, функции фразеологического контекста.

Для цитирования: Внуковская А. В. Функции фразеологического контекста при актуализации семантики фразеологических единиц в произведениях М. А. Шолохова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 162–168.

Original article

**THE FUNCTIONS OF PHRASEOLOGICAL CONTEXT
AT ACTUALIZING THE SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS
IN THE FICTION OF M. A. SHOLOKHOV**

Anastasia V. Vnukovskaya
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Rostov-on-Don, Russia, vnykastyu@mail.ru

Abstract. This article deals with the importance of context in the semantization of phraseological units and the peculiarities of their functioning in the fiction text. The author notes the specifics of the combinability of phraseological units with the units of the same linguistic level in the works of M. A. Sholokhov. Based on the analysis of the writer's literary texts the conclusion is made that the concentrated use of phraseological units is a characteristic feature of his idiostyle.

The author points out that the typical combinability of phraseological units is their coexistence with lexemes. The interaction of phraseological units among themselves is a rarer phenomenon, explained by their very nature. It is emphasized that the peculiarities of phraseological units functioning in the text and the possibilities of their combinability depend on the structure of phraseological meaning. The concentrated use of phraseolo-

gical units determines their semantics and contributes to the enhancement of figurativeness and expressiveness of the text. Consequently, the concentration of phraseological units performs an aesthetic, expressive and influential function.

Keywords: phraseological unit, context, concentration of phraseological units, idiostyle, M. A. Sholokhov, functions of phraseological context.

For citation: Vnukovskaya A. V. The functions of phraseological context at actualizing the semantics of phraseological units in the fiction of M. A. Sholokhov // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 162–168.

Функционирование фразеологических единиц в тексте детерминируется не только их исходной семантикой, но и конкретным окружением (контекстом). Рассмотрением феномена контекста занимались многие ученые (Н. С. Болотнова [1], Г. Н. Колшанский [2] и др.), однако термин «контекст» так и не имеет точной дефиниции, в которой нашли бы отражение все специфические характеристики данного явления. В связи с этим автор считает необходимым уточнить определение контекста с точки зрения концентрированного использования фразеологических единиц в художественном тексте.

Изучением контекста с позиций фразеологии занимались В. Н. Телия [3; 4], А. М. Мелерович [5], В. М. Мокиенко [5], Е. И. Диброва [6; 7] и другие. Г. В. Колшанский понимает контекст как «свойство языковой системы и форму ее существования» [2, с. 44], «грамматически организованное единство, в котором реализуется семантика единиц всех уровней» [2, с. 45]. В. Н. Телия считает, что контекст представляет собой «указательный минимум» [3, с. 48].

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» отмечается, что «концептуальное представление о контексте покоится на двух основаниях: 1) в речемыслительном процессе системно заданные свойства языковых единиц реализуют себя в сцеплении с другими языковыми единицами, детерминируя их и детерминируясь ими; 2) языковые единицы, сохраняя тождественность самим себе в своих инвариантных свойствах, видоизменяют другие свои свойства под воздействием окружения» [8, с. 274]. Особенности функционирования фразеологических единиц в художественных произведениях посвящены рабо-

ты Т. Л. Павленко [9], Е. В. Бутенко [10], Г. А. Циммерман [10], Е. А. Колобовой [11] и других ученых.

Целью данного исследования является рассмотрение особенностей контекстуального окружения фразеологических единиц. Отсюда были сформулированы следующие задачи: проанализировать типичную и окказиональную сочетаемость фразеологических единиц с другими языковыми единицами в тексте; выявить специфические черты использования фразеологических единиц в произведениях М. А. Шолохова; детерминировать функции фразеологического контекста при актуализации семантики фразеологических единиц в случае их концентрированного использования.

Объектом исследования является контекстуальное окружение фразеологических единиц и их блоки (фрагменты текста, содержащие несколько семантически связанных фразеологических единиц). Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями развития теории текста и идиостилистики, в центре внимания которых находятся индивидуально-авторские особенности организации текстового пространства и отбор языковых единиц согласно творческому замыслу. Новизна заключается в том, что концентрированное употребление фразеологических единиц, являющееся характерной отличительной чертой художественной прозы М. А. Шолохова, нетипично и нуждается в детальном рассмотрении как новаторский способ организации текста.

В своем исследовании мы опирались на такое понимание фразеологического контекста, при котором ключевым признаком является семантическая независимость текста

(или его фрагмента), заключающая в себе некую мысль. Полнота и завершенность образа определяют объем текста, в рамках которого взаимодействуют фразеологизмы. В связи с этим оптимальной единицей контекста можно считать предложение, выражающее законченную идею и позволяющее всем фразеологизмам реализовать необходимое значение в соответствии с авторским замыслом.

В прозе М. А. Шолохова фразеологический контекст может включать и большее число предложений, если они семантически связаны и образуют единый образ. Интерпретация отдельных частей подобного блока фразеологических единиц затруднена (и даже невозможна) из-за неполноты семантики каждого элемента вне общего контекста. Концентрация фразеологизмов семантически организует текст, что способствует выражению авторских намерений.

Использование нескольких фразеологизмов в непосредственной близости – яркая особенность идиостиля М. А. Шолохова. Нестандартный подход к организации текста с большим количеством изначально образных, устойчивых, воспроизводимых по традиции языковых единиц, переосмысление их парадигматических отношений и синтагматических связей способствует реализации экспрессивного потенциала и выполняет эстетическую функцию. Рассмотрение этого вопроса важно для теории текста, стилистики, исследований идиостиля и фразеологии.

Концентрация фразеологических единиц представляет собой контекстуальное явление, подразумевающее употребление двух и более фразеологизмов, семантически и стилистически связанных между собой. Объем текста, в рамках которого выделяется указанный структурный элемент («концентрация фразеологизмов», «блок фразеологизмов»), характеризуется смысловой завершенностью. Для интерпретации семантики блока в контексте художественного произведения важную роль играют внутренняя форма, степень переосмысления и трансформации структуры исходных единиц, их

стилистическая отнесенность и экспрессивная окраска. Целенаправленная концентрация фразеологических единиц предполагает их тематическую соотнесенность, наличие общих сем. Входящие в блок фразеологизмы располагаются либо в непосредственной близости, либо дистантно.

Например, описывая состояние героя в преддверии боя, писатель использует два фразеологизма последовательно: *«Стиснув зубы, устремив немигающий взгляд воспаленных глаз туда, где за меловым бугром правобережья бурой, зловещей тучей вставала пыль, он молча вслушивался в издавна знакомые, грозные шумы большого наступления»* [12, с. 192]. Такое их расположение позволяет передать напряжение и тревогу, владеющие Лопахиным. Физиологические проявления отражают его внутреннюю решимость действовать несмотря ни на что.

В состав блока фразеологических единиц могут включаться члены одного фразеологического гнезда, так как в их структуре есть общий лексический компонент, содержащий ядро значения. Рассмотрим следующий пример с фразеологизмами, входящими в состав фразеологических гнезд с ключевыми компонентами «язык» и «стежка».

– *Языком не трепи!.. Коли длинный он у тебя – привяжи к зубам!..* [13, с. 291] – ср. *трепать язык* – «Прост. Пренебр. Говорить зря, попусту; пустословить» [14, с. 645], *длинный язык* – «Разг. Ирон. 1. у кого. Кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре» [14, с. 717], *привязать язык кому* – «Устар. Заставить кого-либо замолчать» [14, с. 491]; ...*думал и понял Васька, что не на ту стежку попал, на кривую. Топтать эту стежку до худого конца вместе с ребятами с большого илеха* [13, с. 170] – ср. *идти по ложному пути* – «заблуждаться в поисках верного решения» [14, с. 256] и *пойти прямым путем* – «Книжн. Экспресс. Жить честно, поступая справедливо, действуя без уловок и обмана» [14, с. 257].

Лексема «язык» относится к общепотребительным, и фразеологизмы с этим лексическим компонентом также функ-

ционируют в общезыковой сфере. Лексема «стежка» нуждается в пояснениях, поскольку относится к диалектизмам. В «Словаре языка Михаила Шолохова» у слова «стежка» зафиксировано значение «тропинка, дорожка» [15, с. 828]. Следует отметить, что эти слова М. А. Шолохов активно использует в текстах своих произведений и как свободные лексические единицы, и в качестве лексического компонента фразеологических единиц. В приведенном примере концентрация фразеологизмов обновляет и разворачивает переносное, метафорическое, значение исходных единиц, благодаря чему усиливается образность всего фрагмента.

Все языковые единицы актуализируются в контексте, подвергаясь его влиянию и, в свою очередь, оказывая влияние на другие единицы. Сочетаемость фразеологизмов между собой встречается значительно реже сочетаемости между лексемами или же лексем с фразеологизмами и часто является ошибкой. М. А. Шолохов сознательно употребляет фразеологические единицы в непосредственной близости для реализации художественного замысла. В его произведениях концентрация фразеологизмов – форма нетипичной организации текста. Одной из первых стала разрабатывать вопрос о неслучайном концентрированном использовании фразеологизмов Т. Л. Павленко [9].

Несмотря на устойчивость значения фразеологические единицы в контексте подвергаются влиянию лексем. Это объясняется тем, в состав фразеологизма входят лексические компоненты, в разной степени переосмысленные и связанные между собой. Они могут частично сохранять исходную семантику, которая и мотивирует значение устойчивого оборота. Взаимодействие фразеологических единиц с контекстом может стать причиной более или менее существенных трансформаций, обусловленных особенностями обозначаемых ими явлений. Семантически связанные языковые единицы контекста фразеологизмов являются их контекстуальными актуализаторами.

В структуре большинства фразеологических единиц существует семантическое согласование. Наличие согласования между фразеологической единицей и контекстом играет важную роль в организации текста. Благодаря сочетаемости с другими единицами, семантически связанными либо с целостным значением фразеологизма, либо с его лексическими компонентами, актуализируется наиболее значимая в данном контексте сема. При согласовании фразеологизма с другими языковыми единицами в контексте речь идет о внешнем согласовании.

Непосредственное окружение, как и более широкий контекст фразеологизма, играет в актуализации значения фразеологических единиц большую роль. В тексте фразеологизмы утрачивают семантическую автономность, поскольку воспринимаются вместе с общим смыслом предложения (или сверхфразового единства) и детерминируются контекстуальными синтагматическими связями и парадигматическими отношениями с другими языковыми единицами.

Контактно употребленные фразеологические единицы подвергаются взаимному влиянию, создавая в тексте новые неожиданные образные структуры с ярко выраженной коннотацией. Реализуясь в контексте, фразеологизм приобретает художественную образность, т. к. ее окружение привносит в значение фразеологической единицы дополнительные семы. Кроме того, писатели стремятся развернуть образность фразеологизмов за счет добавления слов (детализации), свободных сочетаний слов, других фразеологизмов (концентрации) или даже полного разрушения структуры при обязательном сохранении семантики.

Фразеологическая единица в тексте дилогична, т. к. употребляется одновременно в двух значениях – прямо-текстовом и переносно-текстовом. Как отмечает Е. И. Диброва, «это способствует «игре воображения» и создает семантическую глубину» [7, с. 56]. Прямо-текстовая семантика отражает «внешнюю антиреферентность и внутреннюю референтность относительно всей

семантической протяженности текста, которая характеризуется включенностью слова в его центробежность и ассоциативность» [7, с. 56]. В этом случае фразеологизм играет значимую роль в собственном значении текста. Переносно-текстовая семантика актуализируется «в специфическом, свойственном данному тексту значении» [7, с. 56].

Косвенная номинация, или переносное значение, фразеологизма реализуется только в контексте, поскольку лишь благодаря взаимодействию с языковыми единицами непосредственного окружения можно установить наличие мотивационной связи между прямым значением и производным. В. М. Мокиенко и А. М. Мелерович отмечают, что «в отличие от образных фразеологических единиц, входящих в систему языка, индивидуально-авторские, окказиональные фразеологические единицы обнаруживают образную мотивировку и воспроизводимость лишь в тексте, в котором они возникают» [5, с. 133]. Включая фразеологическую единицу в определенный контекст, автор может обыграть сразу оба значения, используя прием двойной актуализации семантики.

Например, герой романа М. А. Шолохова «Судьба человека» Андрей Соколов говорит о своей жене Ирине: «*Со стороны глядеть – не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны глядел, а в упор*» [12, с. 24]. Используемые в высказывании фразеологические единицы могут пониматься буквально, но их контекстуальное противопоставление смещает смысловой акцент в область личных отношений и реализует следующие значения: *со стороны* (разг.) – «объективно, беспристрастно; так, как оценили бы другие люди» [14, с. 619], *в упор* (разг., экспрес.) – «прямо, пристально с небольшого расстояния (смотреть, глядеть на кого-либо)» [14, с. 661]. В результате соположения антонимичных фразеологизмов происходит двойная актуализация семантики, когда реализуются одновременно и прямое, и переносное значение фразеологизмов, благодаря чему достигается экспрессивный эффект.

Использование нескольких фразеологических единиц в ограниченном по протяженности семантически целостном и завершенном фрагменте текста направлено на усиление экспрессивного эффекта, интенсификацию образности и выразительности повествования, а также на реализацию его изобразительного потенциала. Принимая во внимание тот факт, что фразеологизмы представляют собой языковые единицы, характеризующиеся изначальной образностью и наличием экспрессивных и эмотивных коннотативных компонентов, их потенциальные возможности увеличения художественного эффекта посредством организации фразеологизмов по определенной синтаксической модели огромны.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что М. А. Шолохов активно использует фразеологический контекст для актуализации семантики фразеологических единиц. В подобных случаях взаимосвязанные фразеологизмы образуют блоки фразеологических единиц, которые являются одной из примет идиостиля писателя. Парадигматические отношения и синтагматические связи собственно фразеологических единиц, а также входящих в их состав лексических, детерминируют контекстуальные значения фразеологизмов, эксплицируя различные элементы их семантической структуры.

Контекст влияет на значение фразеологической единицы, способствует трансформациям, акцентуации определенных сем и приращению дополнительных семантических и коннотативных оттенков. Концентрация фразеологических единиц является стилистическим приемом целенаправленной дестандартизации текста с целью реализации авторского замысла. Концентрированное использование фразеологических единиц оказывает влияние на образность и экспрессивность повествования, благодаря чему усиливается его воздействие на читателя и увеличивается эстетическая ценность текста. Следовательно, концентрация фразеологических единиц как способ организации текста выполняет эстетическую, экспрессивную и воздействующую функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня: монография / под ред. С. В. Сыпченко. Томск: Томский государственный университет, 1992. 312 с.
2. Колшанский Г. В. Контекстная семантика: 3-е изд. М.: URSS, 2007. 149 с.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
5. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома, 2008. 484 с.
6. Диброва Е. И. Избранные работы: в 2 т. Т. I. Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл. М.: ТВТ Дивизион, 2008. 429 с.
7. Диброва Е. И. Избранные работы: в 2 т. Т. II. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста. М.: ТВТ Дивизион, 2008. 470 с.
8. Ревзина О. Г. Контекст // Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 274–277.
9. Павленко Т. Л. Прием концентрации фразеологизмов в прозе М. А. Шолохова // Шолоховские чтения – 2005. Творчество М. А. Шолохова в контексте мировой культуры: сборник статей, посвященный 100-летию писателя. Ростов-на-Дону, 2005. С. 209–217.
10. Бутенко Е. В., Циммерман Г. А. Амплификация аксиологической семантики фразеологизмов как результат их трансформации в кинодискурсе // Казанская наука. 2022. № 4. С. 137–139.
11. Колобова Е. А. Особенности функционирования фразеологизмов // Устойчивые фразы в парадигмах науки: материалы Международной научной конференции. Тула: С-Принт, 2015. С. 42–45.
12. Шолохов М. А. Они сражались за Родину: главы из романа. Рассказы. Очерки. Ростов-на-Дону: Книжное издательство, 1974. 304 с.
13. Шолохов М. А. Донские рассказы. М.: Художественная литература, 1980. 302 с.
14. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: 3-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
15. Словарь языка Михаила Шолохова / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Азбуковник, 2005. 964 с.

REFERENCES

1. Bolotnova N. S. Artistic text in the communicative aspect and complex analysis of units of the lexical level: monograph / ed. S. V. Sypchenko. Tomsk: Tomsk State University, 1992. 312 p. (In Russ.)
2. Kolshansky G. V. Contextual semantics: 3rd ed. M.: URSS, 2007. 149 p. (In Russ.)
3. Telia V. N. Connotative aspect of the semantics of nominative units. M.: Nauka, 1986. 143 p. (In Russ.)
4. Telia V. N. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects. Moscow: Languages of Russian culture, 1996. 288 p. (In Russ.)
5. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Semantic structure of phraseological units of the modern Russian language. Kostroma, 2008. 484 p. (In Russ.)
6. Dibrova E. I. Selected works: in 2 volumes. T. I. Artistic text: Structure. Content. Meaning. M.: TVT Division, 2008. 429 p. (In Russ.)
7. Dibrova E. I. Selected works: in 2 vols. T. II. Lexicology. Phraseology. Text syntax. Moscow: TVT Division, 2008. 470 p. (In Russ.)
8. Revzina O. G. Context // Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary-reference book. M.: Flinta: Nauka, 2003. P. 274–277. (In Russ.)
9. Pavlenko T. L. Reception of the concentration of phraseological units in the prose of M. A. Sholokhov // Sholokhov Readings – 2005. The work of M. A. Sholokhov in the context of world culture: a collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the writer. Rostov-on-Don, 2005. P. 209–217. (In Russ.)
10. Butenko E. V., Zimmerman G. A. Amplification of the axiological semantics of phraseological units as a result of their transformation in film discourse. Kazanskaya Nauka. 2022. No. 4. P. 137–139. (In Russ.)

11. Kolobova E. A. Features of the functioning of phraseological units // Set phrases in the paradigms of science: materials of the International Scientific Conference. Tula: S-Print, 2015. P. 42–45. (In Russ.)
12. Sholokhov M. A. They fought for the Motherland: chapters from the novel. Stories. Essays. Rostov-on-Don: Book publishing house, 1974. 304 p. (In Russ.)
13. Sholokhov M. A. Don stories. M.: Fiction, 1980. 302 p. (In Russ.)
14. Fedorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: 3rd ed., rev. M.: AST: Astrel, 2008. 878 p. (In Russ.)
15. Dictionary of the language of Mikhail Sholokhov / ed. E. I. Dibrova. M.: Azbukovnik, 2005. 964 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Внуковская А. В., кандидат филологических наук.

Information about the author:

Vnukovskaya A. V., Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 28.04.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 28.04.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 8'80.80

СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Елена Александровна Петрова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
eleina.froloff@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с детерминацией языка специальности, реализованного в конкретной профессиональной сфере, в частности, при подготовке будущих сотрудников правоохранительных органов. Подчеркивается, что язык следует изучать как средство познания культуры. Акцентируется внимание на том, что феномен системного описания языка специальности лишь декларируется в современном языкознании, поэтому существует ряд синонимических интерпретаций. В этой связи предлагается авторская гипотеза исследования языка юридической специальности. Исследуются особенности лексическо-семантического уровня языка специальности с точки зрения юридической терминологии. Делается вывод о том, что юридическая терминология полисемантическая и в ней представлено много заимствований. Отмечается, что концепция овладения языком специальности во многом соответствует специфике получаемого образования. Теоретико-методологической основой исследования послужили положения, разработанные в области философии и методологии науки, логических концепций исследования языка, дискурсологии, терминоведения

Ключевые слова: язык, язык специальности, язык специальных текстов, дискурс, подязык, юридическая терминология, семантика, полисемия.

Для цитирования: Петрова Е. А. Системное описание языка специальности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 169–175.

Original article

THE SYSTEM DESCRIPTION OF THE SPECIALTY LANGUAGE

Elena A. Petrova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
eleina.froloff@yandex.ru

Abstract. The article deals with issues related to the determination of the language of specialty, implemented in a specific professional area, in particular, in the training of future law enforcement officers. It is emphasized that language should be studied as a means of learning culture. Attention is focused on the fact that the phenomenon of a systemic description of the language of a specialty is only declared in modern linguistics, therefore there are a number of synonymous interpretations. In this regard, the author's hypothesis for the study of the language of the legal specialty is proposed. The features of the lexical-semantic level of the specialty language are studied from the point of view of legal terminology. It is concluded that legal terminology is polysemantic and contains many borrowings. It is noted that the concept of mastering the language of the specialty largely corresponds to the specifics of the education received.

Key words: language, specialty language, language of special texts, discourse, sublanguage, legal terminology, semantics, polysemy.

For citation: Petrova E. A. The system description of the specialty language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 169–175.

Как известно, между ресурсами языка, реальными возможностями языка и по-

требностью людей в языковых средствах (в частности, стремлением создать более со-

© Петрова Е. А., 2023

вершенное средство языка) в каждую культурно-историческую эпоху возникают противоречия, которые и определяют движение и развитие, а значит, и совершенствование языка. Взгляд на язык как на феномен культуры и в то же время как на средство познания культуры своего народа и вхождения в самом широком смысле слова в культуру изучаемого языка вносит определенные коррективы в процесс формирования языковой личности, поскольку одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике является лингвострановедение или лингвокультуроведение.

Настоящая статья посвящена междисциплинарному анализу подязыка специальности будущих сотрудников органов внутренних дел. Получение объективных сведений о функциях, структуре и основных лексических единицах подязыка юридической специальности, об особенностях языковой экспрессии в профессиональной картине мира возможно лишь при обращении к многоаспектному описанию на стыке теории языков для специальных целей и терминоведения.

Следует отметить, что в трудах отечественных и зарубежных лингвистов невозможно обнаружить системное описание языка специальности. Этот феномен лишь декларируется, принимается как аксиома, как нечто данное, не требующее доказательств и соответствующего научного толкования. Более того, прослеживаются различные синонимические интерпретации термина «язык специальности». Так, в русском языке встречаются такие термины, как: «подязык», «профессиональный язык», «язык научной литературы», «научная речь», «специализированный научный язык», «язык науки», «научно-техническая терминология» и другие [1; 2; 3].

В нашем исследовании мы отдаем предпочтение термину «язык специальности» и понимаем под ним реализованный язык в конкретной профессиональной сфере в письменной и (или) устной формах. Употребляя слово «язык», мы разделяем мнение тех исследователей, которые не проводят в тер-

минологическом плане различия между языком и речью. Высказываясь за употребление термина «язык специальности», мы, в отличие от общепринятой точки зрения, согласно которой язык представляет «совокупность всех языковых средств, применяемых в профессионально ограниченной сфере коммуникации, как в устной, так и в письменной форме выражения» [4, с. 75–76], включаем в его структуру и другие аспекты, такие как: страноведческий, деловое общение, общенаучный. Язык профессионально ограниченной сферы мы будем именовать «языком текстов по узкой специальности» или «языком специальных текстов».

По нашему мнению, современный специалист без знания основ языка делового общения общенаучного языка, который восходит к языку текстов по узкой специальности, а также реалий страны изучаемого языка, не может в достаточной степени овладеть иностранным языком. Например: *Murphy's law* (закон подлости). Мы полагаем, что, исходя из грамматического оформления, большинство переведет приведенную фразу дословно, как *закон Мерфи*. Однако, если обратиться к исторической составляющей данной фразы, то данный философский принцип гласит – *Если что-нибудь может пойти не так, оно пойдет не так* (от англ. – *Anything that can go wrong will go wrong*).

Приведенный пример наталкивает нас на мысль о том, что при изучении иноязычных языковых реалий целесообразно обращаться к исследованию культурноспецифического фона языка специальности. Согласно вышеизложенным соображениям, мы будем разграничивать понятия «язык конкретной специальности» и «язык текстов по узкой специальности».

Отталкиваясь от философской трактовки через соотношение категорий диалектики, мы постулируем гипотезу, согласно которой «язык специальности» – это объективная реальность. Все это наводит нас на мысль, что логично рассматривать «язык специальности» как часть по отношению к общелитературному (общепотребительному) языку как целому. В этой связи воз-

никает необходимость коснуться в общих чертах некоторых положений упомянутых категорий, проливающих свет на исследуемую проблему.

Для начала подчеркнем, что всякое исследование основано на сравнении и выражается с помощью пропорций – *De doeta ignorantia* [5, с. 7]. Диалектический материал теоретических концепций и дисциплин, жидущихся на целостном подходе к объектам (язык является одним из таких объектов), дает сообразную экспликацию целого и части. Так, в случае сложноорганизованных объектов целое несводимо к сумме частей. Решение проблемы состоит в том, что целое характеризуется новыми качествами и свойствами, отдельными частями, но возникающими в результате их корреляции в определенной системе связей. Данную особенность любого целостного образования можно назвать свойством интегративности.

В отношении целого и части, как констатировал Гегель, ни одна из сторон не может рассматриваться без другой. Целое без частей немислимо; с другой стороны, часть вне целого – это уже не часть, а иной объект, т. к. в целостной системе части выражают природу целого и приобретают специфические для него свойства [6]. Следовательно, напрашивается вывод, что между частями органичного целого (а также между частями и целым) существует не простая функциональная зависимость, а значительно более сложная система разнокачественных связей – структурных, генетических, связей субординации, управления и т. п., в рамках которой причина одновременно выступает как следствие, полагаемое как предпосылка.

Современное познание разрешает и известный познавательный парадокс, а именно: как познать целое раньше частей, если это предполагает знание раньше целого? Познание частей осуществляется одновременно, поскольку, выделяя части, мы анализируем их как элементы данного целого, а в результате синтеза целое выступает как диалектически расчлененное, состоящее из частей. Изучение частей является в конечном счете единственно возможным путем

изучения целого. В то же время результаты исследования частей входят в систему научного знания лишь благодаря тому, что они выступают как новое знание о целом [6, с. 768–769].

В рамках выдвигаемого предположения «язык специальности» как вариант общелитературного языка, эксплицируемого как целое, приобретает статус системно-структурного образования, в равной степени как и общелитературный язык. Установление своеобразных черт языка специальности по отношению к общеупотребительному языку возможно, на наш взгляд, путем дифференциации понятий «система» и «структура языка».

Следуя обычным для лингвистики традициям, системой мы называем совокупность связей и элементов, а структурой обозначаем реляционный каркас объекта. Иначе говоря, любой объект со структурой представляет собой систему, а любая система – это объект со структурой. Система же, помимо признака «наличие структуры», включает или предполагает другие, не менее важные характеристики – целостность, а также репрезентирующие ее элементы, отличные от связей или отношений.

По мнению Г. А. Югая, установление сущности и выявление особенностей объекта (в нашем случае языка специальности) возможно производить, рассматривая эти понятия через призму самого набора элементов, набора взаимосвязей между этими элементами и, как итог, через собрание этих элементов и взаимоотношений составных частей, то есть, «воплощения элементов в определенную субстанцию» [7, с. 24].

Понятие «языковая система», при этом мы подразумеваем «общеупотребительный язык» или «язык специальности», неразрывно связано с такими категориями, как «элемент» и «структура». Очевидно, что данные концепты взаимодействуют друг с другом. При этом следует отметить, что основные черты такой связи между элементами, которые образуют целую структуру, как и механизм их взаимодействия в рамках целого, обусловлены свойствами данных элементов,

непосредственно их кваликативными (от лат. *qualitas* – качество) и квантитативными (от лат. *quantitas* – количество) детерминантами, т. е. характеристиками. И наоборот, характеристики составляющих элементов, их положение и ценность в единой структуре в какой-то степени испытывают зависимость со стороны совокупности связей, в которых они находятся, то есть от самой системы. Таким образом, изменяя составляющие элементы, мы можем менять саму структуру, а в свою очередь новая структура трансформирует природу входящих системных элементов. Следовательно, конституирующие частицы получают новые параметры, новые кваликативные и квантитативные характеристики.

Еще одним фактором, который необходимо принять в расчет, является то, что язык специальности взаимодействует с общеупотребительным языком, как часть и целое. Он же представляет собой целое по отношению к упомянутым выше аспектам, т. е. частям. В качестве иллюстративного примера такого взаимовлияния части на целое можно привести такой феномен, как изомерия – «явление, заключающееся в существовании соединений (изомеров), обладающих одинаковым составом и молекулярной массой, но различающихся по строению» [8, с. 185].

Из вышеизложенного следует, что для того, чтобы представить «язык специальности» как целостную систему с набором единиц соответствующих языковых уровней, организованных соразмерно его реляционному каркасу, требуется специальное обстоятельное исследование. Заметим, что контуры рассматриваемого объекта, другими словами границы языка специальности, который как бы вплетается в живую ткань общеупотребительного языка, не поддаются точному определению, их можно себе представить только умозрительно. По этому случаю уместно упомянуть суждения академика Л. В. Щербы о том, что «ясны только крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное

и колеблющееся и должно более всего привлекать лингвиста» [9, с. 35–36].

Давая рабочее определение понятию «язык специальности», мы разделяем точку зрения Е. В. Опельбаума, который под «научно-техническим языком» (в его терминологии) понимает «вариант» литературного языка [10, с. 29]. Напротив, умозрение М. С. Чувелевой рассматривать «подъязык» в качестве составной части литературного языка нам представляется не совсем оправданным, ибо в таком случае «язык специальности» обладает той же структурой и тем же качеством элементов, что и общеупотребительный язык [4].

Итак, «язык специальности» мы будем трактовать как вариант общеупотребительного языка, который служит средством оптимального обмена письменной и (или) устной информацией; относится к конкретной специальности: включает помимо текстов по узкой специальности, страноведческий аспект, аспект делового общения и общенаучный, с характерной для него (т. е. варианта) структурой языковых средств: синтаксических, морфологических, словообразовательных, лексических/фразеологических, структурно-фонетических.

Следующий вопрос, заслуживающий рассмотрения, – это вопрос, связанный с развитием лексического запаса языка. Мы полагаем, что он обусловлен, по-видимому, как раз тем самым противоречием, выражающим внутреннюю сущность процесса развития языка и органически связанным с мышлением. Считаем, что под развитием языка следует понимать не только количественное преобразование лексики, но и качественное. Уровень развития общества и мышления носителей языка, представляя собой чисто внешнюю причинность, обусловливается, разумеется, в единстве с внутренними причинами – развитием языка в целом.

Большую роль в раскрытии семантики языковых единиц разных уровней, углублении знаний о языке может играть лингвистический анализ аутентичных текстов, при отборе которых решающим должен быть

критерий наличия культурологического компонента содержания. Лингвистический анализ текста языка специальности является не самоцелью, а средством обучения глубокому проникновению в содержание читаемого при помощи наблюдения за его структурными и семантическими особенностями.

В рамках изучения дисциплины «Иностранный язык» будущими сотрудниками органов внутренних дел «язык специальности» представляет интерес с точки зрения этимологии юридической терминологии. Поступательное развитие юридического языка обусловлено рядом факторов. Так, с одной стороны, юридический язык а priori интернационализирован. Например: *acte criminel* (фр.) – *criminal act* (англ.) – преступное деяние, *accident d'aviation* (фр.) *aviation accident* (англ.) – авиационная катастрофа, *emprisonnement de longue duree* (фр.) – *long term imprisonment* (англ.) – длительное тюремное заключение и т. д.

С другой стороны, громадное влияние на юридическую терминологию оказал латинский язык, который издревле считается языком античной учености и средневековой схоластики, заимствовавший много греческих слов. Например: *autorite* (власть, авторитет), *majority* (большинство), *accord plurilateral* (многостороннее соглашение), *jurisdiction* (юрисдикция) и т. п.

Если рассуждать об этимологии, то юридическую терминологию можно ранжировать на исконную и заимствованную. В юридической терминологии, например, английского и французского языков выявляется довольно большое количество заимствованных терминов. Это прежде всего термины, имеющие греко-латинские корни. Например: *qualite d'observateur* (статус наблюдателя), *justice* (правосудие), *tiers arbitre* (третейский суд), *homicide* (убийство), *sodomy* (мужеложство); *doctrine* (доктрина); *precedent* (прецедент) другие.

Если обратиться к исследованию синтаксиса латинского языка, то можно отметить такие своеобразия, как энергия и логическая последовательность. Это скорее всего объясняется тем, что синтаксис латинского язы-

ка был источником обвинительных речей и описания военных действий, а не был предназначен для лирики или поэзии» [11, с. 29].

Во французском юридическом языке наблюдается также большое количество заимствований из английского языка (в основном, в финансовом и коммерческом праве). Например: *arrangement de pool* (пульное соглашение – от англ. *pool* «общий фонд, соглашение картельного типа между конкурентами»), *arrangement stand-by* (соглашение о резервных средствах – о кредитах поддержки, заключаемое Международным валютным фондом – от англ. *stand by* – помогать, поддерживать) и т. д.

Анализ эмпирического материала показывает, что характерные черты языка специальности в полной мере проявляются на всех его уровнях. Так, на фонетическом уровне интерес представляет ударение в заимствованных словах, так как они служат проводником разного рода инноваций. В частности, например, в английском и немецком языках, как правило, фиксированное ударение. В исконно немецких и исконно английских терминологических единицах ударение отличалось от ударения в словах – не терминах. Отклонения от общеупотребительной нормы касались лишь заимствованных единиц. Например: *sub'poena* (повестка о явке в суд).

На лексико-семантическом уровне внимание привлекает такое явление, как полисемия. Изучая данный феномен, не может не возникнуть вопрос, почему терминологическая полисемия является частным явлением, тогда как термин по природе своей не должен быть полисемичным. Кроме того, важно также понять, действительно ли многозначность термина – это такой недостаток, которого легко можно избежать, или стоит только заняться упорядочением терминологической системы? Объективности ради заметим, что, например, английские слова-термины зачастую маркированы многозначностью, т. е. склонны к быстрому развитию полисемии.

Например, английское слово *box* – полисемично и имеет следующие значения:

урна, картонка, шкаф, оплеуха, ларец и т. д. В юридическом языке специальности данный термин применим к судам, означает скамью присяжных и часто употребляется в словосочетании *jury box*. Приведенный пример показывает, что на практических занятиях необходимо акцентировать внимание обучающихся на особенностях интерпретации полисемичной терминологии, во избежание коммуникативных лагун при переводе текстов языка специальности.

Текстовый материал, представленный в специальных, в частности, в юридических дискурсах свидетельствует о том, что язык специальности располагает более широким и разнообразным набором словообразовательных средств, чем художественные дискурсы. В терминологических наименованиях широко практикуется употребление такого своеобразного синтетического способа, как комбинация терминоэлементов, аббревиатур и числовых компонентов. Например: *IRC – International Revenue Code* (Налоговый кодекс).

На основе вышеизложенного необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что концепция овладения языком специальности во многом соответствует специфике получаемого образования. В процессе работы над текстами, терминологической лексикой и фразеологией нами часто используется комплекс определенных заданий. В качестве примера можно привести следующее:

1. Обратите внимание на различные значения слова *offender* и его употребление. Найдите слово *offender* в тексте и составьте свои собственные предложения.

2. Сопоставьте выражения со словом *offence* с их переводами в английском и русском языках.

3. Сопоставьте значения слов *offensive* и *offence* в русском и английском языках.

4. Найдите лишнее слово в каждой группе слов:

5. Обратите внимание на контекстуальное употребление слов *offender*, *offence*, *offensive* в русском и английском языках.

6. Заполните пропуски в тексте, используя вышеприведенные слова. Переведите предложения с ними.

7. Объясните использование данной лексической единицы. Какие условия вызвали употребление близких по значению слов. (Например, *crime-offence-misdeed*, *criminal-offender-lawbreaker*).

8. Составьте схему однокоренных слов.

9. Составьте словосочетания с этими словами.

10. Почему в этом предложении можно употребить синоним?

11. Выберите соответствующую лексическую единицу, чтобы описать данные картинки и т. д.

В завершение особо подчеркнем методическую сторону вопроса, а именно: тщательное изучение свободных типов словосочетаний позволит составить сравнительный словарь словосочетаний в односистемных и разносистемных языках, что в конечном итоге будет способствовать прочному и осознанному усвоению языков изучаемых специальностей. Словосочетания чаще, чем отдельные слова, позволяют размышлять о их структуре, порождают ассоциативные связи, облегчают запоминание готовых блоков слов, служащих готовым строительным материалом для воспроизведения законченных фраз.

Таким образом, «язык специальности» представляет собой ментально-лингвальное образование, функциональную систему специальной терминологии, грамматических форм и синтаксических моделей, которые играют немаловажную роль в профессиональной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л.: Наука, 1967. 403 с.

2. Ахманова Г. И. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования. М.: Изд-во МГУ, 1977. 180 с.
3. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
4. Чувелева М. С. Системный характер лексики подъязыка экономики // Иностранные языки в высшей школе. Выпуск 18. С. 75–82.
5. Кузанский Н. Избранные философские сочинения. М., 1937. С. 7.
6. Философский энциклопедический словарь. НИЦ: ИНФРА-М, 2012. 570 с.
7. Югай Г. А. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965. 171 с.
8. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / под общей редакцией Б. А. Серебренникова. М., 1972. 566 с.
9. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: ЛГУ, 1958. Т. 1. 180 с.
10. Опельбаум Е. В. Научно-технические подъязыки и преподавание иностранных языков // Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореца. Методика преподавания иностранных языков в вузе. М., 1976. Вып. 107. С. 26–37.
11. Лосев А. В. Эллинистически-римская эстетика. I–II вв. н. э. М: Мысль, 2010. 703 с.

REFERENCES

1. Andreev N. D. Statistical-combinatorial methods in theoretical and applied linguistics. L.: Nauka, 1967. 403 p. (In Russ.)
2. Akhmanova G. I. Functional style of general scientific language and methods of its research. M.: Publishing House of Moscow State University, 1977. 180 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. Results of the discussion of questions of style. Questions of linguistic knowledge. 1955. No. 1. P. 60–87. (In Russ.)
4. Chuveleva M. S. The systemic nature of the vocabulary of the sublanguage of economics // Foreign languages in higher education, issue 18. C. 75–82. (In Russ.)
5. Kuzansky N. Selected Philosophical Works. Moscow, 1937. P. 7. (In Russ.)
6. Philosophical encyclopedic dictionary. Research Center: INFRA-M, 2012. 570 p. (In Russ.)
7. Yugay G. A. Dialectics of part and whole. Alma-Ata, 1965. 171 p. (In Russ.)
8. General linguistics. The internal structure of the language / under the general editorship of B. A. Serebrennikov. M., 1972. 566 p. (In Russ.)
9. Shcherba L. V. Selected works on linguistics and phonetics. L.: LGU, 1958. Vol. 1. 180 p. (In Russ.)
10. Opelbaum E. V. Scientific and technical sublanguages and the teaching of foreign languages // Scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute. M. Torez. Methods of teaching foreign languages at the university. M., 1976. No. 107. P. 26–37. (In Russ.)
11. Losev A. V. Hellenistic-Roman aesthetics. I–II centuries AD M: Thought, 2010. 703 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Петрова Е. А., доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

Petrova E. A., Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК: 37.011.33

**ГУМАНИТАРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ**

Марина Римантасовна Илакавичус¹, Леонид Трофимович Бородавко²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,

¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ² borodavkoleonid27@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается профессиональное воспитание в образовательных организациях МВД России как воспитание представителей профессии служения. Авторы указывают на риски, связанные с социокультурными характеристиками поколений Z и Альфа, оказывающими деструктивное влияние на профессиональное самоопределение их представителей. Гуманитарно-антропологический подход рассмотрен как основание адекватного им способа воспитательной деятельности в образовательных организациях МВД России. Развитие субъектности в выбранной профессии у обучающихся предлагается осуществлять в антропопрактиках. Предложен вариант проектирования антропопрактик профессионального воспитания на занятиях дисциплин гуманитарного цикла в логике педагогики понимания. Она предполагает диалоговую работу с текстами культуры, в которых опредмечены ценности профессий служения. Педагогический работник последовательно проектирует и реализует дидактический и понимающий контексты занятия. Они создают условия для эмоционального отклика обучающегося, рефлексии и самоопределения по отношению к ценностям выбранной профессии.

Ключевые слова: профессиональное воспитание, профессиональное самоопределение, образовательные организации МВД России, межпоколенное взаимодействие, ценности отечественной культуры, антропопрактики.

Для цитирования: Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т. Гуманитарно-антропологические основы профессионального воспитания новых поколений в образовательных организациях МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 176–182.

Original article

**HUMANITARIAN AND ANTHROPOLOGICAL BASES OF PROFESSIONAL
EDUCATION OF NEW GENERATIONS IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Marina R. Ilakavicius¹, Leonid T. Borodavko²

^{1,2} Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia,

¹ marinaorlova_99@inbox.ru, ² borodavkoleonid27@yandex.ru

Abstract. The article deals with professional education in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as the education of representatives of the service profession. The authors point to the risks associated with the socio-cultural characteristics of generations Z and Alpha, which have a destructive effect on the professional self-determination of their representatives. The humanitarian-anthropological approach is considered as the basis of an adequate way of educational activity in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The development of subjectivity in the chosen profession among

© Илакавичус М. Р., Бородавко Л. Т., 2023

students is proposed to be carried out in anthropological practices. A variant of designing anthropopractices of professional education in the classes of disciplines of the humanitarian cycle in the logic of pedagogy of understanding is proposed. It involves a dialogue work with cultural texts, in which the values of the professions of service are objectified. The pedagogical worker consistently designs and implements the didactic and understanding contexts of the lesson. They create conditions for the student's emotional response, reflection and self-determination in relation to the values of the chosen profession.

Keywords: professional education, professional self-determination, educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, intergenerational interaction, values of national culture, anthropological practice.

For citation: Ilakavicius M. R., Borodavko L. T. Humanitarian and anthropological bases of professional education of new generations in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 176–182.

«Расчеловечивание человека», духовное оскудение, «постчеловечность» – таким образом сегодня именуют риски трансформации ценностно-смысловой сферы человека. Наиболее подвержены этим рискам поколения молодых, и социологи говорят уже не только о так называемом поколении Z, но и поколении Альфа (рожденные с 2010 по 2025 гг.) [1]. Как правило, поколение Альфа оценивается позитивно: оно «будет метафизическим, т. к. по сравнению с зетами оно будет более уравновешенным и менее агрессивным, ибо растет поколение ярких творческих и самодостаточных личностей способных достичь высшей реализации, т. е. истинных субъектов, живущих в согласии с мировым творцом как коллективным субъектом и своим индивидуальным творцом «Я». Альфа будут менее формализованными, ибо для них важно быть не в системе, среде, т. е. прямой линии, а в потоке, т. е. в пространстве <...>. Это очень важно, т. к. молодой человек не примыкает к структурным конфессиям, институту религии и формализованным и устаревшим традициям» [2, с. 48]. Такие выводы делаются в противопоставлении поколению Z (не хотят опираться на опыт предшественников, заиклены на себе и глобальной экологии одновременно, ценят комфорт, обладают клиповым сознанием и т. п.). Однако есть и общие черты: по разным причинам они выключены из отечественного историко-культурного контекста, из живого социального взаимодействия, «воспитательный процесс массовой культуры может сформировать поведенческие новообразования асоциального характера;

уменьшается роль институтов образования на личность и повышается роль пространства» [2, с. 49]. В этих условиях воспитание, в том числе и профессиональное, является актуальной областью поиска путей противодействия указанным выше рискам.

Сегодня научно-педагогическое сообщество России работает с учетом ориентиров, указанных в паспортах новых научных специальностей. Как отмечает А. П. Тряпицына, «новый паспорт имеет статус официального документа, в котором отражаются основные направления исследований в рамках конкретной специальности в проблемном поле конкретной области науки. Основная задача паспорта – помочь исследователю-соискателю ученой степени определить приоритет своих научных интересов с тем, чтобы уяснить для себя, какие научные представления он собирается развивать; определить, по каким направлениям ученый предполагает защищать результаты своего диссертационного исследования» [3]. В специальности 5.8.7. Методология и технология профессионального образования пункт 25 (Профессиональное воспитание: сущность, основные направления. Личностно-развивающий подход в профессиональном воспитании. Профессиональное саморазвитие, самообучение, самовоспитание) в контексте гуманитарно-антропологического подхода имеет особое значение. Его содержание удерживает внимание современного исследователя на многолинейном процессе воспитания человека, самореализация которого происходит на основе ценностей отечественной культуры и связана прежде всего со

вкладом в общезначимое дело. Многолинейность определена сочетанием специально организованных взаимодействий (социальный аспект воспитания) и самовоспитания – совершенствования, инициируемого самим человеком в ориентире на выбранные идеалы.

Проблема взаимосвязи выбора рода деятельности как способа самореализации в ориентации на идеалы культуры с жизненным самоопределением, жизнетворчеством рассматривалась в работах Л. И. Божович, К. А. Абульхановой-Славской, Н. С. Пряжникова, Э. Ф. Зеер, Д. А. Леонтьева, И. С. Кона и др. Эти психолого-педагогические работы основываются на философствовании о самопонимании, самоактуализации, самоосуществлении – о том, что названо А. С. Пушкиным способом достижения самостояния, то есть обретения ценностного внутреннего стержня, позволяющего преодолеть неизбежные трудности и невзгоды.

Деградация традиционных социальных связей, эгоцентричность как норма стали причинами развития гуманитарно-антропологического подхода в педагогике, «суть которого состоит в том, что своими целевыми ориентирами и ценностными основаниями он полагает практику культивирования, выращивания «собственно человеческого в человеке» в ориентации на идеалы и ценности отечественной культуры» [4, с. 370]. Причем эта практика рассматривается как способ поддержки самосовершенствования на протяжении всей жизни, большая часть которой отдается профессиональной деятельности. Гуманитарно-антропологический подход развивает положения философии традиции (Г. Г. Гадамер, Е. Шацкий, Ю. М. Лотман, М. В. Захарченко). Под традицией понимается способ жизнестроения определенной общности, передаваемый в межпоколенной связи от субъекта к субъекту, что и составляет сущность воспитания.

Смысл понятия «профессия» укоренен в латинском выражении *profiteri* – «объяв-

ление (о своей специальности)»¹. В отечественном историко-культурном контексте – это представление общности себя, своей значимости через осознанный выбор рода деятельности. Тогда «профессия выступает как качественная характеристика личности, совокупность конкретных (общих и специфических) знаний, умений, навыков, а также личных качеств человека» [5, с. 75]. С позиции философии традиции профессия – способ проявления себя в мире через заботу о другом человеке, об окружающем мире. В этой связи результативность профессионального воспитания представителей профессий служения (врачи, учителя, воинство, к которому относится и труд полицейского) напрямую зависит от удержания и развития мотивации. В данной группе профессий, по словам Г. В. Резапкиной, «человеческий фактор несравнимо важнее технологического» [6, с. 46], то есть профессиональный выбор в них связан с жизненным самоопределением, с мировоззрением в большей степени, чем в другой группе профессий.

Современный дискурс о профессиональном самоопределении новых поколений транслирует следующее: «... сложно думать о конкретных профессиях не только в силу возраста, но и из-за тех изменений, которые происходят в мире. Структура рынка труда динамично меняется, многие специальности исчезают, а какие появятся на их месте, пока предсказать сложно. Выбирать профессию на всю жизнь уже нет нужды, да и постигать ее на базе фундаментального высшего образования – тоже. По прогнозам Марка Мак-Криндла, самым взрослым из альфа придется за свою жизнь сменить 17 работодателей в пяти сферах деятельности» [7, с. 125]. При этом рассматривая профессию исключительно как способ получения средств к существованию, т. к. труд, работа сами по себе не могут приносить удовлетворение и являются неизбежным злом, апологеты подобных утверждений стоят на либеральных позициях отрицания закономерностей «ста-

¹ Профессия / Этимологические онлайн-словари русского языка // URL: <https://lexicography.online/etymology/п/профессия> (дата обращения: 21.10.2022).

рого мира», мира традиционных ценностей. Но аксиомы «офисного планктона» не должны распространяться на представителей профессий служения, в которых профессионализм нарабатывается годами, десятилетиями.

В гуманитарно-антропологическом подходе задача профессионального образования – помочь обучающемуся стать субъектом собственной профессии и жизни, что включает в себя «умение гармонизировать содержание профессиональной деятельности со своей позицией и ценностно-смысловыми установками той общности, в пространстве которой разворачивается его собственная деятельность» [4, с. 371]. Отметим в этом положении три аспекта: свободный и осознанный выбор, освоение позиции деятеля путем вхождения в профессиональную общность, принятие ее ценностей во взаимодействии. Причем общность состоит не только из тех, кто сейчас представляет профессию, но из прошлых и будущих ее представителей. В гуманитарно-антропологическом контексте императив самореализации в профессии выглядит так: от меня зависит, каким работником я буду, не посрамлю ли славных предшественников, передам ли их ценности молодым. Профессиональная общность выглядит как соединяющая времена цепь поколений людей служения, звеньями которых являются пары «наставник-наставляемый» (виртуальные или реальные). Именно в ней хранятся и транслируются профессионально значимые ценности.

Самореализация в профессии является частным случаем жизнестроения, в котором субъектом профессиональной традиции становится тот, кто осознанно принимает ценности профессионального сообщества и на их основе реализует свой потенциал в общезначимой деятельности, то есть самосовершенствуется, совершенствуя профессиональные практики. Для освоения значимых для них ценностей важно наличие опыта рефлексии, опыта взаимодействия. Нужна прежде всего встреча с самим собой, обнаружение объекта преобразования в себе самом, осознанное принятие ценностной

культуросообразной основы. Ценности отечественной культуры предполагают выход за пределы своего эгоистичного «Я», ориентацию на другого человека, заботу о нем, поэтому их принятие во все времена – трудная внутренняя работа.

Освоение ценностей в воспитательном процессе происходит путем активизации ценностно-смысловой сферы личности обучающегося при встрече с их эталонными носителями как предшествующих, так и современного поколений. Всем практикам известен воспитательный эффект от живого общения курсантов с реальными героями. Его основа – сопряжение эмоционального и интеллектуального подъема, который переживает человек при встрече с чем-то нестереотипным, непохожим, противоречащим обыденности. Это сопряжение выбивает из повседневности, позволяет шагнуть одновременно и в событие как ситуацию осознания высших, смысложизненных ценностей, которые и дают силы для преодоления тяжелой работы, и в совместное бытие с людьми, которые достигли полноты реализации этих ценностей в собственной жизни. Таким образом, для профессионального воспитания в области служения необходимо создание «инобытия», противостоящего современной социокультурной ситуации. Необходимы организационно-педагогические условия, позволяющие прожить, прочувствовать полноценно человеческое взаимодействие, которого не хватает юношеству в реальности. Для этого нужно понимать, что волнует аудиторию, каковы ее интересы и ценности «здесь и сейчас», чтобы найти к ней подходы. И метод «словесной педагогики» (как говорения о ценностях и призывов к их принятию) сегодня уже не работает.

Гуманитарно-антропологический подход предлагает метод антропопрактики, предполагающий создание условий для выстраивания в себе полноты человека как носителя определенной культуры. Данный метод можно использовать в рамках любой дисциплины гуманитарного цикла, т. к. все они текстоцентрированы. В этих дисципли-

нах всегда есть место занятиям, строящимся на работе с текстом (видео-, аудио-, печатном, инсталляции и т. п.), в котором определены значимые для профессии ценности. Кратко представим ход проектирования антропопрактики профессионального воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России в одной из возможных логик – герменевтической, основанной на положениях концепции педагогики понимания Ю. В. Сенько [8].

Педагогика понимания ставит целью образовательного взаимодействия достижение понимания, устанавливающего как синхронические (между поколениями живущих), так и диахронические (между предками и потомками) связи путем выстраивания личностного знания. Для этого педагогический работник проектирует два контекста занятия – дидактический и понимающий. Первый представляет собой сценарий работы с имеющим указанные выше характеристики текстом, который составляется с учетом представлений педагогического работника об интересах, ценностях, особенностях конкретной учебной группы. Какие фильмы, песни, истории важны для этих ребят? Какой вид, жанр искусства понятен и предпочтителен? Эта информация нужна для поиска средства запуска интереса, мотивации аудитории. Так, одна из адъюнктов, ведя исследовательскую работу в области профессионального образования, узнала о популярности среди курсантов комиксов и открыла для себя этот способ повествования. Размышления о том, почему комиксы интересны молодым, вывели на проектирование эффективной дидактической и воспитательной работы. Подобное знание аудитории открывает путь к взаимодействию и предотвращает безрезультатное воздействие.

Очевидно, что предлагаемый к анализу, а затем размышлению текст должен быть первоначально проанализирован самим педагогическим работником. Продуктивно показал себя текстовый анализ в логике развития критического мышления – одного из составляющих *soft skills*. Так, на занятиях по

английскому языку у будущих сотрудников миграционной службы в целях формирования кросскультурной компетенции можно предъявить небольшой текст о святом Николае Японском, как его называют, православном самурае, личности невероятной. После прочтения текста обучающимся необходимо ответить на вопросы, позволяющие выйти на важные смыслы о родине, служении, отношении между разными культурами. При составлении дидактического контекста педагогический работник прогнозирует ответы и ход беседы и на основании этого прогноза формирует банк дополнительных заданий, приемов, позволяющих корректировать ход занятия, выйти в результате на значимые для профессии ценности.

На занятии совместными усилиями педагога и обучающихся создается понимающий контекст. Понимание педагогическим работником изначальной позиции обучающихся, отказ от назидательного тона, умелое ведение сократовского диалога дают возможность рефлексии, открытия молодыми не только иных, незнакомых жизненных и профессиональных позиций, но и их ценностных оснований. Маркер успешности занятия – активное включение максимально большого количества участников. Это многоголосие позволяет выявить и презентовать максимум аспектов смысла, передаваемого текстом. Задействуется опыт каждого участника обсуждения, акцентируются не искусственные, а действительно насущные проблемы. Так в понимающем контексте обучающимся предоставляется возможность увидеть цельность человека: так он думал, это он переживал, так преодолевал трудности и беды, этого достиг, а так о нем вспоминают. Результатом внутренней работы обучающихся, фактически направленной на обретение личностного смысла, должны стать небольшие, в несколько предложений, «встречные» тексты, в которых молодые ответят на вопросы, что почувствовали, о чем подумали. В них отражается личностная интерпретация вечных ценностей. Следует учитывать, что в силу личностной значимости обучающийся может отказаться отда-

вать встречный текст, и настаивать на этом не стоит.

Осмысление обучающимися ценностей профессий служения – освоение специфического для данного вида труда на благо других «способа человеческого-бытия-в-мире». Без вопрошания себя о смыслах бытия, своей жизни, своей профессии в ориентации на представлении отечественной культуры о Добре и Зле невозможно самовоспитание как самостроительство, самосовершенствование. Николай Японский оставил такую запись: «Мы когда мечтаем о деле, то оно нам нравится, а принялись – прескучно. И это естественно: в думах нам представляется дело целостным, с его успе-

хом, благими результатами, а станем делать <...> процесс надоедлив, ну и скучно. Дума нас обманывает: когда кончим дело, тогда и получим удовольствие, о котором мечтали – но извольте добратся до него» [9, с. 241]. Эти слова в полной мере можно отнести к первоначальному представлению о профессии полицейского и реальной службе. Ребята, к какому бы поколению они ни принадлежали, мечтают о подвигах, помощи нуждающимся. Путь к культуросообразной самореализации в профессии лежит через ежедневный труд, неизбежно приводящий к удовлетворению тех, кто преодолевает барьеры и невзгоды, кто обретает в них самостояние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Scholz C., Rennig A. (ed.). Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People). Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 285–299.
2. Мухаметзянова Ф. Г., Степанова К. И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. № 2. С. 46–42.
3. Тряпицына А. П. Новая номенклатура и паспорта научных специальностей по педагогике: проблема обоснования // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал. 2021. № 8 (август). ART 2975. URL: <http://emissia.org/offline/2021/2975.htm> (дата обращения: 21.10.2022).
4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология образования человека. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 435 с.
5. Московчук Л. С., Пафомова Л. А. Профессия как предмет философского анализа // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 11-2. С. 73–81.
6. Резапкина Г. В. Акцентуация и выбор профессии // Школьные технологии. 2011. № 1. С. 45–51.
7. Конец привычного мира. Путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. 180 с.
8. Сенько Ю. В., Фроловская М. Н. Педагогика понимания. Москва: Дрофа, 2008. 224 с.
9. На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера. Москва: Сретенский монастырь, 2013. 384 с.

REFERENCES

1. Scholz C., Rennig A. (ed.). Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People). Bingley: Emerald Publishing Limited. 2019. P. 285–299.
2. Mukhametzyanova F. G., Stepanova K. I. Reflections on new generations of students and features of the alpha generation in global education // Global Economics and Education. 2021. № 2. P. 46–42. (In Russ.).
3. Tryapitsyna A. P. New nomenclature and passports of scientific specialties in pedagogy: the problem of substantiation // Letters to Emission. Offline (The Emission.Offline Letters): electronic scientific journal. 2021. No. 8 (August). ART 2975. URL: <http://emissia.org/offline/2021/2975.htm> (accessed: 21.10.2022). (In Russ.).
4. Slobodchikov V. I. Isaev E. I. Psychology of human education. Moscow: Publishing house PSTGU, 2013, 432 p. (In Russ.).

5. Moskovchuk L. S., Pafomova L. A. Profession as a subject of philosophical analysis // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2015. No. 11-2. P. 73–81. (In Russ.).

6. Rezapkina G. V. Accentuation and choice of profession // School technologies. 2011. № 1. P. 45–51. (In Russ.).

8. End of the familiar world. The Knife Magazine's Guide to New Ethics, New Relationships, and New Justice. Moscow: Alpina non-fiction, 2020. 180 p. (In Russ.).

8. Senko Yu. V., Frolovskaya M. N. Pedagogy of understanding. Moscow: Drofa, 2008. 224 p. (In Russ.).

9. In the Far East. Letters from a Japanese missionary. Moscow: Sretensky Monastery, 2013. 384 p. (In Russ.).

Информация об авторах:

Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук;

Бородавко Л. Т., доктор педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

Ilakavicius M. R., Doctor of Pedagogy;

Borodavko L. T., Doctor of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 26.12.2022; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 37.013.77

ОТДЕЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УБЕЖДЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ростислав Михайлович Карабанов

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия
krm730@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается подход к формированию в системе высшего образования убеждений у обучающихся. Раскрывается деятельность профессорско-преподавательского состава, способствующая реализации соответствующих психолого-педагогических технологий. Анализируются условия, способы, средства активизации мыслительной деятельности обучающихся. Переход от знаний к убеждениям анализируется на основе механизма убеждающего воздействия. Определяется роль профессорско-преподавательского состава в формировании устойчивых убеждений обучающихся с целью применения на практике знаний и умений в нестандартных профессиональных ситуациях. Показаны примеры педагогической активизации познавательной деятельности обучающихся. Акцентировано внимание на принципе проблемности преподавания в развитии мыслительной деятельности. Определяется роль слова и речи в развитии убеждений. Обращено внимание на роль диалоговой формы общения при проведении учебных занятий в формировании развивающей среды у аудитории. Установлена диалектическая взаимосвязь элементов образовательного процесса в формировании убежденности личности обучающегося. Отмечена важность знания профессорско-преподавательским составом основ педагогической психологии для эффективного обучения и воспитания.

Ключевые слова: преподаватель, обучающийся, личность, обучение, знания, умения, убеждения.

Для цитирования: Карабанов Р. М. Отдельные психолого-педагогические аспекты формирования убеждений у обучающихся высшей школы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 183–188.

Original article

SOME PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF BELIEFS IN HIGHER SCHOOL STUDENTS

Rostislav M. Karabanov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia
krm730@mail.ru

Abstract. The article discusses an approach to the formation of students' beliefs in the higher education system. The activity of the teaching staff, which contributes to the implementation of the corresponding psychological and pedagogical technologies is revealed. The conditions, methods, means of enhancing the mental activity of students are analyzed. The transition from knowledge to beliefs is analyzed on the basis of the persuasion mechanism. The role of the teaching staff in the formation of stable beliefs of students in order to apply knowledge and skills in practice in non-standard professional situations is determined. The examples of pedagogical activation of students' cognitive activity are shown. Attention is focused on the principle of problematic teaching in the development of mental activity. The role of words and speech in the development of beliefs is determined. Attention is drawn to the role of the dialogue form of communication during training sessions in the formation of a developing environment in the classroom. The dialectical relationship of the elements of the educational process in the formation of the student's personality conviction has been established. The importance of knowledge by the teaching staff of the basics of educational psychology for effective teaching and upbringing is noted.

© Карабанов Р. М., 2023

Keywords: teacher, learner, personality, learning, knowledge, skills, beliefs.

For citation: Karabanov R. M. Some psychological and pedagogical aspects of formation of beliefs in higher school students // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 183–188.

В практике подготовки специалистов в системе высшего образования доминирует тезис, что личность действует, сообразуясь со своими взглядами, жизненным опытом, освоенной деятельностью других людей. В связи с этим активное и целеустремленное формирование убеждений у обучающихся является важнейшей задачей профессорско-преподавательского состава. Решение данной проблемы связано с пониманием механизма убеждающего воздействия.

Убеждение в системе образования можно рассматривать как метод педагогического воздействия, а также как высшую форму направленности личности, этап усвоения, принятия учебной информации. Убеждение как философское понятие – это осознанные личностью истинные знания, воспринятые на рациональном и чувственном уровнях, скрепленные волей. Они побуждают человека поступать в соответствии со своими идеалами, принципами, взглядами, мировоззрением.

По мнению Е. А. Складаровой, «убеждение – эмоционально окрашенное знание, идеи или система идей, принятых в силу различных оснований и подкрепленных чувствами субъекта. Знание – определенным методом полученная и упорядоченная информация, результат познания, признаваемый индивидом и обществом в целом» [1, с. 21].

Знания – это отражение в сознании личности предметов, явлений реального мира в их причинно-следственных связях и отношениях. Они выражаются в понятиях, категориях, законах, научных теориях.

Переход от знаний к убеждениям – достаточно сложный, противоречивый процесс, включающий мировоззренческий, гносеологический, логический, психологический и социально-деятельностный аспекты. Целеустремленная деятельность профессорско-преподавательского состава по формированию прочных убеждений обучающихся

ориентирует педагогов на глубокое изучение названных аспектов и их реализацию в учебно-воспитательном процессе. Не претендуя на раскрытие всех названных аспектов, акцентируем внимание на психологическом.

Условно знания можно разделять на четыре уровня:

- ознакомление;
- репродукция;
- умение;
- трансформация.

На первом уровне усвоение ограничивается общими представлениями об изучаемых объектах. Такие знания позволяют обучающимся узнавать объект в ряду близких.

Второй уровень дает возможность воспроизводить учебный материал, анализировать его, более или менее верно оценивать возможные результаты. Подобные знания фиксируются в памяти человека и помогают ему ориентироваться в простой стандартной обстановке.

Для третьего уровня существенно то, что обучающийся может применять знания для решения различных задач и самостоятельно получать новую информацию.

Достигнув четвертого уровня, обучающиеся становятся способными применять знания при решении новых возникающих задач, в том числе в смежных областях знаний, а также при недостатке исходных данных. Познавательная и практическая деятельность обучающихся приобретает творческий, креативный характер. Они проявляют себя в мышлении, общении, оригинальных идеях, конкретных видах деятельности. В связи с этим преподавателю необходимо знать свойства познания и уметь их реализовать у обучающихся (проведение анализа информации, оценка существенных связей между явлениями, событиями; формулировка объяснения, доказательство на практических примерах; осознанная оценка, переработка сведений, положений, выводов).

Важнейшим условием достижения целей убеждающего влияния на обучающихся является единство мыслей, взглядов преподавателя и обучающегося. Это показатель высокого методического мастерства педагога.

Формирование обоснованных убеждений обучающихся взаимосвязано с их активной мыслительной деятельностью. При этом активизация мышления стимулируется различными методами, средствами, в том числе, вопросами и задачами. Известный психолог Л. С. Выготский в результате проведения исследований проблемы обучения и умственного развития учащихся подчеркнул, что там, где нет вопроса, «все течет легко и ничем не стесняемо, там еще нет повода для возникновения мысли» [2, с. 165].

Именно преподавание и учение развивают познавательные способности человека, учат его творческому диалектическому подходу к различным явлениям и фактам жизни. Совершенно правильно признается, что педагогическая деятельность – это две взаимосвязанные стороны: обращенность к обучающемуся и самому педагогу. Преподаватель целеустремленно воспитывает, обучает, развивает личность обучающегося, когда владеет содержанием познавательной деятельности, приемами научного анализа, умеет применять методы, средства наиболее действенного убеждающего взаимодействия.

Активизации мыслительной деятельности обучающихся в огромной степени способствует реализация в учебном процессе принципа проблемности. «Проблемность, как справедливо заметил С. Л. Рубинштейн, является неотъемлемой чертой познания. Начальным моментом мыслительного процесса обычно является проблемная ситуация. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять. Мышление обычно начинается с проблемы и вопроса, с удивления или недоумения, с противоречия» [3, с. 317].

Реализуя требования принципа проблемности в обучении, преподаватели организуют не только запоминание обучающи-

мися учебного материала, но и развивают их мыслительные действия. Важнейшими инструментами ведения активной мыслительной деятельности обучающихся являются проблемные вопросы, проблемные задачи, задания.

Дидактически подготовленные вопросы, задания, способствуют активному восприятию учебной информации, пониманию воспринятого, творческому применению знаний. В зависимости от активизации мыслительных операций продуктивными вопросами являются задания на сравнение, установление причинно-следственных связей, обобщение, конкретизацию. Применяя такие вопросы и задания, преподаватели существенно изменяют соотношение между репродуктивным и творческим усвоением знаний обучающихся (в пользу последнего), способов их добывания.

При решении творческих задач обучающийся ставится в условия, где на него воздействует сбивающий эмоциональный фактор. Он должен противостоять этому воздействию и вопреки ему определить свое собственное отношение, основанное на научной оценке предложенной ситуации.

Так, например, в философии есть течения, согласно которым единственным достоверным источником истинных знаний являются:

- ощущения, непосредственный чувственный опыт;
- разум, логически правильное мышление;
- интуиция, озарение, божественное откровение;
- взаимосвязанная деятельность чувств и разума, опирающихся на общественную практику.

Анализируя эти взгляды, обучающиеся должны обосновать их сущность, определить какие из них являются правильными и почему, к каким философским направлениям относятся остальные взгляды.

Правильно поставить проблему – значит, во-первых, вычленив известное и неизвестное, определить факты, соответствующие имеющейся теории; во-вторых, сформули-

ровать вопросы, требующие выяснения, и обосновать их важность и актуальность для науки и практики; в-третьих, определить задачи, требующие последовательного решения, и необходимые для этого средства.

Решая задачи такого типа, обучающиеся демонстрируют свои знания, умение рассуждать, находить уязвимые места в высказываниях оппонентов, противостоять воздействию неточных или ненаучных точек зрения. В результате у них процесс усвоения знаний сливается с процессом формирования убеждений.

Существенным компонентом убеждающего влияния признается слово, речь [4, с. 32]. Слово замещает любой натуральный раздражитель. Слово воздействует не звуком, а заключенным в него смыслом, понятийным содержанием. С помощью него человек способен к абстракции, обобщенному мышлению, планированию своих действий, осмыслению, анализу опыта других.

Совершенно правильно признано, что устное слово оказывает более сильное воздействие, чем слово написанное. А. А. Леонтьев описал воздействие в убеждающей речи следующим образом: «Воздействуя на реципиента, мы стремимся «спровоцировать» его поведение в нужном нам направлении, найти в системе его деятельности «слабые точки», выделить управляющие ею факторы и избирательно воздействовать на них» [5, с. 273]. Исходя из определения А. А. Леонтьева, можно сделать вывод, что процесс речевой деятельности говорящего направлен на изменение системы ценностей слушающего.

Безусловно, преподавателю следует владеть словом, речью. Для этого нужно развивать комплекс знаний, умений, навыков, личного опыта и мастерства при подготовке к учебным занятиям и произнесению речи в целях наиболее эффективного выражения мыслей, чувств, воли, убежденности. При этом преподавателю необходимо ответить на следующие специфические вопросы: как сказать правильно, как сказать понятно, как сказать интересно, как сказать убедительно?

Развитие убеждений обучающихся в значительной степени зависит от проявлений педагога, его эмоциональности. Эмоциональные процессы – субъективные реакции человека на воздействие внутренних и внешних раздражителей. Эмоции отражают в форме непосредственного переживания значимость фактов, явлений, событий и являются важнейшим механизмом регуляции психической, в частности познавательной, деятельности и поведения личности.

Человек, как правило, активно отражает действительность. Отношение его к миру приобретает эмоциональную окраску. Человеческие эмоции выступают в качестве могучей побудительной силы. Они вызывают творческую эмоцию, душевный подъем. Без чувств не возможна эффективная, результативная деятельность. Эту мысль наиболее четко выразил К. Д. Ушинский: «Ничто – ни слова, ни мысль, ни даже поступки наши не выражают так ясно и верно нас самих и наши отношения к миру, как наши чувствования; в них слышен характер не отдельной мысли, не отдельного решения, а всего содержания души нашей и ее строя» [6, с. 177].

Значимым элементом убеждающего воздействия на обучающихся является овладение умениями применять знания на практике. Умение – готовность личности к определенным действиям и операциям на основании имеющихся знаний, навыков в соответствии с поставленными целями.

Практические творческие задания предназначены для формирования, закрепления навыков, умений выполнения прикладных практических задач. Решение их обучающимися позволяет совершенствовать профессиональную деятельность. Практические, теоретические задания следует применять при изучении каждой преподаваемой учебной дисциплины. Они могут быть как одинаковыми для обучаемых, так и иметь индивидуальный характер. В последнем случае характер, уровень сложности заданий может быть личностно-ориентированным.

Активизации мыслительной деятельности обучающихся способствует диалогический подход к учебным занятиям. Ди-

алогическое общение, как свидетельствует практика, достигается, если преподаватель трансформирует учебный материал в диалогический, продумывает систему вопросов, заданий исследовательского характера. В ходе учебного диалога следует выслушивать разные точки зрения, применять метод поиска «третьего» решения, учитывать противоречивые взгляды. Эффективными признаются задания типа «защитите или опровергните», «аргументируйте выбор», «спланируйте эксперимент по проверке рассматриваемой идеи».

При проведении таких учебных занятий преподаватель заинтересован, чтобы обучающиеся высказали свои суждения, факты, примеры. Именно с помощью этих средств доказывается истинность изучаемых проблем. Преподаватель может использовать этические нормы: «мне кажется, если...», «проанализируем вместе», «может быть мы допускаем ошибки».

Таким образом, создание развивающей атмосферы в аудитории достигается за счет подготовки содержания образовательной среды, направленной на активизацию мотивационной, психологической, когнитивной базы. Важно также развитие языковой личности обучающегося, подготовка ее к самостоятельной учебно-воспитательной деятельности.

Следовательно, для активизации убеждающего воздействия в учебном процессе преподавателю необходимо: проявлять умения устанавливать психологические, методические контакты с обучающимися; доказывать, разъяснять, опровергать; ассоциировать новые взгляды, положения с уже усвоенными; проявлять личную убежденность, искренность: учитывать индивидуальные особенности убеждаемого, психологию аудитории.

Таким образом, формирование убеждений личности обучающегося происходит не по прямой линии (учебная информация – убеждения), а посредством диалектической взаимосвязи следующих элементов: учебная информация → субъект (преподаватель) → учебная деятельность ↔ субъект (обучающийся) → знания → деятельность (теоретическая, практическая) обучающихся → личностные убеждения.

Формирование убеждений обучающихся невозможно без активной реализации преподавателем педагогической психологии. Эта наука изучает закономерности процесса усвоения индивидом социального опыта в условиях учебно-воспитательной деятельности. Она вбирает в себя широкий круг вопросов, начиная от восприятия, усвоения конкретных знаний и формирования у обучающихся взглядов, позиций, в целом научного мировоззрения личности. Глубокое изучение теории и практики педагогической психологии способствует повышению общей и педагогической культуры преподавателя, психологической компетентности, более эффективному решению проблем обучения и воспитания в системе высшего образования.

По мнению автора, рассматриваемый подход к формированию убеждений у обучающихся высших учебных заведений не лишен оснований, и, затрагивая профессиональную деятельность профессорско-преподавательского состава, может являться одним из аспектов совершенствования системы психолого-педагогического воздействия с целью развития у выпускников активной жизненной позиции, готовности к осознанному выполнению функциональных обязанностей, продуктивной служебной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Склярова Е. А. Вера, знание, убеждение в различных мировоззренческих проекциях // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 21–24.
2. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 480 с.
3. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: учебник. Санкт-Петербург: Питер, 2018. 713 с.

4. Буваева Б. В. Место убеждающей речи в теории аргументации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Часть 3. С. 32–34.
5. Леонтьев А. А. Психология общения: учебное пособие. 5-е изд., стер. М.: Смысл; Академия, 2008. 368 с.
6. Ушинский К. Д. Педагогическая антропология: в 2 т. Том 2: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 502 с.

REFERENCES

1. Sklyarova E. A. Faith, knowledge, conviction in various worldview projections // Society and Power. 2016. No. 1 (57). P. 21–24. (In Russ.)
2. Vygotsky L. S. Educational psychology M.: Pedagogika, 1991. 480 p. (In Russ.)
3. Rubinstein S. L. Fundamentals of general psychology: textbook. St. Petersburg: Peter, 2018. 713 p. (In Russ.)
4. Buvaeva B. V. The place of persuasive speech in the theory of argumentation // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2015. No. 8 (50). Part 3. P. 32–34. (In Russ.)
5. Leont'ev A. A. Psychology of communication: textbook allowance. 5th ed., Erased. M.: Sense; Academy, 2008. 368 p. (In Russ.)
6. Ushinsky K. D. Pedagogical anthropology: in 2 volumes. Volume 2: textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. 502 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Карабанов Р. М., кандидат технических наук, профессор.

Information about the author:

Karabanov R. M., Candidate of Technology, Professor.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Теоретическая статья
УДК 37

ОПРЕДЕЛЕНИЕ НОВИЗНЫ В НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ПЕДАГОГИКЕ И ЭФФЕКТ НОВИЗНЫ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Наталья Владимировна Сердюк¹, Наталья Владимировна Ходякова²,
Леонид Леонидович Грищенко³

^{1,2,3} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ natalyaserduk@inbox.ru, ² hodyakova@yandex.ru, ³ vvg_59@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается обоснованность формулировок новизны в научно-педагогических исследованиях, анализируются типичные ошибки в ее определении, рассматривается феномен новизны в научно-педагогической деятельности преподавателя высшего образования. В работе показано, что научная новизна может быть рассмотрена в теоретическом (содержательном) и практическом (ценностном) аспектах, предложены такие критерии научной новизны, как: временные, пространственные, аксиологические, телеологические. Определены условия и предпосылки новизны научно-педагогического исследования, ее роль в развитии педагогической науки и практики. Среди наиболее распространенных ошибок в формулировке научной новизны исследования названы: механистичность получения суммативных результатов, самооценочные и ничем не подкрепленные суждения авторов диссертационных работ об их инновационном характере, применение хорошо известных подходов к предмету исследования и другие.

Ключевые слова: новизна, творчество, научно-педагогический работник, критерии новизны.

Для цитирования: Сердюк Н. В., Ходякова Н. В., Грищенко Л. Л. Определение новизны в научно-квалификационных исследованиях по педагогике и эффект новизны в научно-педагогической деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 189–195.

Theoretical article

DETERMINATION OF NOVELTY IN SCIENTIFIC AND QUALIFICATION STUDIES ON PEDAGOGY AND EFFECT OF NOVELTY IN SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL ACTIVITY

Natalia V. Serdyuk¹, Natalia V. Khodyakova², Leonid L. Grishchenko³

^{1,2,3} Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ natalyaserduk@inbox.ru, ² hodyakova@yandex.ru, ³ vvg_59@mail.ru

Abstract. The article discusses the validity of the formulations of novelty in scientific and pedagogical research, analyzes typical errors in its definition, considers the phenomenon of novelty in the scientific and pedagogical activities of a teacher of higher education. It shows that scientific novelty can be considered in theoretical (meaningful) and practical (value) aspects, such criteria for scientific novelty as: temporal, spatial, axiological, teleological are proposed. The conditions and prerequisites for the novelty of scientific and pedagogical research, its role in the development of pedagogical science and practice are determined. Among the most common errors in the formulation of the scientific novelty of the study are named: the mechanicity of obtaining summative results, self-esteem and unsupported judgments of the authors of dissertation works about their innovative nature, the use of well-known approaches to the subject of the study, and others.

Keywords: novelty, creativity, scientific and pedagogical worker, criteria of novelty.

© Сердюк Н. В., Ходякова Н. В., Грищенко Л. Л., 2023

For citation: Serdyuk N. V., Khodyakova N. V., Grishchenko L. L. Determination of novelty in scientific and qualification studies on pedagogy and effect of novelty in scientific and pedagogical activity // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 189–195.

Удельный вес науки в стране определяется не только средствами, отпускаемыми по государственному бюджету, числом исследовательских институтов, но прежде всего кругозором научных деятелей, высотой их научного полета.

Сергей Иванович Вавилов

Определение новизны в научно-квалификационных исследованиях всегда было и остается одним из наиболее важных и при этом сложных этапов построения методологии научного исследования. Значительное количество нареканий на всех этапах подготовки диссертации: от рецензирования на кафедре или в научном подразделении до защиты в диссертационном совете по профилю и последующей экспертизе в Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации вызывает именно сформулированная диссертантами новизна исследования. Нередко упречность именно этого компонента работы является причиной в отказе присвоения ученой степени авторам уже защищенных диссертаций и возвращения научно-квалификационной работы в диссертационный совет, где состоялась защита, с вердиктом «недостаточность новизны проведенного исследования».

Прежде всего, в определении новизны диссертантам совместно с научными руководителями необходимо определиться в следующем: является ли предложенное знание по-настоящему новым; для кого изложенная в диссертации информация является новой: только для автора или для всех; в чем ценность и прирост этого нового знания. Важно также определиться с инструментарием, с помощью которого добыто новое знание, с критериями новизны, позволяющими ответить на следующий вопрос: как определить в исследовании наличие действительно нового знания. Также немаловажно определение следующего обстоятельства: что дает новое знание; какую научно-прикладную проблему или задачу позволяет решить.

Для оценки новизны научного знания подход, который можно было бы весьма условно назвать: «открытое впервые для конкретного субъекта научно-исследовательского поиска и поэтому являющееся новым», – не применим. Важно заметить, что итоги научного исследования подвергаются строгой оценке, основанной на глубоком, многоуровневом анализе ранее достигнутого в данной области знания. Упущение отдельных аспектов, разработанных в науке ранее, способно обесценить результат научного поиска, исказить его, превратить в вариацию на уже известную тему.

Очевидно, что в контексте научной новизны в педагогике оценивается следующее: педагогические знания, специфика реализации научно-педагогического замысла; методы/способы педагогического исследования или педагогической деятельности; средства достижения педагогических целей; инновации в образовательном процессе, в которых задействовано настоящее открытие или научное достижение.

В научно-педагогическом поиске при определении новизны важно также разделять знание, проверенное образовательной практикой, удостоверенное логикой, знание как результат объективного познания действительности и частное мнение исследователя, выражающее его индивидуальное суждение об объекте исследования, включающее субъективную оценку.

При определении новизны в научно-квалификационных исследованиях по педагогике нужно, на наш взгляд, учитывать как минимум два аспекта:

– первый – содержательный (представление в диссертации ранее незафиксирован-

ных в педагогической науке теоретических положений, нормативного знания). Этот аспект связан с теоретической новизной исследования, выраженной в разработанных и представленных автором оригинальных педагогических концепции, гипотезах, терминологии, нормативных регулятивах;

– второй – ценностный (актуальность и востребованность нового педагогического знания, его ценность для практиков). Этот аспект связан с практической новизной диссертации, отраженной в предложениях по усовершенствованию существующих образовательных систем, рекомендациях для педагогических работников, новых средствах и методах дальнейшего изучения проблемы.

Наиболее часто встречающиеся ошибки при определении новизны в научно-педагогических исследованиях возникают из-за того, что последняя нередко приравнивается к теоретической и практической значимости проведенной работы. По форме это могут быть инвективы такого порядка, как: «Исследование открывает перспективы...» или «Научная новизна детерминирует теоретическую и практическую значимость...» и т. д.

За новизну также выдают очевидные в педагогической науке и практике положения, известные результаты, сформулированные иначе, нежели прежде, по форме, вариативно терминологически. Получается, что исследователь искренне полагает, что, если в таком порядке слова еще не ставили, таким образом это явление еще не называли, то новое словосочетание и есть новизна. Встречается также механическое описание новизны, когда поставленные задачи в исследовании решены и это выдается за новизну проведенной научно-квалификационной работы.

Исследователю важно разбираться в видах новизны, уметь их отличать еще до начала проведения исследования, на этапе замысла. По уровню новизна может быть как общей, отражающей максимальный уровень новых знаний, новых методик, новых предложений, значимый для педагогической науки в целом, так и локальной, переносящей опыт в пространстве и времени, применяющей

трансформированную известную методику в новой сфере или в новых условиях, а также частной, обновляющей один из элементов системы, влияющий на качественные характеристики системы в целом, и даже условной, представляющей собой новое сочетание ранее известных элементов и методов.

Возникает резонный вопрос: как измерить новизну в научно-педагогических исследованиях; по каким критериям. Критериями определения новизны, на наш взгляд, могут быть следующие:

– временные (с учетом временной спецификации, например, хронодискретности [1] или актуализации новых историко-педагогических источников);

– аксиологические или качественные (очевидно, что ценностью обладают исследования, содержащие неизвестные ранее педагогические знания, качественно изменяющие сложившиеся представления);

– телеологические (новизной обладает впервые и по-новому поставленная цель педагогического исследования, которая детерминирует содержательно-процессуальную новизну всего исследования);

– пространственные (значимые для выявления закономерностей развития педагогических явлений новые метрики).

Важно также отметить, что новизна в педагогических исследованиях может проявляться не только в новых теоретических положениях, но и в новой содержательной интерпретации результатов, которые предшествуют формулированию выводов, и даже в авторских практических рекомендациях, которые следуют из теоретических результатов.

Условиями и предпосылками определения новизны научно-педагогического исследования могут выступать как глубокие, обширные, системные педагогические знания исследователя и эксперта, так и креативность мышления, готовность исследователя и эксперта к восприятию нового, компромисс между позицией автора исследования и эксперта, и, наконец, конвенциональное согласие между экспертами, устанавливающими факт наличия или отсутствия научной новизны.

Разберем наиболее типичные, на наш взгляд, ошибки при определении научной новизны в научно-квалификационных работах по педагогике.

В частности, в диссертационном исследовании Суфияха Раеда научная новизна определяется тем, что в работе «систематизированы представления о содержании понятия «инновационность личности» как способности к принятию новых идей, их переработке и интерпретации, прогнозированию развития инновационных идей, их внедрению; объяснению получаемых фактов и их внедрению; объяснению получаемых фактов, а также анализу последствий своих решений для других людей; принятию на себя ответственности за достигнутые решения; способности вести диалог и конструктивно отстаивать свою точку зрения в общении с субъектами инноваций» [2, с. 8]. Нам представляется, что систематизация заключается в выявлении доселе неизвестных характеристик, присущих изучаемому явлению как системе, а не в перечислении хорошо известного прежде. Кроме того, систематизация подразумевает установление устойчивых связей между различными характеристиками изучаемого феномена, вскрытие каких-то закономерностей, механизмов взаимодействия компонентов системы, а простое их перечисление.

Исследователь Т. В. Михайлова полагает, что новизна исследования «определяется его предметом и логикой решения поставленных задач» [3, с. 9]), а также тем, что было «расширено представление об основных положениях, определяющих теоретико-методологические аспекты подготовки» педагогических работников [3, с. 10]). Думается, что названные признаки, недополненные должными качественными характеристиками новизны, недостаточны. Ведь расширение представлений о чем-бы то ни было не обязательно их трансформирует, также как по-новому определенные предмет исследования и логика решения исследовательских задач не эквивалентны новизне научных результатов.

В диссертации Ю. С. Берниной научная новизна заключается в том, что «раскрыто и обосновано понятие управленческой компетентности спортивного тренера как способности и готовности тренера к реализации основных функций управленческого цикла (планирование, организация, контроль, учет, коррекция), необходимых для обеспечения тренировочно-соревновательной деятельности спортсменов и собственной соревновательной деятельности» [4, с. 7]. Полагаем, что применение давно известных классических функций управления к новому предмету – тренировочному виду деятельности – не может претендовать на научную новизну исследования, поскольку способность к педагогическому управлению (руководству) всегда включалась в состав готовности педагогического работника.

На уровне проведенных докторских исследований наблюдается «вкусовщина» при отборе методологических подходов к изучению предмета исследования, необоснованность положений, выдаваемых за новизну. Так, в исследовании А. В. Кондауровой научная новизна, по мнению автора, заключается в том, что «обоснована совокупность подходов (системный социокультурный, социально-антропологический, субъектно-деятельностный, акмеологический, андрагогический) к изучению, содержанию и организации процесса повышения квалификации педагогов в меняющемся социальном взаимодействии, обеспечивающая развитие субъектной активности, рефлексивности педагога в необходимости самоизменения, непрерывного образования в условиях современного динамично меняющегося мира» [5, с. 12]. Из приведенной редакции новизны неясно, почему избраны именно данные методологические подходы и в чем тут инновационность и новизна – только лишь в применении данных подходов к новому объекту и предмету исследования.

На прирост научной новизны претендуют и те исследователи, которые раскрывают содержание предмета исследования за счет включения в его определение уже известных ранее компонентов. Так, И. В. Мироновой

«расширено содержание понятия «инновационный потенциал преподавателя вуза» на основе научных дефиниций «инновация», «потенциал», «потенциал личности» [6, с. 8]. Однако определение содержания интегрированного понятия как суммирование содержаний объединенных в него понятий не дает никакого прироста педагогического знания, а, значит, и не обеспечивает научную новизну.

Кроме того, многими исследователями в качестве новизны выдвигаются некие методические пути или условия, которые не находят раскрытия своего содержания, что затрудняет определение их истинной инновационности и отличия от уже существующих. Например, Т. А. Живодрова видит научную новизну проведенного ею исследования в том, что «выявлены педагогические условия, способствующие формированию поликультурной компетентности обучающихся средствами английского фольклора» [7, с. 9]. Таким же образом определяет новизну и исследователь А. Г. Шабанов, утверждая, что им «выявлены, обоснованы и экспериментально проверены педагогические условия эффективности формирования социальной инициативности студентов средствами коучинг-технологий» [8, с. 8]. Однако из приведенных формулировок невозможно понять: в чем собственно состоит новизна выявленных условий. На выявлении неких условий как инновационных, определяющих новизну исследований, настаивают и Н. Н. Долина [9, с. 8], и О. В. Ботяшина [10, с. 7].

Кроме того, исследователями применяются самооценочные суждения при определении новизны проведенной ими работы, что является недопустимым в научно-квалификационном исследовании. В частности, исследователем И. С. Марьиным отмечается, что им «предложен оригинальный подход к выстраиванию процесса плавательной подготовки ватерполистов групп совершенствования спортивного мастерства...» [11, с. 7], специфика оригинальности которого не раскрывается в определении научной новизны.

В целом положительно оценивая описание научной новизны в докторской диссер-

тации Е. В. Лапиной, стоит отметить, что снижает впечатление от столь важного методологического компонента работы неточность некоторых приведенных суждений. В частности, автор указывает, что ею была «раскрыта смысловая и содержательная наполненность понятия «развитие профессионально значимых ценностей педагога» [12, с. 9]. Возникают резонные вопросы: в чем смысл изучаемого явления отличается от его содержания; какое значение автор вкладывает в эти дефиниции, разделяя их. Если речь идет о личностном смысле, то в научном исследовании он мало значим, поскольку исследование ориентировано на получение объективного знания.

Делая вывод, важно отметить, что научная новизна педагогических исследований позволяет достигнуть в науке следующих неоспоримых результатов:

- придает общественную ценность проведенной исследователем работе;
- детерминирует введение в научный оборот новых информационных единиц;
- обогащает педагогический инструментарий;
- преумножает терминологическое богатство языка педагогической науки;
- представляет научно-педагогическому сообществу новые идеи, концепции, теории;
- позволяет успешно интегрировать результаты исследований в процесс подготовки специалистов для сферы педагогической практики;
- обеспечивает конкурентоспособность исследователя, практикующего специалиста;
- порождает стремление к дальнейшему познанию и поиску новых знаний.

Феномен новизны, помимо методологического значения имеет и методический, адресованный напрямую к природе научно-педагогической деятельности. Современный научно-педагогический работник вынужден бесконечно находиться в своеобразной «погоне за новизной», подготавливая тексты научных статей, монографий, учебной и методической продукции. При этом процент прецедентного авторского тек-

ста для профессорско-преподавательского состава и адъюнктов (аспирантов) при проведении научно-представительских мероприятий некоторыми образовательными организациями высшего образования может разниться в сторону повышения требований к тезисам для научно-педагогических работников.

Кроме того, видится методически нецелесообразным и контрпродуктивным необоснованное предъявление требований абсолютной новизны к методической продукции в некоторых вузах: при поступлении на отдельные научные специальности всего одного-двух кандидатов на обучение

в адъюнктуре (аспирантуре) преподаватели вынуждены ежегодно на 100 % перерабатывать, например, объемную базу тестовых заданий для кандидатов на обучение.

Гонка за новизной в научных работах выхолащивает источниковедческую базу исследования, донельзя обедняя ее, и ведет к утрате целей и ценностей проводимого научного поиска. Представляется целесообразным найти разумный баланс между требованиями к научной новизне проводимых исследований и сохранением атмосферы творчества, инновационности и свободы в образовательных и научных организациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Сборник научных трудов по материалам Второй всероссийской научной конференции / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2019.
2. Суфиях Раед. Учебная групповая деятельность как фактор развития инновационности студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019.
3. Михайлова Т. В. Концепция подготовки тренеров в условиях интегрированной образовательной системы институтов спорта: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2019.
4. Бернина Ю. С. Формирование управленческой компетентности будущих спортивных тренеров в системе высшего образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
5. Кандаурова А. В. Повышение квалификации педагогов в условиях изменений социального взаимодействия: автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 2020.
6. Миронова И. В. Развитие инновационного потенциала преподавателя вуза в дополнительном профессиональном образовании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
7. Живодрова Т. А. Формирование поликультурной компетентности обучающихся в общеобразовательной школе при изучении английского фольклора: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
8. Шабанов А. Г. Формирование социальной инициативности студентов средствами коучинг-технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
9. Долина Н. Н. Реализация практик здоровьесбережения в детско-юношеской общественной организации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
10. Ботяшина О. В. Духовно-нравственное воспитание младших школьников в русской классической гимназии: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
11. Марьин И. С. Содержание и методика подготовки юных ватерполистов на этапе совершенствования спортивного мастерства: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2020.
12. Лапина Е. В. Педагогическая концепция развития профессионально значимых ценностей педагога в системе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2019.

REFERENCES

1. Actual problems and prospects for the development of the scientific school of chrono-discrete monogeographic comparative law // Collection of scientific papers based on the materials of the Second All-Russian Scientific Conference / ed. A. A. Demicheva, K. A. Demicheva. Nizhny Novgorod: NRU RANEPА, 2019. (In Russ.)

2. Sufiah Raed. Educational group activity as a factor in the development of students' innovativeness: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2019. (In Russ.)
3. Mikhailova T.V. The concept of training coaches in the conditions of an integrated educational system of sports institutions: author. dis. ... doc. ped. sciences. M., 2019. (In Russ.)
4. Bernina Yu. S. Formation of managerial competence of future sports trainers in the system of higher education: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
5. Kandaurova A. V. Professional development of teachers in the conditions of changes in social interaction: author. dis. ... doc. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
6. Mironova I. V. Development of the innovative potential of a university teacher in additional professional education: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
7. Zhivodrova T. A. Formation of multicultural competence of students in a general education school in the study of English folklore: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
8. Shabanov A. G. Formation of social initiative of students by means of coaching technologies: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
9. Dolina N. N. Implementation of health saving practices in a children's and youth public organization: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
10. Botyashina O. V. Spiritual and moral education of junior schoolchildren in the Russian classical gymnasium: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
11. Maryin I.S. The content and methodology of training young water polo players at the stage of improving sportsmanship: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2020. (In Russ.)
12. Lapina E. V. Pedagogical concept of the development of professionally significant values of the teacher in the system of advanced training: author. dis. ... cand. ped. sciences. M., 2019. (In Russ.)

Информация об авторах:

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России;
Ходякова Н. В., доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России;
Грищенко Л. Л., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Khodyakova N. V., Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Grishchenko L. L., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ ГРУППЫ СОЦИАЛЬНОГО РИСКА

Инна Сергеевна Скляренко¹, Юлия Игоревна Курипченко²,
Андрей Петрович Андруник³

^{1,3} Академия Управления МВД России, Москва, Россия

² Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников
МВД России, Домодедово, Россия

¹ GHart2@yandex.ru; ² ic-k@mail.ru; ³ andrunik72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема педагогической поддержки семей группы социального риска. Предлагается способ ее решения посредством использования педагогического инструментария, который рекомендуется сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних, осуществляющих педагогические функции в отношении семей указанной категории. Инструментарий представлен педагогическими диагностическими методами (опрос, наблюдение) и собственно педагогическим инструментом – сетевая технология. Кроме того, среди диагностических инструментов упоминается методика уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса и опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса. Авторы четко определяют понятия педагогической поддержки, использующихся инструментов, дают их характеристики и оговаривают особенности использования в педагогической поддержке с семьей группы социального риска. Каждый из представленных методов проиллюстрирован конкретными примерами в деятельности инспектора по делам несовершеннолетних. Особое внимание уделено сетевой технологии как инструменту педагогической поддержки и ее конкретному применению.

Ключевые слова: педагогическая поддержка, семья группы социального риска, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, педагогический инструментарий, метод опроса, метод наблюдения, сетевая технология.

Для цитирования: Скляренко И. С., Курипченко Ю. И., Андруник А. П. Педагогическая поддержка семей группы социального риска // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 196–204.

Theoretical article

PEDAGOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES OF THE SOCIAL RISK GROUP

Inna S. Sklyarenko¹, Yulia I. Kuripchenko², Andrey P. Andrunik³

^{1,3} Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² All-Russian Institute for Advanced Training of Employees
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Domodedovo, Russia

¹ GHart2@yandex.ru; ² ic-k@mail.ru; ³ andrunik72@mail.ru

Abstract. Abstract. The article deals with the problem of pedagogical support for families of the social risk group. A method of solving it is proposed through the use of pedagogical tools, which is recommended to employees of juvenile affairs units performing pedagogical functions in relation to families of this category. The toolkit is represented by pedagogical diagnostic methods (survey, observation) and the actual pedagogical tool – network technology. In addition, among the diagnostic tools mentioned are the methodology of the level of school anxiety by B. N. Phillips and the questionnaire “Analysis of family relationships” by E. G. Eidemill-

© Скляренко И. С., Курипченко Ю. И., Андруник А. П., 2023

er, V. V. Justitskis. The authors clearly define the concepts of pedagogical support, the tools used, give their characteristics and specify the features of using a social risk group in pedagogical support with a family. Each of the presented methods is illustrated by concrete examples in the activities of the inspector of juvenile affairs. Special attention is paid to network technology as a tool of pedagogical support and its specific application.

Keywords: pedagogical support, family of social risk groups, employees of juvenile affairs units, pedagogical tools, survey method, observation method, network technology.

For citation: Sklyarenko I. S., Kuripchenko Yu. I., Andrunik A. P. Pedagogical support for families of the social risk group // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 196–204.

Принимая во внимание тот факт, что в России продолжают оставаться нерешенными проблемы семей группы социального риска, полагаем необходимым рассмотрение вопросов их педагогической поддержки.

Соглашаясь с позицией Л. В. Мардахаева, Р. В. Овчаровой, Л. Я. Олиференко и др. и дополняя ее в части, касающейся характеристики субъектов риска, считаем, что семей группы социального риска является объектом социально-педагогической работы, семья, которая на определенный момент времени оказалась в затруднительном положении, не позволяющем создать благополучную среду для всестороннего развития всех ее членов и преимущественно несовершеннолетних [1; 2, с. 12–15; 3; 4; 5]. Речь идет о том, что если один из членов семьи попадает в группу социального риска, то вся семья «автоматически» зачисляется в эту группу.

Среди насущных проблем семей группы социального риска особенно важными считаются трудности материально-экономического, психолого-педагогического, социального и медицинского характера. Так, продолжает оставаться низким уровень прожиточного минимума значительного количества многодетных и неполных семей. Эта проблема порождает другую проблему, связанную с трудовой загруженностью родителей и, как следствие, – нехваткой времени для общения с детьми, что приводит к их педагогической запущенности и безнадзорности.

Приведенные факты подтверждаются данными Федеральной службы государственной статистики. К примеру, число лиц, потерпевших от преступлений, совершен-

ных в отношении детей в 2020 году составляет – 7673, в 2021 году – 8402. Данные показатели являются высокими и порождают серьезную обеспокоенность. Кроме того, в семьях наблюдаются трудности материально-экономического характера, иллюстрируемые численностью детей в возрасте до 16 (18) лет, на которых назначено ежемесячное пособие (к общей численности детей в возрасте до 18 лет). Так, в 2020 году их было 7695551, а в 2021 году – 6841175¹.

В системе правоохранительных органов внушительную часть работы с семьями группы социального риска осуществляют инспекторы по делам несовершеннолетних (далее – ПДН). Их функциональные обязанности весьма разнообразны и регламентированы документами разного уровня, в частности Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Приказом МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации». В этих нормативно-правовых актах сделан акцент на порядок организации работы сотрудников ПДН по решению поставленных задач, связанных с несовершеннолетними и их семьями, указан административно-правовой инструментарий и меры принудительного характера.

Опосредованным примером недостаточной эффективности действия принудительных мероприятий (как раз самых популярных) служит количество подростков,

¹ Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://www.gks.ru/folder/13807> (дата обращения: 30.01.2023).

поставленных на административно-профилактический учет в инспекции по делам несовершеннолетних, и длительность пребывания, что соответственно является поводом включения их семей в группу социального риска. Многие исследователи [6; 3; 5; 7], с одной стороны, среди причин такого положения дел называют недооценивание в работе инспекции ПДН современных достижений педагогической науки, эпизодическое использование традиционных педагогических методов. С другой стороны, указывают на необходимость создания системы педагогической поддержки семей группы социального риска с несовершеннолетними членами семьи, включающей инновационный профилактический инструментарий, использующийся инспектором ПДН.

Заметим, в научной литературе педагогическая поддержка трактуется как процесс совместного субъекта с объектом определения смыслов, планов, достижений, способов преодоления преград (О. С. Газман [8, с. 58]), как педагогическая помощь (Е. В. Бондаревская [9, с. 29–36]), как педагогический инструмент (Т. В. Анохина [10, с. 71]), как педагогическое сопровождение (С. Н. Чистякова [11, с. 128]). П. А. Эльканова связывая эти два термина, говорит о пролонгированной педагогической поддержке в педагогическом сопровождении [12, с. 74–123].

Для более четкого выделения в теории педагогики содержательной, инструментальной, процессуальной и организационной составляющих социально-педагогической деятельности многогранность представлений педагогической поддержки играет существенную роль. Между тем рассматриваемая проблема под призмой взаимодействия с семьями группы социального риска исследована недостаточно и нуждается в детализации категориального аппарата.

Соглашаясь с позицией Н. В. Никифоровой [13], мы также считаем, что содержательно понятие «педагогическая поддержка» несколько уже понятия «педагогическое сопровождение» и является его составной частью.

Педагогическая поддержка семьи группы социального риска – это воспитательная деятельность инспектора ПДН по стимулированию семьи к мобилизации внутренних ресурсов для принятия решения на разрешение проблем несовершеннолетних членов семьи. В то же время это и условие формирования и развития у старших членов семьи (родителей, законных представителей) группы социального риска ценностной установки на нравственный выбор в пользу несовершеннолетних членов семьи.

При этом под ценностной установкой на нравственный выбор в пользу несовершеннолетних членов семьи мы понимаем готовность (родителей, законных представителей) к принятию ответственного решения и воплощение его в нравственный поступок по отношению к несовершеннолетним членам семьи.

Такая установка сформирована, если в поведении старших членов семьи (родителей, законных представителей) обнаруживается способность:

- осознавать понимание традиционных ценностей (жизнь, любовь, служение Отчеству, патриотизм, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм и милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение, ответственность);
- улавливать противоречие в ситуации нравственного выбора касательно несовершеннолетних членов семьи;
- ощущать эмоции от обратной связи с нравственным противоречием, которые в свою очередь отражают потребность родителей в самореализации;
- оценивать альтернативу выбора, преимущественного для несовершеннолетних членов семьи, с учетом своих нравственных принципов и предвидений;
- решаться на нравственный поступок в пользу несовершеннолетних членов семьи;
- анализировать объективно нравственный поступок, касающийся несовершеннолетних членов семьи.

Педагогическая поддержка семьи группы социального риска осуществляется инспектором ПДН в три этапа и предусматри-

вает: 1) диагностику существующих в семье проблем, ее причинно-следственных связей; 2) сознательный, самостоятельный или помощью выбор оптимальных способов их решения; 3) собственно разрешение семейных общих проблем и проблем несовершеннолетних членов.

На этапе разрешения проблемы объекту, а в нашем случае это семья группы социального риска, предоставляется самостоятельность, включающая мобилизацию собственных ресурсов. При этом педагогическая поддержка (со стороны инспектора) оказывается методом консультирования на этапе принятия решения и выработки плана решения проблемы, а также первичной помощи в реализации этого плана.

Основными свойствами педагогической поддержки являются: эпизодичность, адресность (направлена на преодоление конкретных затруднений), высокая степень инициативности инспектора ПДН в оказании помощи, доверительность отношений и диалогичность общения с семьей, приоритет интересов несовершеннолетних членов семьи группы социального риска, позитивная оценка достижений.

Педагогическая поддержка в решении проблем семьи группы социального риска, как уже было отмечено, способствует правильно отобранной инспектором ПДН для работы педагогический инструментарий (формы, методы, технологии, средства), который безусловно соотносится с решаемой задачей.

Целью настоящей статьи является обоснование использования сотрудником подразделения по делам несовершеннолетних в процессе педагогической поддержки семьи группы социального риска рационального педагогического инструментария и представление конкретного фрагмента его применения. В пределах статьи мы рассмотрим отдельные инструменты педагогической диагностики (опрос, наблюдение) и некоторые педагогические методы (сетевую технологию) [14, с. 173–191].

За более чем двадцатилетний опыт работы отечественных социальных педагогов был накоплен богатейший материал для ра-

боты с семьей. К глубокому сожалению, в деятельности инспектора ПДН педагогический инструментарий по сей день применяется довольно бессистемно и фрагментарно.

Рассмотрим некоторые педагогические инструменты, используемые инспектором ПДН в соответствии с выделенными этапами педагогической поддержки семьи группы социального риска.

Первый диагностический этап педагогической поддержки. Характеризуя группу инструментов, адаптированных к работе с семьей группы социального риска, в качестве иллюстрации представим два социально-педагогических метода – метод опроса и метод наблюдения.

Социально-педагогический опрос – диагностический метод социально-педагогической работы инспектора ПДН, позволяющий оперативно получить устную информацию от несовершеннолетних и старших членов семьи в виде ответов на разработанную серию вопросов для оказания педагогической поддержки в трудной жизненной ситуации.

Для социально-педагогического опроса целесообразны следующие этапы. Первый: сбор материалов о семье группы социального риска и сложившейся у нее трудной жизненной ситуации. Второй: составление вопросов, дополняющих общую картину и выявляющих потенциал педагогической поддержки семьи для выхода из затруднений. Причем при составлении вопросов учитывается их направленность, детальность и конкретность. Третий этап: непосредственно опрос всех членов семьи группы социального риска с фиксированием ответов. Четвертый: анализ результатов, оформление выводов и проектирование действий для решения проблемы семьи. Например, социально-педагогический опрос применяется в ситуациях выявления причин, по которым семья оказалась в группе риска.

Социально-педагогическое наблюдение – диагностический метод социально-педагогической работы инспектора ПДН, осуществляемый путем визуального анализа характеристик и действий членов семьи группы социального риска в целях получе-

ния существенной о них информации для оказания педагогической поддержки в возникшей трудной жизненной ситуации.

Выделяют как минимум шесть этапов социально-педагогического наблюдения. Первый: сбор информации о семье группы социального риска и ее настоящих затруднениях; второй: составление подробного плана наблюдения; третий: осуществление наблюдения и фиксирование его результатов (социально-педагогические, психологические характеристики и действия членов семьи); четвертый: анализ полученной информации; пятый: формулировка выводов по наблюдению; шестой: проектирование мероприятий педагогической поддержки для решения проблемы семьи.

В практике инспектора ПДН выделяются целый ряд разновидностей социально-педагогического наблюдения.

Наблюдение в искусственно созданной среде – наблюдение, при котором семья группы социального риска (объект наблюдения), «помещается» в специально созданную среду. Например, наблюдение за семьей в момент сетевой встречи.

Полевое наблюдение – наблюдение за семьей группы социального риска (объектом наблюдения), осуществляемое в естественных условиях. Например, наблюдение за семьей по месту жительства, за несовершеннолетними членами семьи и их родителями в образовательной организации, за родителями на рабочем месте.

Открытое наблюдение – наблюдение с осведомлением объекта наблюдения. Инспектор ПДН сообщает членам семьи группы социального риска о том, что в рамках педагогической поддержки они находятся под наблюдением. Например, наблюдение за семьей в период исправления социально-бытовых недостатков.

Скрытое наблюдение – наблюдение, при котором семья группы социального риска (объект наблюдения) не знает о том, что находится под наблюдением инспектора ПДН. Например, наблюдение инспектором ПДН за родителями в позднее время суток.

Включенное наблюдение проводится инспектором ПДН, и он становится участ-

ником исследуемого процесса. Например, наблюдение за членами семьи в момент проводимой инспектором ПДН групповой ознакомительной беседы.

Простое (не включенное) наблюдение проводится инспектором ПДН, и он не является участником исследуемого процесса или деятельности. Например, наблюдение за членами семьи в ходе профилактической беседы, проводимой социальным педагогом образовательной организации.

В зависимости от вида социально-педагогического наблюдения и соответственно его цели, средой наблюдения выступают образовательная или любая другая организация, микросоциум (компания, семья, круг друзей, соседи и др.), улица, дом. Большой частью инспектором ПДН используется комплексное социально-педагогическое наблюдение, в котором сочетаются разные виды наблюдений. Практический опыт показывает целесообразность сочетания полевого и скрытого наблюдения. Так, например, инспектор ПДН осуществляет одновременно полевое и скрытое наблюдение за несовершеннолетним из семьи группы социального риска, находящимся в компании, в месте наиболее распространенного скопления молодежи (парк, стадион, детская площадка и т. д.), в вечернее время. Такое наблюдение позволяет установить круг общения этого несовершеннолетнего, выявить особенности проведения им досуга, определить некоторые психологические характеристики его личности, установить роль несовершеннолетнего в компании (пассивная/активная, лидер/ведомый и т. д.), оценить коммуникативные возможности, интенсивность вербального и невербального общения.

В работе инспектора ПДН особенно рекомендовали себя следующие виды социально-педагогического диагностического инструментария, адаптированные к работе с семьей группы социального риска. Это методика диагностики уровня школьной тревожности Б. Н. Филлипса и опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э. Г. Эйдемиллера, В. В. Юстицкиса [15; 16, с. 585].

Методика диагностики уровня школьной тревожности позволяет инспектору ПДН изучить характер тревожности несовершеннолетнего и провести взаимосвязь с его жизнью в семье. Затем грамотно спроектировать коррекционно-педагогические действия по ее устранению и нормализации психологического состояния не только несовершеннолетнего, но и всех членов его семьи, попавших в группу социального риска.

Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» применяется инспектором ПДН в двух вариантах. Первый вариант позволяет выявить ошибки родителей в воспитании несовершеннолетних детей и предотвратить развитие деструктивных качеств личности. Второй вариант диагностирует нежелательное, некорректное влияние членов семьи друг на друга, нарушения выполняемых ролей в семье и помехи для ее целостности.

И, наконец, рассмотрим педагогический инструмент второго и третьего этапов педагогической поддержки (выбор оптимальных способов решения и их реализация), осуществляемой инспектором ПДН в работе с семьей группы социального риска, – сетевая технология.

Под сетевой технологией нами понимается инструмент педагогической поддержки семьи группы социального риска и несовершеннолетних ее членов, используемый инспектором ПДН, опирающийся на использование ресурсов семьи, связей и отношений между людьми и вовлекающий сеть ее социальных контактов [17, с. 192–203].

К сети социальных контактов несовершеннолетнего относятся заинтересованные в его жизни лица из его окружения: семья, знакомые, друзья, соседи, учителя и другие работники образовательной организации, одноклассники, должностные лица.

Сетевая технология представляет собой четыре алгоритмических шага. Причем, первые два шага относятся ко второму этапу педагогической поддержки, а вторые два шага к третьему этапу педагогической поддержки.

Первый шаг – «Подготовка», предполагает проведение социального расследования, по итогам которого составляется сетевая карта.

Построение сетевой карты осуществляет инспектор ПДН совместно с главным героем – несовершеннолетним, по стандартизированной форме с применением условных обозначений в виде геометрических фигур. На круговую карту наносится сеть социальных контактов несовершеннолетнего из семьи группы социального риска, попавшего в трудную жизненную ситуацию. В центр карты помещается символ самого несовершеннолетнего, круг делится на сектора (семья, школа, друзья, интересы и др.). В выделенных секторах располагаются значимые для несовершеннолетнего лица. От несовершеннолетнего к обозначенным лицам проводятся линии, характеризующие их взаимосвязь: позитивную, конфликтную либо разрыв отношений. Кроме реально существующих лиц, на карте маркируются еще и лица символические (герои любимых книг или фильмов, исторические личности, артисты) или умершие люди, которые оказали влияние на несовершеннолетнего.

Второй шаг – «Реализация», подразумевает организацию сетевой встречи – встречи, необходимой в момент трудной жизненной ситуации для несовершеннолетнего и его семьи.

Цель сетевой встречи для ее участников: выявить в сетевых контактах семьи возможности для решения проблемы несовершеннолетнего и оказать посильную действенную помощь.

В обобщенный план сетевой встречи включаются обязательные позиции:

- 1) приветствие и представление участников встречи, актуализация проблемы и целеполагание;
- 2) высказывания участников встречи об ожиданиях от нее;
- 3) высказывание несовершеннолетнего о своей дальнейшей жизни и определение в ней роли членов семьи;
- 4) высказывания участниками встречи предложений выхода из трудной жизненной ситуации несовершеннолетнего и его семьи;
- 5) выбор участниками встречи максимально эффективного варианта выхода из кризиса (заполнение специально разработанной формы по обязательствам сторон);

б) высказывания участников встречи о ее результатах.

Для удобства использования сетевой технологии нами разработан стандартизированный бланк сетевой встречи, включающий следующие основные блоки:

1) подготовка сетевой встречи: определение и указывание периода начала и окончания подготовки к сетевой встрече; изучение сети социальных контактов несовершеннолетнего и его семьи; составление сетевой карты по стандартизированной форме; характеристика приглашенных участников, способных разрешить проблему несовершеннолетнего и его семьи;

2) реализация сетевой встречи ее ведущим – инспектором ПДН: определение конкретного времени и места сетевой встречи; представление участников сетевой встречи, лиц заинтересованных в решении проблемы семьи группы социального риска и ее несовершеннолетних членов; описание трудной жизненной ситуации, в которой оказалась семья; фиксирование конкретных предложений по педагогической поддержке от участников сетевой встречи; принятие решений по результатам сетевой встречи в виде программы педагогической поддержки семьи;

3) анализ результатов сетевой встречи: определение и указание времени (число, месяц, год) и места проведения контрольной встречи с семьей группы социального риска.

Третий шаг – «Контроль», предусматривает отслеживание осуществления разработанной программы педагогической поддержки семьи, способствующей выходу из сложной жизненной ситуации и, соответственно, выполнения заявленных обязательств участниками.

Четвертый шаг – «Коррекция», допускает корректирующие действия и возврат к начальному этапу алгоритма, если проектируемый результат не в полной мере удовлетворил ожидания несовершеннолетнего и его семьи.

В качестве примера рассмотрим фабулу достаточно часто встречающейся ситуации, связанной с проблемами несовершеннолетнего и успешно решаемой посредством

сетевой технологии. Относительно выбранной фабулы определен примерный список участников, приглашенных на сетевую встречу, состоятельных с максимальной долей вероятности оказать поддержку семье, попавшей в трудную жизненную ситуацию.

Фабула. Инспектору ПДН классный руководитель 9 «В» класса Анна Ивановна сообщила о том, что в общей сложности две учебные четверти несовершеннолетняя Петрова Марина систематически пропускает занятия и получает неудовлетворительные оценки. Всякий раз после пропуска она предъявляет классному руководителю записки от родителей, якобы подтверждающие уважительную причину. Учитель убеждена, что записки написаны самой Мариной и родители не в курсе происходящего. Попытки связаться с родителями оказываются безуспешными, они сообщают, что выехали за пределы города. Результаты опроса и наблюдения показали, что девочка мало контактирует с одноклассниками, однако predisposed к коллективной деятельности. Классный руководитель обеспокоена воспитательной ситуацией, сложившейся в семье Марины, по ее мнению, несовершеннолетняя предоставлена сама себе, а положительный итог экзаменов попадает под сомнение.

Информация из социально-педагогического паспорта семьи:

– несовершеннолетняя: Петрова Марина, 15 лет, ученица 9 «В» класса; педагоги отмечают низкий уровень активности и заинтересованности в делах класса и школы, но высокую эмоциональность и артистичность, увлечена поэзией, интересуется театром и кино;

– семья: полная, обеспеченная, внешне благополучная; мать – Петрова Мария Николаевна, 37 лет, образование высшее экономическое, работает главным бухгалтером в строительном холдинге; отец – Петров Михаил Петрович, 42 года, образование высшее юридическое, адвокат, работает в частной адвокатской конторе.

Представим список приглашенных на сетевую встречу по фабуле: несовершеннолетняя; отец и мать несовершеннолетней; классный руководитель; завуч по вос-

питательной работе; социальный педагог; школьный психолог; руководитель школьного театрального кружка; председатель родительского комитета класса; староста класса.

Краткие результаты сетевой встречи: девочка согласилась стать участницей театрального кружка, заниматься с репетиторами и принять помощь старосты во включении в общественную жизнь класса.

Педагогическая поддержка, оказанная инспектором ПДН посредством использования сетевой технологии, нацелена на мобилизацию ресурсов всех членов семьи,

сплочение социального окружения несовершеннолетней для предоставления возможности самостоятельного выхода из трудной жизненной ситуации.

В завершении отметим, что многолетний практический опыт показал целесообразность и действенность представленных теоретических оснований, рекомендуемых примеров для сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, педагогов образовательных организаций по педагогической поддержке семьей группы социального риска, иллюстрирующих эффективный педагогический инструментарий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галагузова М. А., Мардахаев Л. В. Методика и технологии работы социального педагога. М.: Академия, 2008. 192 с.
2. Курипченко Ю. И. Семья группы социального риска как объект социально-педагогической деятельности // Среднее профессиональное образование. 2019. № 5. С. 12–15.
3. Овчарова Р. В. Справочная книга социального педагога. М.: ТЦ «Сфера». 2001. 480 с.
4. Олиференко Л. Я., Шульга Т. И., Дементьева И. Ф. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 256 с.
5. Скляренко И. С. Коррекционная педагогика: курс лекций. М.: Изд-во МосУ им. В. Я. Кикотя. 2017. 350 с.
6. Андруник А. П. Диалектика природного, социального и превентивного в детерминации отклоняющегося поведения. Проблема отклоняющегося поведения в современном образовании: коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2018. 166 с.
7. Скляренко И. С., Чечикова И. В. Педагогическое сопровождение подростков, состоящих на учете в полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 156–164.
8. Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. М.: Инноватор, 1995. С. 58.
9. Бондаревская Е. В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. С. 29–36.
10. Анохина Т. В. Педагогическая поддержка как реальность современного образования // Новые ценности образования. СПб. 1996. № 6. С. 71.
11. Чистякова С. Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников: методическое пособие для профильной и профессиональной ориентации и профильного обучения школьников. М.: Изд. Центр «Академия», 2007. С. 128.
12. Эльканова П. А. Педагогическое сопровождение социализации подростка: на примере Заполярья: дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 184 с.
13. Никифорова Н. В. Отличие педагогической поддержки от педагогического сопровождения // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 9.
14. Курипченко Ю. И. Подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к работе с семьей группы социального риска: дис. ... канд. пед. наук. М., 2021. С. 173–191.
15. Райгородский Д. Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. М.: БАХРАМ-М Самара. 2015. 672 с.
16. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. В. Психология и психотерапия семьи. 3-е изд. СПб: Питер. 2002. С. 585.
17. Скляренко И. С., Курипченко Ю. И., Демин Г. И. Сетевая технология как педагогический инструмент // Интернет-журнал «Психология и право». 2018. Том 8. № 4. С. 192–203.

REFERENCES

1. Galaguzova M. A., Mardakhaev L. V. Methods and technologies of work of a social teacher. M.: Academy, 2008. 192 p. (In Russ.)
2. Kuripchenko Yu. I. The family of the social risk group as an object of social and pedagogical activity // Secondary vocational education. 2019. No. 5. P. 12–15. (In Russ.)
3. Ovcharova R. V. Reference book of a social teacher. Moscow: TC “Sphere”. 2001. 480 p. (In Russ.)
4. Oliferenko L. Ya., Shulga T. I., Dementieva I. F. Social and pedagogical support for children at risk: a textbook. M.: Academy, 2008. 256 p. (In Russ.)
5. Sklyarenko I. S. Correctional pedagogy: a course of lectures. M.: Publishing House of Moscow State University im. V. Ya. Kikotya. 2017. 350 p. (In Russ.)
6. Andrunik A. P. Dialectics of natural, social and preventive in determining deviant behavior. The problem of deviant behavior in modern education: collective monograph / ed. ed. A. Yu. Nagornova. Ulyanovsk: Zebra, 2018. 166 p. (In Russ.)
7. Sklyarenko I. S., Chechikova I. V. Pedagogical support for adolescents registered with the police // Psychology and Pedagogy of Service Activities. 2022. No. 2. P. 156–164. (In Russ.)
8. Gazman O. S. Pedagogical support for children in education as an innovative problem // New values of education: ten concepts and essays. M.: Innovator, 1995. P. 58. (In Russ.)
9. Bondarevskaya E. V. Value bases of personality-oriented education // Pedagogy. 1995. No. 4. P. 29–36. (In Russ.)
10. Anokhina T. V. Pedagogical support as a reality of modern education // New values of education. SPb. 1996. No. 6. P. 71. (In Russ.)
11. Chistyakova S. N. Pedagogical support of self-determination of schoolchildren: a methodological guide for profile and professional orientation and profile education of schoolchildren. M.: Ed. Center “Academy”, 2007. P. 128. (In Russ.)
12. Elkanova P. A. Pedagogical support for the socialization of a teenager: on the example of the Arctic: dis. ... cand. ped. sciences. M., 2000. 184 p. (In Russ.)
13. Nikiforova N. V. The difference between pedagogical support and pedagogical support // Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application. 2009. No. 9. (In Russ.)
14. Kuripchenko Yu. I. Preparation of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia to work with a family of a social risk group: dis. ... cand. ped. sciences. Moscow, 2021. P. 173–191. (In Russ.)
15. Raygorodsky D. Ya. Practical psychodiagnostics. Methods and tests. Moscow: BAKHRAM-M Samara. 2015. 672 p. (In Russ.)
16. Eidemiller E. G., Yustitskis V. V. Psychology and psychotherapy of the family. 3rd ed. SPb: Peter. 2002. P. 585. (In Russ.)
17. Sklyarenko I. S., Kuripchenko Yu. I., Demin G. I. Network technology as a pedagogical tool // Psychology and Law Internet Journal. 2018. Volume 8. No. 4. P. 192–203. (In Russ.)

Информация об авторах:

Склярёнок И. С., доктор педагогических наук, доцент;
Курипченко Ю. И., кандидат педагогических наук;
Андруник А. П., доктор педагогических наук, доцент.

Information about the authors:

Sklyarenko I. S., Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
Kuripchenko Yu. I., Candidate of Pedagogy;
Andrunik A. P., Doctor of Pedagogy, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 06.02.2022; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 351.74

**МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИЙ
ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ
КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КРАЙНИХ МЕР
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ**

**Никита Дмитриевич Уланов¹, Кирилл Андреевич Мельник²,
Дмитрий Николаевич Черников³**

^{1,2,3} Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

¹ulanov_95@inbox.ru

Аннотация. В статье представлено исследование, направленное на изучение процесса формирования профессиональных компетенций у обучающихся из числа сотрудников полиции, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка на улицах и в иных общественных местах. Эксперимент проводился с внедрением практических модель-ситуаций, позволяющих полностью погрузить обучающихся в среду, приближенную к реальной службе. Предмет исследования составили практические аспекты моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, меры государственного принуждения, моделирование ситуаций, профессиональные компетенции.

Для цитирования: Уланов Н. Д., Мельник К. А., Черников Д. Н. Метод моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности полиции как способ повышения профессиональных компетенций в области применения крайних мер государственного принуждения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 205–210.

Original article

**METHOD OF SIMULATION OF SITUATIONS OF OPERATIONAL
AND SERVICE ACTIVITIES OF THE POLICE AS A WAY TO INCREASE
PROFESSIONAL COMPETENCES IN THE FIELD OF APPLICATION
OF EXTREME MEASURES OF STATE COERCION**

Nikita D. Ulanov¹, Kirill A. Melnik², Dmitriy N. Chernikov³

^{1,2,3} Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Voronezh, Russia, ulanov_95@inbox.ru

Abstract. The article presents a study aimed at studying the process of forming professional competencies among students from among the police officers who carry out activities to protect public order on the streets and in other public places. The experiment was carried out with the introduction in the course of training of practical model-situations that allow students to be completely immersed in an environment close to real. The subject of the study was the practical aspects of modeling situations of operational activities in the educational process of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: professional training, measures of state coercion, modeling of situations, professional competencies.

For citation: Ulanov N. D., Melnik K. A., Chernikov D. N. Method of simulation of situations of operational and service activities of the police as a way to increase professional competences in the field of applica-

Изучение опыта применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия свидетельствует о боязни или нежелании отдельных категорий сотрудников полиции прибегать к указанным мерам государственного принуждения. Вместе с тем в некоторых ситуациях происходит поспешное их применение, приводящее к неоправданно тяжким последствиям [1]. Такие действия обусловлены недостаточным уровнем огневой, физической и морально-психологической подготовки отдельных сотрудников, неумением быстро ориентироваться в складывающихся стрессовых ситуациях, а также давать правильную оценку происходящей обстановке. Обращая внимание на то, что сотрудник полиции ежедневно сталкивается с проведением мероприятий по выявлению и задержанию лиц, совершивших действия противоправного характера, необходимо обучать его правильному и своевременному применению боевых приемов борьбы, специальных средств и огнестрельного оружия уже на первых этапах освоения программ первоначальной профессиональной подготовки.

Отметим, что в последние годы в образовательных организациях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) на учебных занятиях по таким дисциплинам, как «Тактико-специальная подготовка», «Основы личной безопасности», «Актуальные вопросы деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции» популярной становится методика моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности, позволяющая воссоздать условия, приближенные к реальной практической деятельности сотрудников ведомства.

По своему значению модель – это оптимальное средство познания различных ситуаций [2]. В первую очередь она направлена на то, чтобы в рамках искусственной среды, примером которой может являться тактический (специальный) полигон, спортивный

городок с оборудованной полосой препятствий или стрелковый тир, создать практическую модель-ситуацию, состоящую из наиболее часто встречаемых в деятельности полиции при выполнении мероприятий по охране общественного порядка случаев, в которую помещаются обучающиеся для выработки профессиональных навыков и умений, связанных с мерами государственного принуждения, представленных в виде применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы [3].

Актуальность применения метода «моделей» в профессиональном обучении сотрудников полиции обусловлена значимостью формирования именно практических навыков, позволяющих в последующем не допускать ошибок при выполнении служебных обязанностей.

Предметом проводимого исследования являются теоретические и практические аспекты моделирования ситуаций оперативно-служебной деятельности в учебно-воспитательном процессе образовательных организаций МВД России.

В исследовании приняли участие два учебных взвода из числа обучающихся факультета профессиональной подготовки (сотрудники патрульно-постовой службы полиции, имеющие среднее профессиональное образование в возрасте от 21 до 30 лет) в количестве 54 человек. Эксперимент проводился в целях определения уровня профессиональных компетенций (далее – ПК), их изменений в процессе обучения с применением практических модель-ситуаций в 3 этапа на протяжении 60 академических часов (далее – а.ч.). Все учебные занятия проводились в форме практических.

На первом этапе (10 а.ч.) определен базовый уровень профессиональных навыков обучающихся. Оценка производилась путем изучения профессиональных компетенций, приведенных в таблице 1, по шкале от 1 до 5 показателей посредством входного контроля как одной из наиболее удобных форм

оценки остаточных знаний, уже ранее полученных сотрудниками при прохождении стажировки в территориальных отделах полиции. Входной контроль включал в себя тестовое задание из 30 вопросов, где каждые 5 вопросов соответствуют определенному виду профессиональной компетенции (они представлены в таблице 1 и позволяют оценить уровень профессиональной подготовки впервые прибывших для обучения сотрудников), а также три задачи, направленные на ознакомление с практическими умениями.

традиционной форме «рассказ – демонстрация – обсуждение». С группой № 1 проведение учебных занятий осуществлялось с использованием декораций. Готовилась моделируемая ситуация, которая включала в себя мишенную обстановку с укрытиями, основными целями, группами сбивающих факторов, различных форм, размера и фактуры. Данную обстановку позволял создать тактико-специальный полигон образовательной организации. В качестве наиболее типовых использовались модель-ситуации, связанные

Таблица 1 – Расшифровка профессиональных компетенций, подлежащих исследованию

ПК-1	Способен выявлять и пресекать преступления и административные правонарушения
ПК-2	Способен выполнять задачи в особых условиях (под особыми условиями понимается стресс, вызванный обстоятельствами чрезвычайной ситуации)
ПК-3	Способен применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и порядке, определенном Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»
ПК-4	Способен документировать обстоятельства произошедшей ситуации и составлять процессуальные документы
ПК-5	Способен обеспечивать личную безопасность себя и граждан при исполнении служебных обязанностей и в повседневной жизни
ПК-6	Способен оказывать первую помощь пострадавшему и самопомощь

Результаты, полученные при проведении входного контроля (график 1), указывают на то, что обучающиеся имеют приблизительно равные базовые показатели имеющихся профессиональных навыков на первом этапе.

На втором этапе (40 а.ч.) с обучающимися проводились практические занятия, в ходе которых с одним учебным взводом (№ 1) использовались практические модель-ситуации, со вторым (№ 2) занятия проводились в

с задержанием лиц, застигнутых при совершении таких административных правонарушений, как распитие алкогольно-содержащей продукции в общественном месте, мелкое хулиганство, а также таких уголовно-наказуемых деяний, как грабеж, разбой, покушение на убийство [4]. Причиной отработки последнего вида модель-ситуаций (покушение на убийство) становится сложность в задержании лица, пытающегося скрыться с места

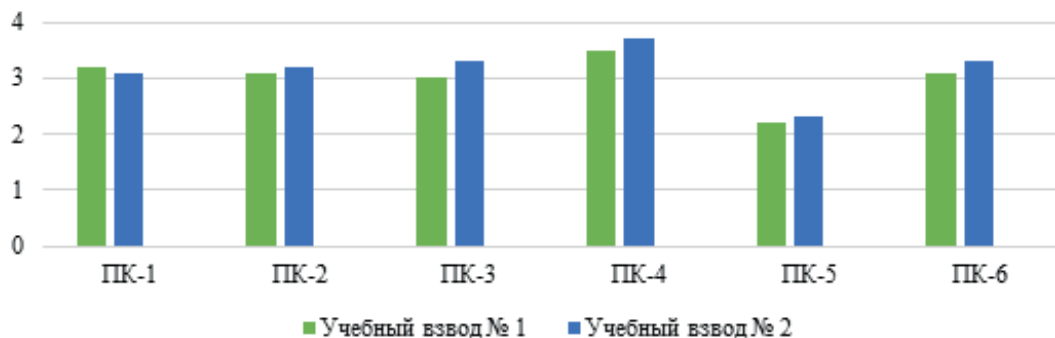


График 1. Уровень сформированности базовых профессиональных компетенций по результатам входного контроля обучающихся

преступления. По истечении 26 а.ч. проведен промежуточный контроль групп в целях определения изменений ПК обучающихся, результат представлен на графике 2. Стоит отметить, что промежуточный контроль проводился у обеих групп в равных условиях и представлял собой комплекс заданий, позволяющих определить изменения каждой ПК. Комплекс заданий включал в себя 6 видов тестовых заданий, а также 6 практических задач для каждой из ПК.

Данные, представленные на графике 2 указывают на то, что уровень сформированности ПК-1 «Способен выявлять и пресекать преступления и административные правонарушения» у обеих групп находится в равном состоянии в виду того, что компетенция формируется при изучении таких дисциплин, как «Основы уголовного права» и «Основы административного права», которые проводятся одинаково с обеими группами. В свою очередь показатели ПК-2 «Способен выполнять задачи в особых условиях (под особыми условиями понимается стресс, вызванный обстоятельствами чрезвычайной ситуации)» выше у группы № 1, в ходе занятий с которой преподаватель за счет сторонних факторов повышал уровень стресса обучающихся. В то время как группа № 2 самостоятельно с такими ситуациями столкнулась впервые. Уровень ПК-3 «Способен применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в случаях и порядке, определенном Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», находится также на равном уровне в виду того, что

изучение положений главы 5 «Применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия» Федерального закона «О полиции» осуществляется в рамках дисциплины «Основы административной деятельности полиции» равно в обеих группах, а в рамках отработки типовых модель-ситуаций обучающимся впервые самостоятельно пришлось принимать решение о необходимости применять тот или иной вид мер государственного принуждения. Уровень ПК-4 «Способен документировать обстоятельства произошедшей ситуации и составлять процессуальные документы» также претерпел малые изменения. Особое внимание стоит уделить корреляционным изменениям, произошедшим с ПК-5 «Способен обеспечивать личную безопасность себя и граждан при исполнении служебных обязанностей и в повседневной жизни» и ПК-6 «Способен оказывать первую помощь пострадавшему и самопомощь». У группы № 1 данные компетенции формировались за счет постоянной отработки практических модель-ситуаций, и ранее обучающимся из этой группы приходилось выполнять практические действия в рамках задания, данного при проведении промежуточного контроля. С группой № 2 модель-ситуации разбирались только через демонстрацию действий преподавателем.

На третьем этапе (10 а.ч.) проводился выходной контроль с учебными взводами. Выходной контроль представлял собой аналог промежуточного тестирования, то есть тестовые и практические задания с учетом включения видеоизменных модель-ситуа-

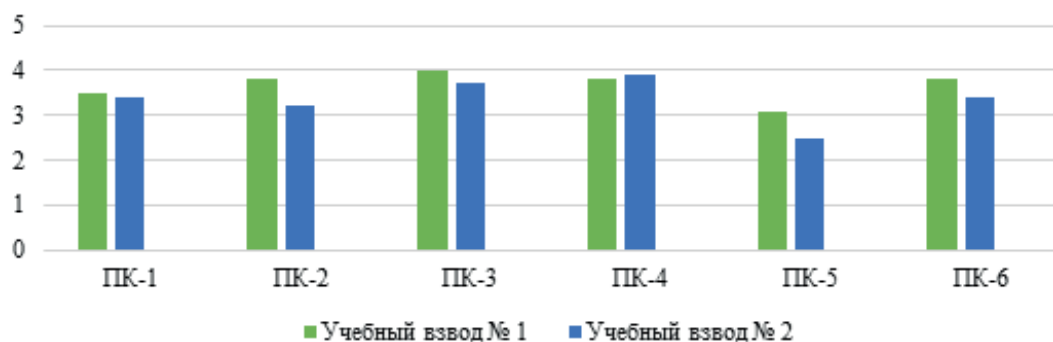


График 2. Уровень сформированности базовых профессиональных компетенций по результатам промежуточного контроля обучающихся

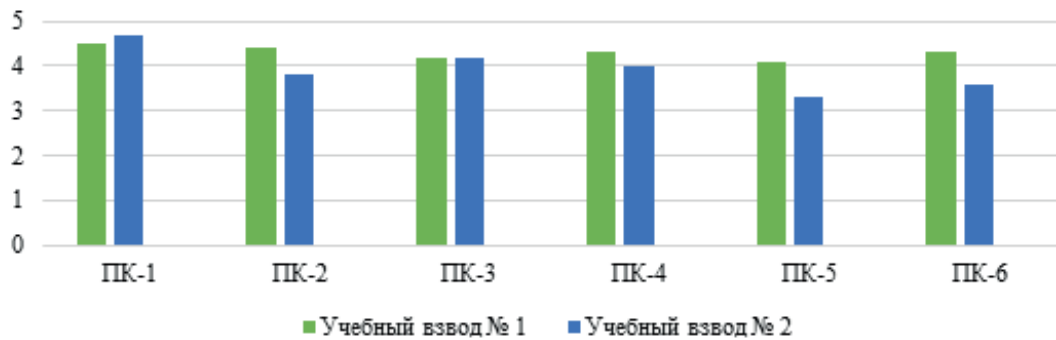


График 3. Уровень сформированности базовых профессиональных компетенций по результатам выходного контроля обучающихся

ций и действий. Результаты выходного контроля показали данные, представленные на графике 3. Как видим, сформированность компетенций ПК-1, ПК-3, ПК-4 остается на одинаковом уровне в силу того, что они в большей степени формируются на теоретических занятиях. В свою очередь ПК-2, ПК-5, ПК-6 сформировались высоко у группы № 1 по причине постоянного применения практических модель-ситуаций в ходе обучения.

Анализ представленных результатов исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. Организация на учебных занятиях по дисциплинам «Тактико-специальная подготовка», «Основы личной безопасности», «Актуальные вопросы деятельности патрульно-постовой службы полиции» среды, имитирующей ситуации служебной деятельности, предоставление возможности обучающемуся самостоятельно принимать решения в условиях изменения оперативной обстановки, создание экстремальных ситуаций, а также ситуаций неопределенности играют положительную роль в приобретении практических навыков.

2. По сравнению с проведением занятий в традиционной форме «рассказ – демонстрация – обсуждение» у будущих полицейских формируются такие качества, как способность оперативно оценивать обстановку, моральная устойчивость, быстрая реакция, собранность, смелость, решительность.

3. Профессиональные компетенции ПК-2, ПК-5, ПК-6, формируются на более высоком уровне с применением на занятиях метода модель-ситуаций.

Безусловно данный подход требует предварительной разработки занятий, высокой организации и компетентности преподавателей, однако он в полной мере реализует практико-ориентируемую модель обучения, используемую в образовательных организациях МВД России. Модель-ситуации повышают интерес обучающихся к занятию, мотивируют их на получение необходимых навыков и умений. При использовании предложенного метода проведения занятий обучающиеся получают практический опыт применения сотрудниками полиции крайних мер государственного принуждения, о формировании которого пойдет речь в следующих наших исследованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Равнюшкин А. В., Мягков А. В. Пресечение попытки завладения огнестрельным оружием сотрудника полиции, транспортным средством полиции как основание применения сотрудником полиции огнестрельного оружия // Административное право и процесс. 2018. № 5. С. 62–66.

2. Самороковский А. Ф., Уланов Н. Д. Моделирование ситуаций оперативно-служебной деятельности, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, как основа методики профессиональной подготовки сотрудников полиции // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 1(40). С. 213–215.

3. Кавецкий Д. Б., Сысоев А. А. Тактика действия нарядов ОВД по охране общественного порядка при возникновении чрезвычайных обстоятельств: учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2014. 132 с.

4. Войнов П. Н., Пойдунов А. А., Егоров Д. Е., Радоуцкий В. Ю. Проблемы подготовки сотрудников ОВД к силовым действиям при обеспечении безопасности на объектах транспорта // Дискурс. 2016. № 1(1). С. 24–32.

REFERENCES

1. Ravnyushkin A. V., Myagkov A. V. Prevention of an attempt to seize firearms of a police officer, a police vehicle as a basis for the use of firearms by a police officer // Administrative law and process. 2018. No. 5. P. 62–66. (In Russ.)

2. Samorokovsky A. F., Ulanov N. D. Modeling situations of operational and service activities associated with the use of physical force, special means and firearms, as the basis for the methodology of professional training of police officers // Bulletin of the Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1 (40). P. 213–215. (In Russ.)

3. Kavetsky D. B., Sysoev A. A. Tactics of the action of the departments of internal affairs for the protection of public order in case of emergency: textbook. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. 132 p. (In Russ.)

4. Voinov P. N., Voynov P. N., Poidunov A. A., Egorov D. E., Radoutsky V. Yu. Problems of training police officers for force actions while ensuring security at transport facilities // Discourse. 2016. No. 1(1). P. 24–32. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 24.03.2023.

Научная статья
УДК 37

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ОСНОВЕ
СИТУАЦИОННО-СРЕДОВОГО ПОДХОДА**

**Наталья Владимировна Ходякова¹, Наталья Владимировна Сердюк²,
Леонид Леонидович Грищенко³**

^{1,2,3} Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹ natalyaserduk@inbox.ru, ² hodyakova@yandex.ru, ³ vvg_59@mail.ru

Аннотация. В статье представлена принципиально новая модель (ориентировочная основа) деятельности педагогических субъектов по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, построенная на основе ситуационно-средового подхода в педагогическом проектировании. Девиантное поведение подростков авторы объясняют возникновением в жизнедеятельности несовершеннолетних ситуации дезадаптации во взаимодействии с образовательной средой, в качестве главной причины которой указывается деформация отношений личности к себе и своему социальному окружению (деструкция субъектной позиции). Моделирование деятельности по педагогической профилактике девиантного поведения несовершеннолетних осуществляется с опорой на методологические регулятивы ситуационно-средового подхода, определяющего ведущей целью такой профилактики создание личностно-развивающей образовательной среды, ее содержанием – проектирование стимулов и возможностей личностного роста подростка (развития его субъектной позиции), а процессуально-ориентировочной основой – преодоление педагогическими субъектами рисков дезадаптации в ситуациях различного типа (восприятия, структурирования среды и идентификации с образовательной средой; свободного выбора компонентов среды, экспериментирования в среде и пробы своих сил; ценностно-смысловой ориентации, самопрезентации, диалога в среде; самоутверждения и самореализации в образовательной среде).

Ключевые слова: несовершеннолетний, девиантное поведение, педагогическая профилактика, образовательная среда, ситуация дезадаптации личности.

Для цитирования: Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л. Проектирование педагогической деятельности по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних на основе ситуационно-средового подхода // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 211–218.

Original article

**DESIGN OF PEDAGOGICAL ACTIVITIES FOR THE PREVENTION
OF JUVENILE DEVIANT BEHAVIOR BASED ON A SITUATIONAL
AND ENVIRONMENTAL APPROACH**

Natalia V. Khodyakova¹, Natalia V. Serdyuk², Leonid L. Grishchenko³
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ natalyaserduk@inbox.ru, ² hodyakova@yandex.ru, ³ vvg_59@mail.ru

Abstract. The article presents a fundamentally new model (indicative basis) of the activities of pedagogical subjects in the prevention of deviant behavior of minors, built on the basis of a situational-environmental approach in pedagogical design. The authors explain the deviant behavior of adolescents by the occurrence

© Ходякова Н. В., Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л., 2023

in the vital activity of minors of a situation of maladaptation in interaction with the educational environment, the main reason for which is the deformation of the relationship of personality to oneself and one's social environment (destruction of the subject position). Modeling of activities on pedagogical prevention of juvenile deviant behavior is carried out on the basis of methodological regulations of the situational environmental approach, which determines the creation of a personal-developing educational environment for the leading purpose of such prevention, its content is the design of incentives and opportunities for personal growth of a teenager (development of its subject position), and procedural and indicative basis – overcoming by pedagogical subjects the risks of maladaptation in situations of various types (perception, structuring of the environment and identification with an educational environment; free selection of medium components, experimentation in medium and test of its forces; value-meaning orientation, self-presentation, dialogue in the environment; self-affirmation and self-realization in an educational environment).

Keywords: minor, deviant behavior, pedagogical prevention, educational environment, personality maladaptation situation.

For citation: Khodyakova N. V., Serdyuk N. V., Grishchenko L. L. Design of pedagogical activities for the prevention of juvenile deviant behavior based on a situational and environmental approach // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 211–218.

Воспитание нового поколения молодежи является задачей государственной важности, поскольку от его результативности напрямую зависят общественная безопасность и социально-экономическое благополучие страны, дальнейшее развитие российской науки и культуры, психофизическое здоровье и качество жизни граждан. Неслучайно одна из национальных задач развития Российской Федерации на ближайшие пять лет – «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

Исследователи Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования предлагают оценивать эффективность воспитания детей по следующим критериям:

- личностное развитие подростка;
- реализация воспитательного потенциала учебной и досуговой деятельности школьников;
- реализация потенциала педагогического взаимодействия с семьей;
- организационное и ресурсное обеспечение воспитательного процесса в образовательных организациях [1].

И, напротив, о неуспешности воспитания несовершеннолетних можно судить по фактам их девиантного (отклоняющегося от нормы) или делинквентного (противо-

правного) поведения. Статистика асоциальных проявлений подростков продолжает оставаться тревожной. Так, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 году зафиксировано более 26800 случаев подростковой преступности, что свидетельствует о необходимости усиления специальной педагогической работы по профилактике девиаций в детско-юношеской среде.

Девиантное поведение многие психологи определяют как негативный результат взаимодействия личности с социальной средой (семьей, школой, средой межличностных отношений), а одной из главных причин девиантного поведения подростков называют деформацию отношений личности к себе и социальному окружению, дезадаптацию [2; 3; 4]. Исходя из этого сущность педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних (их «превентивного воспитания») состоит в создании педагогическим субъектом такой образовательной среды, в которой была бы востребована личность трудного подростка, и оказании содействия ему в изменении отношения к себе и своему окружению [5].

Такая интерпретация позволяет моделировать процесс педагогической профилактики девиантного поведения несовершеннолетних с концептуальных позиций ситуационно-средового подхода в педагогике [6], предусматривающего:

– определение ведущей цели деятельности педагогического субъекта – создание личностно-развивающей образовательной среды, обеспечивающей стимулы (социальные требования, оценки, подкрепления и санкции), возможности (пространственно-временные, предметно-деятельностные, информационно-коммуникативные) и содержательные источники (социокультурные образцы-эталоны) для личностного роста подростка, а также условия его психологической безопасности;

– рассмотрение в качестве проектной единицы воспитательного процесса ситуации развития личности, под которой понимается фрагмент взаимодействия личности подростка с образовательной средой, представленный совокупностью взаимодействующих средовых (внешних) и личностных (внутренних) детерминант развития (рис. 1);

– упорядочение всего многообразия ситуаций, в которых может находиться подросток, на основе выделения ведущих психологических механизмов ситуаций личностно-средового взаимодействия:

а) дезадаптации в образовательной среде (деформации отношений к учебной и социально полезной деятельности; к учителям, родителям и сверстникам; к самому себе [7]);

б) адекватного восприятия, структурирования среды и идентификации с образовательной средой (понимания требований среды, выделения в среде активных субъектов и отождествление себя с ними, воспроизведение их действий с объектами среды [8]);

в) свободного выбора компонентов среды, экспериментирования в среде и пробы своих сил (предпочтение одной из имеющихся альтернатив в условиях вариативности среды [9], апробация различных видов деятельности и ролей в коммуникации [10]);

г) ценностно-смысловой ориентации, самопрезентации, диалога в среде (оформление и предъявление индивидуальной системы отношений [11], реализация онтологической потребности в «другом» [12]);

д) самоутверждения и самореализации в образовательной среде (определение личностью своего социального предназначения [13], осуществление возможностей саморазвития индивидуальных способностей [14]);

– фокусирование внимания педагога на системе отношений подростка к образовательной среде и себе в этой среде, интегрируемых понятием «личностная (субъектная) позиция». Идея значимости формирования позиции личности подростка разделяется многими педагогами-исследователями. В научной литературе встречаем работы на темы становления и развития гражданской позиции, патриотической позиции, экологической позиции, эстетической позиции школьников [15; 17; 18];

– дифференциацию подростков на основе различий их субъектной позиции в образовательной среде: 0) дезадаптированный индивид; 1) субъект восприятия и эмоционального переживания; 2) субъект самопознания и самостоятельной деятельности; 3) субъект рефлексии и диалога; 4) субъект саморегуляции;

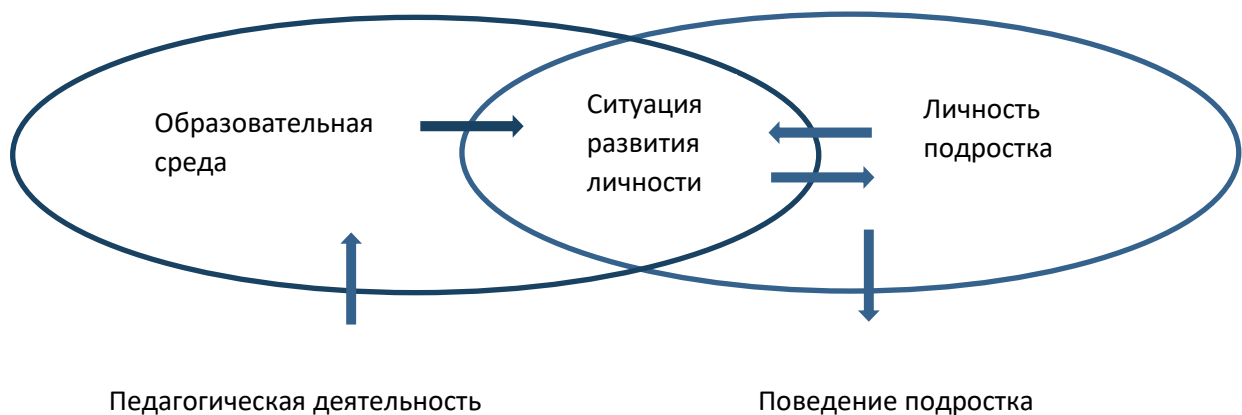


Рисунок 1. Ситуационно-средовая модель педагогического влияния на поведение подростка

– элиминацию педагогических рисков деструктивной ситуации дезадаптации личности в образовательной среде (ситуации рассогласования средовых и личностных факторов) посредством педагогической профилактики в ситуации каждого из четырех продуктивных типов, осуществляемой посредством управления параметрами среды.

Последнее суждение требует более развернутого объяснения. Дело в том, что в ситуацию дезадаптации, а, значит, и потенциальной девиации подросток с неустойчивой психикой и несформированной саморегуляцией может попасть из ситуации любого другого типа.

Так, в ситуации знакомства и идентификации с образовательной средой любое переживание подростком отрицательных эмоций, момент когнитивной дезориентации в потоках предъявляемой информации, непривычные для школьника психофизические и интеллектуальные нагрузки, несформированность общеучебных, трудовых навыков и полезных привычек на предыдущих этапах или плохое самочувствие могут вернуть подростка на этап назад. Дезадаптированный в образовательной среде подросток ищет ей альтернативы, в качестве которых часто выступают группы асоциального поведения, подмена пребывания в сложной реальности переживанием состояний алкогольного опьянения или наркотических иллюзий.

Однако и успешно освоившись в образовательной среде, подросток может не перейти из ситуации идентификации в ситуацию экспериментирования в среде, выбрав для себя как более комфортную и пассивную позицию ведомого. В этом случае он также подвержен риску дезадаптации, т. к. его развитие как самостоятельного субъекта своей жизни и деятельности не происходит, он находится в подчиненном положении в среде, что позволяет использовать его как исполнителя чужой воли. Такой подросток легко внушаем и управляем, в силу чего может стать объектом или средством криминальных действий, вербовки в экстремистские организации, вовлечения в так называемые «группы смерти» [19].

В случае если все-таки подросток благополучно дошел до ситуации экспериментирования в среде и, пробуя различные тактики поведения в среде, он познает и испытывает свои способности и возможности, то всегда есть опасность, что он будет действовать в среде беспорядочно и неосознанно, постоянно перебирать ее элементы, не определившись в той сфере предметной деятельности, которая ему нравится или удастся больше всего. Такие неупорядоченная активность и целевая расфокусировка чреваты импульсивными поступками несовершеннолетних, неосознанием смысла и последствий своих действий, проявлениями безответственности. Дезадаптация данного вида зачастую проявляется в игровой зависимости подростков, их бесконтрольном и длительном времяпрепровождении в социальных сетях, маргинальной активности.

Когда же ситуация экспериментирования со средой протекает продуктивно, и подросток переходит на этап диалога в среде, то и здесь возможны дезадаптационные риски. Непонимание и неприятие личностной позиции несовершеннолетнего его образовательным окружением, невозможность самовыражения в этой среде порождают изоляцию и отчуждение несовершеннолетнего, что чревато встречной агрессией подростка, крайним выражением которой являются общественно опасное поведение (шутинг, насилие над более слабыми).

Даже в ситуации самоутверждения и самореализации в образовательной среде, когда подросток пытается трансформировать среду с учетом своих убеждений, он может столкнуться с таким сопротивлением среды, которое приведет к его фрустрации, личностному кризису, в крайних проявлениях – к неконтролируемой аутоагрессии и суициду.

Существование обсуждаемых рисков дезадаптации обуславливает необходимость педагогической профилактики затруднений подростков во взаимодействии с образовательной средой. С учетом обсуждаемых методологических регулятивов педагогическая деятельность по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних (педагоги-

ческая профилактика) состоит в проектировании педагогическими субъектами такой образовательной среды, взаимодействуя с которой, подросток будет непрерывно и поступательно развиваться как личность, избегая ситуаций дезадаптации. Ориентировочная основа такой деятельности может быть представлена в виде таблицы (табл. 1).

Как же педагогическим субъектам практически осуществлять педагогическую профилактику девиантного поведения несовершеннолетних подростков с учетом предложенной ориентировочной основы? Охарактеризуем последовательность требуемых педагогических действий.

1. Диагностика преобладающего типа ситуации взаимодействия подростка с образовательной (семейной, школьной) средой и соответствующего уровня его субъектной позиции посредством наблюдений, бесед, анализа педагогической документации, результатов психологических исследований.

2. Проектирование (определение и обеспечение) соответствующего позиции подростка набора развивающих стимулов и возможностей образовательной среды, элиминация возможных ситуационных рисков дезадаптации.

3. Мониторинг активности подростка в среде и релевантные действия: а) в случае затруднений корректировка параметров образовательной среды (ее «индивидуальная донастройка»); б) в случае поступательного развития подростка (развития его субъектной позиции) фиксация перехода в ситуацию следующего типа.

4. При успешном прохождении несовершеннолетним всех четырех типов ситуаций в образовательной среде и достижении им позиции субъекта саморегуляции требуется качественное обновление среды превентивного воспитания и организация педагогом нового цикла взаимодействия развивающейся личности с изменившейся средой.

Резюмируя, заметим, что осуществляя профилактическую педагогическую деятельность с подростками на основе ситуационно-средового подхода, педагоги формируют с помощью специальным образом спроектированной образовательной среды их субъектную позицию – своеобразный личностный иммунитет, который позволяет им устойчиво противостоять негативным воздействиям в любых деструктивных и агрессивных социальных средах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селиванова Н. Л. и др. Оценка качества воспитания в образовательных учреждениях города Москвы: методическое пособие. М.: Московский центр качества образования, 2010.
2. Мясичев В. Н. Структура личности и отношения человека к действительности // Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. Москва: Изд-во МГУ, 1982. С. 35–39.
3. Реан А. А. Факторы риска девиантного поведения: семейный контекст // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 105–110.
4. Нефедова А. В. Психология девиантного поведения. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. С. 5–8.
5. Андруник А. П. Проектирование системы превентивно-воспитательной работы в образовательных учреждениях МВД России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. Т. 12-2 (51). С. 114–119.
6. Ходякова Н. В. Педагогическая профилактика деструктивного поведения подростков // Профилактика агрессии и деструктивного поведения молодежи: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 313–316.
7. Молодцова Т. Д. Психологические механизмы подростковой дезадаптации // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2009. № 2.
8. Бутова Е. В. К вопросу о механизмах межличностного восприятия // Наука и современность. 2010. № 1-2. С. 29–33.
9. Мандрикова Е. Ю. Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки: дис. ... канд. псих. наук. М., 2006.

Таблица 1 – Ориентировочная основа педагогической профилактики
девиантного поведения (дезадаптации) подростков

Преобладающий тип ситуации взаимодействия подростка с образовательной средой	Субъектная позиция подростка	Развивающие стимулы и возможности образовательной среды	Ситуационные риски дезадаптации подростка	Деятельность субъекта педагогической профилактики
Адекватного восприятия, структурирования среды и идентификации с образовательной средой	Субъект восприятия и эмоционального переживания	Стимулы – требования, пошаговый контроль, оценка педагога. Возможности – новая информация, задание алгоритма и образца выполнения деятельности	Переживание негативных эмоций, плохое физическое самочувствие, когнитивная дезориентация, интеллектуальные и психологические перегрузки, несформированность необходимого опыта на более ранних этапах оттога неза и образования	Проектирование в среде позитивных эмоциогенов (в том числе подкрепляющая оценка), систематизация информации, дозирование нагрузок, компенсация недостающих знаний и умений на основе объяснительно-иллюстративного метода обучения
Свободного выбора компонентов среды, экспериментирования в среде и пробы своих сил	Субъект самопознания и самостоятельной деятельности	Стимулы – соревновательно-игровые условия, объективная оценка успешности деятельности. Возможности – вариативные задания, виды и инструментарий деятельности, альтернативные тактики поведения	Психологическая неготовность к самостоятельному управлению своей деятельностью, отсутствие самокритики, недостаточный уровень притязаний, конформистская позиция в социуме	Предусмотрение в среде выводящих из зоны комфорта раздражителей, организация соревнований и конкурсов с оценкой на основе заранее установленных критериев результативности, а также выполнения разноуровневых альтернативных заданий. Ведущий метод воспитания – соревновательно-игровой
Ценностно-смысловой ориентации, самопрезентации, диалога в среде	Субъект рефлексии и диалога	Стимулы – жизненные проблемы, противоречия, коллизии. Возможности – контакты с авторитетными личностями и репрезентативной группой, ценностно-смысловой диалог с учетом этических правил	Неосознанность и беспорядочность деятельности, общения и поведения, легкомысленные и импульсивные поступки, проявления безответственности и ценностно-смысловой индифферентности	Обеспечение значимых тем и общего проблемно-смыслового контекста общения в референтной группе, условий для презентации своих отношений, введение и соблюдение правил конструктивного взаимодействия. Ведущий педагогический метод – дискуссия, диалог
Самоутверждения и самореализации в образовательной среде	Субъект саморегуляции	Стимулы со стороны среды минимальны, внешний контроль отсутствует. Возможности – любые педагогически приемлемые условия свободной деятельности и коммуникации	Практическая дискредитация сложившейся позиции личности, потеря смысла общения и деятельности	Оказание психолого-педагогической помощи в обретении новых смыслов, возобновлении продуктивного взаимодействия с образовательной средой. Ведущий педагогический метод – наблюдение и фасилитация

10. Шерешик Н. Н. Психологические механизмы игры и особенности их функционирования в дидактических играх // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-2.
11. Журавлева И. А. Феномен самопрезентации личности в психологии // Вестник университета. 2012. № 3.
12. Топольская Т. А. О понятии «диалог» в психологических исследованиях // Консультативная психология и психотерапия. 2012. Том 20. № 1. С. 34–63.
13. Перевозчикова Л. С. Конструктивное самоутверждение личности как философская проблема // Сибирский педагогический журнал. 2007. № 1.
14. Коростылева Л. А. Психология самореализации личности: основные сферы жизнедеятельности: дис. ... докт. псих. наук. СПб, 2001.
15. Грищенко Л. Л., Демин Г. И, Кононова С. Н. Формирование гражданской позиции подростков на примере традиций казачества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4 (75). С. 17–21.
16. Прохоренко О. И. Формирование патриотической позиции старшеклассников в процессе обучения общественным дисциплинам: на примере обществознания: дис. ... канд. пед. наук. Тамбов, 2007.
17. Колесникова Т. А. Формирование экологической позиции учащихся в процессе внеурочной работы: дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 2002.
18. Гордеева Е. Н. Ситуационно-средовое проектирование развития эстетической культуры сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. пед. наук. М., 2021.
19. Сердюк Н. В., Грищенко Л. Л., Столяренко А. М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 167–178.

REFERENCES

1. Selivanova N. L. et al. Evaluation of the quality of education in educational institutions of the city of Moscow: a methodological guide. Moscow: Moscow Center for the Quality of Education, 2010. (In Russ.)
2. Myasishchev V. N. The structure of personality and the relationship of a person to reality // Psychology of personality / ed. Yu. B. Gippenreiter, A. A. Puzyreya. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1982. P. 35–39. (In Russ.)
3. Rean A. A. Risk factors for deviant behavior: family context // National Psychological Journal. 2015. No. 4 (20). P. 105–110. (In Russ.)
4. Nefedova A. V. Psychology of deviant behavior. Vladimir: VIGU Publishing House, 2015. P. 5–8. (In Russ.)
5. Andrunik A. P. Designing a system of preventive educational work in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 12-2 (51). P. 114–119. (In Russ.)
6. Khodyakova N. V. Pedagogical prevention of destructive behavior of adolescents // Prevention of aggression and destructive behavior of youth: a collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow, 2022. P. 313–316. (In Russ.)
7. Molodtsova T. D. Psychological mechanisms of adolescent maladaptation // Bulletin of the Taganrog Institute named after A. P. Chekhov. 2009. No. 2. (In Russ.)
8. Burova E. V. To the question of the mechanisms of interpersonal perception // Science and modernity. 2010. No. 1-2. P. 29–33. (In Russ.)
9. Mandrikova E. Yu. Types of personal choice and their individual psychological prerequisites: dis. ... cand. psycho. sciences. M., 2006. (In Russ.)
10. Shereshik N. N. Psychological mechanisms of the game and features of their functioning in didactic games // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2017. No. 5-2. (In Russ.)
11. Zhuravleva I. A. The phenomenon of personality self-presentation in psychology // Bulletin of the University. 2012. No. 3. (In Russ.)
12. Topolskaya T. A. On the concept of “dialogue” in psychological research // Consultative psychology and psychotherapy. 2012. Volume 20. No. 1. P. 34–63. (In Russ.)
13. Perevozchikova L. S. Constructive self-affirmation of personality as a philosophical problem // Siberian Pedagogical Journal. 2007. No. 1. (In Russ.)

14. Korostyleva L. A. Psychology of personal self-realization: the main spheres of life: dis. ... doc. psycho. sciences. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)

15. Grishchenko L. L., Demin G. I., Kononova S. N. Formation of the civil position of adolescents on the example of the traditions of the Cossacks // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2018. No. 4 (75). P. 17–21. (In Russ.)

16. Prokhorenko O. I. Formation of the patriotic position of high school students in the process of teaching social disciplines: on the example of social science: dis. ... cand. ped. sciences. Tambov, 2007. (In Russ.)

17. Kolesnikova T. A. Formation of the ecological position of students in the process of extracurricular work: dis. ... cand. ped. sciences. Astrakhan, 2002. (In Russ.)

18. Gordeeva E. N. Situational and environmental design of the development of aesthetic culture of employees of internal affairs bodies: dis. ... cand. ped. sciences. M., 2021. (In Russ.)

19. Serdyuk N. V., Grishchenko L. L., Stolyarenko A. M. Psychological and pedagogical aspects of the prevention of extremism in the youth environment // Psychology and Law. 2018. Volume 8. No. 3. P. 167–178. (In Russ.)

Информация об авторах:

Ходякова Н. В., доктор педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России;

Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России;

Грищенко Л. Л., доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

Khodyakova N. V., Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogy, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Grishchenko L. L., Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted 06.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 24.03.2023.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

Редколлегия принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, по своему содержанию отражающие современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции, правоохранительной деятельности, развития и совершенствования высшего юридического образования, методики обучения и воспитания в образовательных организациях системы МВД России, о связи юридической науки и практики, а также обзоры и комментарии законодательства, очерки и материалы по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Заявки и рукописи представляются в Уфимский ЮИ МВД России с приложением электронного варианта на электронном носителе, либо по электронной почте: vestnik_uyi@mvd.ru.

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть в пределах от 7 до 10 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является анонимным («двойное слепое рецензирование»).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России»
Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ _____
(название статьи)
в рубрике _____
Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.
Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.
Согласен на обработку своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».
Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.